ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС

ISSN 0320-8907

7

ИЮЛЬ

1990

НОВЫЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В. И. ЛЕНИН И О В. И. ЛЕНИНЕ

В. І. Ленін про літературу: [Сборник].— Київ: «Дніпро», 1990.— 599 с.

КИРЮХИНА Е. И. **Ленин и Вятский край.**—2-е изд., доп.— Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1990.—256 с.

КУВАКИН В. А. **Мировоззрение В. И. Ленина: Формирование и основные черты.**— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.—207 с.

ЛАППО Д. Д. **Их вдохновлял Ленин.**— М.: Воениздат, 1990.—239 с.

Ленин всегда с нами: [Ленин и Удмуртия].—3-е изд., доп.—Ижевск: Удмуртия, 1990.—156 с.

В. И. Ленин и Калмыкия: Сб. док. и материалов / Парт. архив Калмыцкого обкома КПСС. Центр. гос. архив Калмыцкой АССР.—3-е изд., испр. и доп.— Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1990.— 212 с.

В. И. Ленин и Урал: Указ. ленинских произведений и документов: Материалы из Биогр. хроники В. И. Ленина (1970—1988) / Челябинская обл. универсальная науч. б-ка им. 50-летия Великого Октября.— Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990.—256 с.

ЛУКАЧ Д. **Ленин: Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей.** Пер. с нем.— М.: Междунар. отношения, 1990.—144 с.

СМИРНОВ Г. Л. **Ленинское видение социализма** / Всесоюз. дом политпросвещения при ЦК КПСС. Всесоюз. о-во «Знание».—М.: Знание, 1990.—64 с.— (В помощь лектору. Б-чка «Перестройка политической учебы: поиск, проблемы»).

ДОКЛАДЫ, РЕЧИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ГОРБАЧЕВ М. С. **Идти вместе дорогой перестройки:** Выступление перед делегатами XXI съезда ВЛКСМ.— Ответы на вопросы делегатов съезда, 10 апр. 1990 г.— М.: Политиздат, 1990.—32 с.

Слово о Ленине Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжеств. собрании, посвящ. 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, 20 апр. 1990 г.—М.: Политиздат, 1990.—31 с.

ГОРБАЧЕВ М. С. **Уроки войны и Победы:** Доклад на торжеств. собрании, посвящ. 45-летию Победы сов. народа в Великой Отечественной войне, 8 мая 1990 г.— М.: Политиздат, 1990.—31 с.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГАЛКО Т. Е. **Правящая партия:** К вопросу о ленинской концепции роли партии в создании и функционировании механизма социалистической демократии.— Минск: Университетское, 1990.— 104 с.

Историко-партийная наука на современном этапе развития советского общества: (Материалы конференции) / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. истории КПСС.— М., 1989. — 157 с. Репрогр.

История без «белых пятен». Дайджест прессы. 1987—1988.— Л.: Лениздат, Соц.-коммерческая фирма «Человек», 1990.—543 с.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917—1922. Документы и материалы / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Гл. арх. упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив нар. хоз-ва СССР.— М.: Наука, 1990.—399 с.

Научные труды по истории КПСС: Респ. межвед. науч. сборник. Вып. 164. Ленинское учение о защите социалистического Отечества и современность.— Киев: Лыбидь, 1990.—102 с.

УСАТЮК А. Ф. **Исповедь коммуниста: (Критика системы сталинизма)** / Ин-т истории партии при ЦК КП Латвии — фил. ИМЛ при ЦК КПСС.— Рига: Авотс, 1990.—247 с.

Великая Отечественная война, 1941—1945: События. Люди. Документы: Краткий ист. справочник.— М.: Политиздат, 1990.—464 с.

ПАПИН В. С. **Организационно-партийная работа в годы Отечественной войны:** (К 45-летию Победы).— М.: Знание, 1990.—63 с. (Новое в жизни, науке, технике. История и политика КПСС).

XXVII съезд КПСС и вопросы дальнейшего совершенствования политической системы советского общества: Сб. науч. трудов / Ташк. гос. ун-т.— Ташкент, 1989.—88 с. Репрогр.

(Окончание см. на 3-й стр. обложки)

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОРГАН
ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

Журнал издается
с июля 1957 г.
Выходит ежемесячно.

7

1990

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

Редколлегия:
В. И. КАСЬЯНЕНКО
(главный редактор)
А. Л. АНДРЕЕВ
В. Я. БОНДАРЬ
Ю. С. ВАСЮТИН
В. И. ДЕСЯТЕРИК
В. В. ЖУРАВЛЕВ
И. Н. КИТАЕВ
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ
П. С. КОЛЬЦОВ
В. В. КОРНЕВ
А. Е. КРУХМАЛЕВ
(зам. главного редактора)
С. В. КУЛЕШОВ
С. И. МОКШИН
В. П. НАУМОВ
В. В. РЯБОВ
В. М. СЕЛУНСКАЯ
Б. Ф. СЛАВИН
Ф. Н. СМЫКОВ
(ответственный секретарь)

Технический редактор Е. Б. Березкина.

Сдано в набор 07.06.—11.06.90.
Подписано к печати 25.06.90. А 00323.
Формат 70×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 17,75.
Усл. кр.-отт. 15,93. Уч.-изд. л. 17,75.
Тираж 46 000 экз. Заказ № 2427. Цена 70 коп.

Адрес редакции. 129256, Москва, И-256,
ул. Вильгельма Пика, д. 4.
Телефоны для справок: 181-15-79; 187-95-55.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Вопросы истории КПСС». 1990.

ОТ «МОНОЛИТНОГО» — К ЕДИНСТВУ, ОСНОВАННОМУ НА ПЛЮРАЛИЗМЕ

В. А. ГОРЛОВ,
Т. В. ПОРФИРЬЕВА,
кандидаты исторических наук

Уэллсовский Спящий, засни он несколько десятилетий назад с тем, чтобы проснуться сегодня, открыв газету, решил бы, что его фантастический сон продолжается. В самом деле: Платформа ЦК КПСС, Демплатформа, Марксистская платформа; социал-демократы, кадеты, анархо-синдикалисты, демохристиане; плюрализм...

Плюрализм — отличительная черта общественного сознания в наши дни. В экономическом сознании — это стремление к многоукладности, многообразию форм собственности. В политическом — тяга к многопартийности, созданию фронтов, движений самой различной, порой противоположной ориентации. Мировоззренческий плюрализм характеризует определенная толерантность, интерес к немарксистским взглядам русских философов начала XX века, идеалистическим и иррациональным концепциям, религии. В партии — это признание не только возможности, но и необходимости наличия широкого спектра мнений, суждений, оценок, платформ.

Как сообразуется плюрализм в партии с единством как одним из важнейших источников ее силы? В этой связи — какое место занимает единство в системе приоритетов революционного авангарда; что такое «монолитное» единство и каковы его последствия; когда началась перестройка партии и какое место в ней занимает XX съезд КПСС; как соотносятся плюрализм и демократический социализм; каким должно быть единство новой, реформированной партии; какая существует социальная база для этого единства; наконец, как оно должно осуществляться в условиях демократизации внутрипартийной жизни и в условиях политического плюрализма?

Проблема партийного единства приобрела ныне исключительную остроту. Это связано прежде всего с тем, что процессы обновления КПСС вступили в свою решающую стадию. Какой должна быть, какой будет партия в демократическом социалистическом обществе? На этот вопрос в партии и вне ее не существует однозначных ответов. Учитывая складывающийся за годы перестройки политический плюрализм, наличие в партии широкого многообразия мнений, точек зрения, не только различных, но подчас и прямо противоположных, причем нередко по вопросам принципиальным, нельзя не видеть реальную опасность раскола партии. Вместе с тем единство любой ценой, путем беспринципных компромиссов, без идейного размежевания нанесло бы партии большой вред. «Безыдейная организованность», по словам В. И. Ленина,— это бессмыслица [1].

Самой жизнью проблема единства партии выдвинута на передний план общественно-политического развития. Это обусловлено, во-первых, необходимостью консолидации сил, ибо нарушение единства в рядах

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 126.

многомиллионной КПСС негативно отразится на состоянии общества, и, во-вторых, особым значением единства для самой партии, для восстановления ее авторитета в массах и, следовательно, осуществления ею авангардной роли в обществе.

Имея в виду все это, важно переосмыслить само понятие партийного единства, без чего трудно себе представить действительную перестройку партии.

О каком, собственно, единстве идет речь?

Происходящее сегодня освобождение истории партии от идеологических клише «Краткого курса истории ВКП(б)»[2] позволяет восстановить ленинский взгляд на единство и увидеть, что проблема его достижения никогда не рассматривалась Лениным в качестве самоценной величины. Уже II съезд РСДРП показал, что в системе ценностей зарождающейся российской революционной партии пролетариата она занимала не главное место: вспомним дискуссию по § I Устава, которая носила принципиальный характер и предопределила исторический раскол партии на большевиков и меньшевиков. Полемика не исключала их сотрудничества в борьбе против царизма и последующего их объединения в 1904—1907 гг.[3]. Характерно, что руководитель большевиков предвидел в будущем новый разрыв с меньшевиками и не только не драматизировал его, но и считал естественным процессом развития партии и изменения условий ее борьбы. Решающим для В. И. Ленина была дееспособность партии, зависящая от многих факторов — правильные стратегия и тактика, связь с массами, тактическая гибкость, идейная убежденность, уровень политической и нравственной культуры самих революционных борцов и т. д., среди которых важнейшим было единство на основе борьбы за программную цель — революционное свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата.

Положение изменилось после завоевания власти, особенно в условиях гражданской войны и введения нэпа, когда партия приступила к созидательным задачам, когда вывести общество из кризиса она не могла, не отказавшись от ослаблявшего ее в то время соперничества мнений, идей, подходов, решений и не в последнюю очередь амбиций, которое приняло форму острой фракционной борьбы. В этот период единство партии приобрело исключительное значение, что нашло отражение в специально принятой резолюции X съезда РКП(б). Съезд обращал внимание всех членов партии на то, что «единство воли авангарда пролетариата является особенно необходимым в настоящий момент», и предписывал «немедленно распустить все, без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы», поручив «всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений». Невыполнение этого постановления съезда влекло за собой «безусловное и немедленное исключение из партии»[4].

Это постановление принято в переломный период нашей истории и, по нашему мнению, носило характер чрезвычайных мер. Но нельзя не предположить, что со временем, с изменением условий в обществе и партии — стабилизацией экономики, налаживанием сотрудничества классов, становлением пролетарского государства и особым значением демократизации партийной и общественной жизни,— эти жесткие, исключительные меры должны были уступить место действительно де-

---

[2] См. Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 11; Шелохаев В. В., Филиппов Р. В., Блинов Н. В., Алуф И. А. К разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС.— Там же, 1989, № 12.

[3] В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что большевики и меньшевики в этот период составляли одну партию (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 50; т. 20, с. 301; т. 44, с. 265).

[4] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенограф. отчет. М., 1963, с. 571, 573.

мократическим механизмам. На временный характер этих мер, по существу, указывал на X съезде В. И. Ленин, говоря, что «нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина,— не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем» [5].

Выступая против создания в партии организационно оформленных фракций, Ленин всегда принципиально отстаивал необходимость корректной конструктивной критики, борьбы и конкуренции мнений и идей. «...В партии всегда будут споры и борьба,— писал В. И. Ленин,— их надо лишь ввести в партийные рамки...» [6].

Однако в послеленинский период на протяжении многих десятилетий в политическом сознании закреплялось сталинское толкование единства как монолитного, исключающего всякое инакомыслие. «Монолитное» единство на практике означало деформацию ленинских принципов партийной жизни, подмену демократического централизма бюрократическим, отрицание прав меньшинства во имя железной дисциплины и «единой» воли, подавление инициативы, культивирование психологии «винтика», насаждение догматизма и идеологических штампов в массовом сознании и т. д. «Монолитное» единство не просто декларировалось, оно навязывалось, внедрялось, в том числе и репрессивными методами. Резолюция X съезда о единстве использовалась Сталиным, чтобы укрепить режим личной власти, ослабить интеллектуальный потенциал партии, не допустить выхода на поверхность сопротивления партийных масс. При этом история партии представлялась как «история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления» [7].

Такая абсолютизация значения единства была одним из проявлений приверженности И. В. Сталина к чрезвычайным мерам (в экономике, политической жизни, духовной сфере и т. д.) как средству и условию формирования им командно-административной системы, в которой чрезвычайность была возведена в ранг повседневной нормы и теоретически оправдывалась концепцией обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму [8].

Еще и сегодня после пяти лет перестройки партия сталкивается с разрушительными последствиями такой практики, сформировавшей устойчивые социально-психологические стереотипы партийной жизни и поведения коммунистов: двойная мораль, отчуждение от процесса принятия решений, пассивность и апатия, неверие в результативность собственных действий и возможность перемен, конформизм и др. Ведущим поведенческим императивом члена партии стало чувство самосохранения, которое диктовало беспрекословное следование за всеми руководителями — от секретаря «первички» до генсека, от бригадира до министра. На всех этажах партии и общества, во всех сферах утверждался не личностный, а статусный авторитет; проходила деинтеллектуализация партии. Десятилетиями продолжавшееся закрепление немногочисленных навыков политической и социальной жизни вызвало у значительной части членов партии болезненное неприятие нового, утрату способности воспринимать его и соответственно корректировать динамический стереотип поведения и мировосприятия. Копившаяся годами и не находившая выхода энергия масс, высвобожденная в период демократизации и гласности, воплотилась ныне в невероятном всплеске митинговой активности и стремительном образовании многочисленных неформаль-

[5] Там же, с. 29.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 8.
[7] Сталин И. В. Соч., т. 9, с. 5.
[8] См. там же, т. 13, с. 211.

ных объединений. Во многом этим же объясняется и нарастающая интенсивность образования новых политических партий.

Очевидное отставание перестройки партии на фоне политических перемен в обществе не в последнюю очередь объясняется также зигзагообразным характером, который отличает весь процесс обновления партии, по существу, начатый XX съездом КПСС.

С весны 1956 г. начались не законченная и поныне десталинизация общественного сознания, критическое переосмысление казарменного социализма и его конкретного воплощения в виде командно-бюрократической системы. Десталинизация, понимаемая ныне как очищение партии и общества от принципиальных искажений и извращений марксистско-ленинского понимания роли революционного авангарда и сущности социализма, на XX съезде приняла зауженную форму критики «культа личности И. В. Сталина» и не затронула основ сложившейся системы.

Однако именно в то время начался мучительный для партии процесс освобождения от идеологии и политической практики сталинизма, уже тогда в зачаточной форме наметилось проявляющееся ныне достаточно условное в нашей действительности размежевание на «правых» и «левых». «Монолитное» единство получило серьезный удар, от которого так и не смогло уже оправиться. Резолюция XX съезда «О культе личности и его последствиях»[9] была встречена в партии в целом с удовлетворением. Вместе с тем она способствовала ощутимому размежеванию на тех, кто категорически не принял революционные для того времени решения, кто согласился с ними с бо́льшими или меньшими оговорками, кто согласился, но посчитал недостаточными и воспринял в качестве первого шага.

XXII съезд КПСС, продолжив критику «культа личности», одновременно обозначил и практическое ее завершение: логическим продолжением официальной десталинизации должен был бы стать процесс, получивший тридцать лет спустя название «перестройка». Между тем в обществе не было еще значимых социальных сил, могущих ее поддержать, в партии не было лидеров, способных ее возглавить, да и в экономическом плане командно-административная система не исчерпала еще к началу 60-х годов потенциала присущих ей экстенсивных методов развития.

Укоренившиеся в партии и народе традиции «монолитного» единства, практическое сохранение прежних руководящих структур, стагнация общественной науки и некоторые другие факторы позволили брежневско-сусловскому руководству временно консолидировать систему, которая в результате критики «культа личности», по существу, не претерпела серьезных изменений.

Усилившаяся во времена застоя формализация внутрипартийной жизни усугубила негативные последствия всего предшествовавшего периода. Более того, в эти годы мы наблюдаем элементы нравственного разложения в партии. Возросшая бесконтрольность партийных органов, цинизм, двойная мораль, распущенность части партийных кадров и рядовых коммунистов — эти и другие очевидные не только для членов партии, но и для беспартийных масс явления обнаруживали полное несоответствие между по-прежнему провозглашаемым в партийных документах «монолитным» единством[10] и реальным состоянием партийных

[9] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986, с. 90.

[10] См., например: XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенограф. отчет. В 2-х т. Т. 1. М., 1966, с. 85; XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенограф. отчет. В 2-х т. Т. 1. М., 1971, с. 119; XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 24 февраля — 5 марта 1976 года. Стенограф. отчет. В 3-х т. Т. 1. М., 1976, с. 91; XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февраля — 3 марта 1981 года. Стенограф. отчет. В 3-х т. Т. 1. М., 1981, с. 87.

рядов. Партийное единство становилось если и не фикцией, то, безусловно, бессодержательным, вербальным. Сложившееся положение не могло не вызывать недовольства и стремления к переменам большей части партии — искренних партийцев, естественным выражением чего явилась активная поддержка перестройки.

Вместе с тем перестройка обнаружила копившиеся десятилетиями социальные и национальные противоречия, разрушила идеологические мифы о «морально-политическом» и «монолитном» единстве, проявила подавляемое ранее многообразие интересов.

Плюрализм — естественная, объективно обусловленная черта любого демократического общества. Социализм, преодолевая поляризацию интересов противоположных общественных сил, ведет к дифференциации общественных интересов [11].

В ходе перестройки, начавшейся экономической реформы, возникновения многоукладной экономики и новых политических институтов происходит усложнение социальной структуры общества, появляются новые группы с различными, далеко не однородными или даже противоположными интересами, которые в условиях гласности и демократизации осознают себя политически.

В силу возросшей политизации масс существующие различия, противоречия, столкновения интересов выливаются в стихийные митинги, неформальные объединения, движения, фронты, партии. В обществе складывается политический плюрализм.

То обстоятельство, что в 20—30-е годы естественный ход политического процесса был прерван, имело свои, далеко идущие последствия, которые стали столь очевидными в процессе перестройки. Во-первых, это низкий уровень политической культуры, проявляющийся в излишней склонности к дебатам, многословию и митингованию, в нетерпимости, отсутствии навыков политической деятельности и недостаточной деловитости и ответственности. Во-вторых, это возвращение на политическую арену бо́льшей частью исторически изжитых (от монархистов до анархистов) партий, имеющих свою социальную базу и, возможно, в недалеком будущем свой электорат. Такая пестрота взглядов и ориентаций и сопутствующее ей усиление конфронтации являются своего рода компенсацией, определенной расплатой за длительное господство так называемой монолитности.

Многопартийность создает новые условия для партийного единства. Существование однопартийной системы в сочетании с концепцией общенародной партии привело к положению, когда КПСС объединяла людей, вступающих в партию по самым разным мотивам, с самыми различными и подчас взаимоисключающими взглядами, поскольку участие в политической жизни, реализация социального потенциала в тех условиях были возможны почти исключительно при наличии партийного билета. Очевидно, что в условиях политического плюрализма, который представляет механизм для самовыражения и размежевания, создаются предпосылки для бо́льшей однородности партийных рядов. Вместе с тем, будучи многомиллионной организацией, партия не может не отражать множественность интересов, существующих в обществе.

Процесс демократизации внутрипартийной жизни начался значительно раньше выработки концепции обновленной КПСС. Указанное опережение привело к тому, что вокруг этой проблемы, то есть направленности, темпов и содержания обновления, или, как говорится в проекте Платформы ЦК КПСС, «реформирования партии», сконцентрировались сегодня главные вопросы, от которых в значительной мере зависит единство партийных рядов. Члены партии сегодня знают, какой

[11] См. Здравомыслов А. Г. Перестройка и интересы: новые подходы к теории социализма.— Рабочий класс и современный мир, 1990, № 1, с. 11.

КПСС не должна быть. В ходе перестройки происходит отказ от узловых моментов сталинской модели партии, опиравшейся на крайний субъективизм и упрощенный, вульгаризированный классовый подход: дегуманизации внутрипартийных отношений и взгляда на партию как важнейший элемент командно-административной системы.

В массовом сознании и научной среде все более четко осознается необходимость формирования современного облика партии как инициатора создания и субъекта политической системы правового государства и гражданского общества.

Трудность этого процесса заключается в том, что в течение десятилетий утверждавшаяся в КПСС сталинская модель партии выдавалась за творческое воплощение ленинского учения о партии. Сама методология сталинских деформаций партийной жизни заключалась в первую очередь в абсолютизации ряда ленинских положений, следовательно, необходимая сегодня реконструкция ленинской концепции требует не механического отсечения верного от неверного, а раскрытия той грани, где правильные ленинские идеи превращались в свою противоположность (вместо политического руководства партии — авторитарное государство, вместо идейного единства — монолитное единство, вместо демократического централизма — бюрократический централизм и т. д.).

Что, по нашему мнению, является сегодня главным в работе по восстановлению ленинской концепции партии?

Прежде всего это вычленение идей, максимально «работающих» на перестройку. К ним относятся, в частности, воздействие партии на характер и темпы преобразований во всех сферах общественной жизни, ее роль как основной идейно-теоретической силы; безусловная ценность демократического характера КПСС; прямая и обратная связь с массами, способность убеждать их на собственном политическом опыте в правильности линии партии; личное участие коммунистов в деятельности партии, политическая ответственность партии за свою деятельность.

При этом основным является освоение подлинно научной методологии разработки проблем партии, которая по праву связывается с именем В. И. Ленина. Здесь следует назвать рассмотрение деятельности партии в неразрывной связи с проблемами общества; познание и использование законов развития общества как важнейшее условие эффективного партийного воздействия на него; умение круто менять политику партии в соответствии с изменяющейся действительностью; последовательное применение принципа историзма и др.

Следует учитывать, что восстановлением ленинской концепции партии и десталинизацией КПСС не исчерпывается процесс ее обновления. Мы нередко забываем, что Ленин разрабатывал концепцию партии нового типа в противовес традиционным социал-демократическим партиям Европы, действовавшим в легальных условиях парламентской демократии, и не на все времена, а для свержения царизма и свершения социалистической революции.

В. И. Ленин рассматривал существование политических партий как результат естественного развития политического процесса, как необходимый атрибут цивилизованного общества. При всем отличии функций, форм деятельности и т. д. они являются выразителями политических интересов общественных слоев и групп как подлинных субъектов политики. Противопоставление КПСС всем существующим партиям, подчеркивание ее уникальности, несопоставимости со всеми иными партиями представляют собой не только упрощение хода мировой цивилизации и непреодоленный идеологический штамп сталинских воззрений на классовые антагонизмы, но и такую позицию, которая ведет к обеднению самих теоретических представлений о современной политической партии демократического социализма.

В центре внимания находится проблема научного поиска современной концепции партии на базе ленинских идей, опыта КПСС, интегрирования теории и практики европейской социал-демократии. В этой плоскости немалую пищу для размышлений представляет и опыт партий стран Восточной Европы.

В печати дебатируется вопрос о характере партии. Быть ей «парламентской» или «авангардной»?

Вряд ли вызывает сомнение сам тезис о том, что партия не может выполнить своего предназначения, не будучи в авангарде общественных сил. Опыт перестройки показывает, что партия выступила не только ее инициатором, выражая глубокое осознание массами необходимости перемен, но что она и сейчас является, по существу, единственной реальной организованной силой, способной объединить широкие слои народа вокруг важнейших задач по реформированию политической и экономической систем в направлении создания гуманного, демократического социализма.

Нельзя себе также представить, что в условиях парламентской демократии и политического плюрализма КПСС не приобретает определенных черт парламентской партии, связанных со специфической деятельностью по формированию электората, образованию парламентских фракций на основе парламентской дисциплины, парламентской тактики — созданию блоков путем оправданных компромиссов и достижения консенсуса и др. При этом важно не забывать, что депутаты-коммунисты при окончательном формировании многопартийной системы «должны проводить *не свою* волю, а волю марксистской организации, *не свои* решения, а решения марксистского целого, *не свою* тактику, а его тактику»[12].

КПСС отказалась от монополии на власть, от конституционного закрепления своей руководящей роли в обществе. Но чтобы оставаться реальной силой в парламенте, сохранить свои позиции в условиях политического плюрализма, оказывать влияние на решение экономических и политических вопросов, партия должна выражать интересы масс и потребности общественного развития, идти в авангарде общества. С другой стороны, свою авангардную роль она может реализовать, овладевая всеми формами деятельности — парламентскими и непарламентскими.

В связи с этим КПСС будет вынуждена в значительно большей мере уделять внимание работе по месту жительства коммунистов. Дело в том, что эту пока пустующую «экологическую нишу» занимают политические соперники КПСС, а логика борьбы за власть и влияние на массы требует не отдавать им на откуп эту важную форму политической активности. Это тем более важно, что предвыборная борьба разворачивается как раз по месту жительства, а с каждой очередной предвыборной кампанией соперничество будет возрастать, поскольку, во-первых, правительство будет проводить непопулярную, достаточно жесткую экономическую политику и, во-вторых, новые политические партии будут консолидироваться в качестве субъектов политической системы, что будет повышать их конкурентоспособность.

Таким образом, нам представляется некорректной сама попытка противопоставлять авангардную партию парламентской, ибо речь идет не об альтернативе, а о взаимодополнении, то есть о новых качествах КПСС.

Формирование нового облика партии предполагает отказ от господствовавшего ранее формального «монолитного» единства и переход к единству на новой, плюралистической основе.

Единство партии складывается, как известно, из трех составляю-

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 84.

щих: идейного, политического и организационного единства. Они находятся между собой в диалектической связи и в теоретическом плане равнозначны. Добавим, что все они актуальны ныне и практически.

После длительного господства в партии догматического марксизма вряд ли можно говорить о наличии сегодня в КПСС идейного единства. В партии существуют как взгляды, целиком перенесенные из предшествующей эпохи, так и концепции, частично или полностью отрицающие теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Нельзя не учитывать также, что решительная, революционная ломка сложившейся в стране системы потребовала прояснения многих новых вопросов — таких, как гуманизм и самоценность человека; рыночные механизмы и формы собственности при социализме; становление парламентской системы и местного самоуправления в условиях многопартийности; проблемы экологии и социальной защиты и др. Неоднозначным является в партии отношение и к зарубежной общественной мысли, заметно продвинувшейся в последние десятилетия в разработке проблем современной цивилизации.

Существующие в массовом сознании идеологические клише о частной собственности, эксплуатации, «справедливом» уравнительном распределении и враждебном Западе находят отражение и в партии. К этому следует добавить и укоренившуюся в течение десятилетий нетерпимость к взглядам, отличным от общепринятых, идущих «сверху».

Учитывая все это, было бы необоснованным утверждение о возможности на современном этапе достичь полного согласия по широкому кругу вопросов. Но значит ли это, что отсутствует всякая основа идейного единства?

Анализ существующих в партии платформ показывает, что коммунисты, прорабатывая подходы к разрешению насущных проблем, исходят из общей ориентации, опираются на социалистический выбор. Именно он является той базой, на которую только и может опираться идейное единство реформируемой партии.

Многообразие позиций, вырабатываемых путей достижения демократического социализма, пугающая порой разноголосица — вполне естественный процесс духовного раскрепощения партии и общества, который является необходимым этапом на пути достижения качественно нового единства, опирающегося на плюрализм мнений и живую, развивающуюся теорию. «В такую революционную эпоху, как переживаемая,— подчеркивал в 1906 г. Ленин,— всякие теоретические ошибки и тактические уклонения партии критикуются всего беспощаднее самой жизнью, просвещающей и воспитывающей рабочий класс с невиданной быстротой. В такое время — долг всякого социал-демократа стремиться к тому, чтобы идейная борьба внутри партии по вопросам теории и тактики велась как можно более открыто, широко и свободно, но чтобы она ни в каком случае не нарушала и не затрудняла единства революционных выступлений социал-демократического пролетариата» [13].

Что касается политического единства, то оно формируется на основе согласованных позиций коммунистов по вопросам, связанным с властью, собственностью, социальными и национальными отношениями, внешней политикой. Иными словами, на него влияет вся совокупность перемен, связанных с перестройкой: развитие парламентской демократии; сложная ткань социальных взаимоотношений, формирующихся в связи со становлением многоукладной экономики; качественное усложнение политической структуры общества и появление наряду с КПСС других субъектов политики.

Разумеется, и сегодня главным критерием партийности и политического единства является отношение к перестройке. Но за истекшие го-

[13] Там же, т. 12, с. 395—396.

ды мы значительно полнее и конкретнее представляем ее содержание и сопутствующие ей сложности. Мы видим в партии политические подходы, отличающиеся не отрицанием перестройки, а различиями в методах, темпах и формах решения ее задач. Можно было бы говорить о политическом единстве на базе признания необходимости перестройки, но на фоне углубляющегося кризиса такое утверждение и недостаточно, и не отвечает реалиям.

В партии среди сторонников перестройки ясно просматриваются по крайней мере три направления, тем более серьезные, что каждое из них имеет свою достаточно массовую социальную опору.

При всей условности подобного деления, к первому можно отнести приверженцев идеи разрешения назревших проблем с помощью модернизированных командных методов; среди его апологетов можно выделить и тех, кто рассматривает возврат к ним в качестве временной меры. Второе направление можно охарактеризовать как популистское, представители которого выход из кризиса в условиях всеобщего дефицита видят, по сути, в простом перераспределении. Третье направление составляют так называемые рыночники. Но и среди них имеются группы, отличающиеся разным пониманием взаимодействия рынка и плана, рынка и социальной защищенности и др.

Для достижения политического единства, консолидации партии сегодня особую значимость приобретает сочетание стратегического курса партии на демократический, гуманный социализм с решением ближайших задач, разработкой программы выхода из кризиса. Она способна стать программой-минимум, той реальной основой, на признании и выполнении которой могли бы сплотиться все течения в партии. Актуально звучит в связи с этим сказанное В. И. Лениным в начале века: «Необходимо выработать... прочное идейное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой»[14].

Отсутствие такой программы-минимум, решительных шагов по преодолению ухудшающегося состояния экономики и материального положения людей дезориентирует, расслабляет и партию, и общество, мешает деятельному участию коммунистов и беспартийных в общественных преобразованиях и отрицательно сказывается на организационном единстве партийных рядов.

Факты участившегося выхода из КПСС по идейным и политическим мотивам (причем преимущественно рядовых коммунистов); раскол некоторых республиканских компартий (причем не только в результате обострения межнациональных отношений); выход политической активности и энергии партийных масс за пределы партийных структур, когда коммунисты становятся участниками санкционированных и несанкционированных проявлений митинговой демократии (причем касающихся не только общественных, но и внутрипартийных проблем); вхождение коммунистов в неформальные движения и объединения (имеющие подчас антипартийную направленность) — эти и другие явления с большой определенностью характеризуют организационное состояние партии. Положение усугубляется тем, что образовавшиеся в партии многочисленные платформы, появление которых само по себе свидетельствует о демократизации и оживлении идейной жизни в КПСС, имеют в ряде случаев тенденцию к организационному обособлению, чреватому расколом.

На состояние организационного единства влияет в сложившихся условиях ряд факторов, среди которых, на наш взгляд, особое значение имеют следующие.

[14] Там же, т. 4, с. 357.

Во-первых, состав партии, общественные настроения и ориентации коммунистов. Нельзя не признать, что сегодняшний состав КПСС является продуктом многолетней практики формирования партийных рядов на основе упрощенного классового подхода и формальных критериев. Это стало одной из причин того, что партия, по существу, растворилась в массах, оказались размытыми грани между партийными и беспартийными, авангардом и обществом в целом. Более того, в партии немало людей, компрометирующих ее своим поведением, идейно ей чуждых, атакующих политику перестройки с крайних не только левых, но и правых позиций. Необходимы не чистка, а очищение партийных рядов, предпочтение при приеме в партию не столько социальным критериям, сколько социалистической ориентации и нравственному потенциалу личности.

Во-вторых, переосмысление демократического централизма в целях преодоления прежней, бюрократической его интерпретации. КПСС нуждается в подлинном демократизме внутрипартийных дискуссий и процедур принятия решений. Проект Устава гарантирует плюрализм мнений, свободу критики, многообразие подходов и платформ, проведение в особых случаях референдумов, а также права меньшинства отстаивать свою позицию, фиксировать свое особое мнение в протоколах, требовать повторного рассмотрения спорных вопросов в своей организации или ставить их перед вышестоящими органами. При этом принятые большинством решения обязательны для всех [15].

В-третьих, реальное влияние первичных партийных организаций на внутрипартийные и внутриколлективные отношения, политическое и организационное единство. Внутрипартийные отношения на уровне первичного партийного коллектива имеют свою специфику: здесь они обладают силой прямого воздействия на личность коммуниста, на его взгляды, позиции, поведение.

В-четвертых, превращение коммуниста в подлинного субъекта партийной деятельности. Для всех очевидно, что административно-командная система и положение в ней партии, где идеи и инициатива, а точнее — директивы и распоряжения шли «сверху» «вниз», где предназначением партийных и беспартийных масс было выполнение этих директив, порождали потребность в партийце дисциплинированном, а не инициативном и творческом, исполнительном, а не думающем и самостоятельном.

Мы подходим, таким образом, к одной из ключевых на сегодняшний день проблем — к проблеме единства «снизу», к вопросу о решающем влиянии партийных масс на единство КПСС в целом. Именно на эту сторону жизни партии обращал внимание В. И. Ленин, когда писал в «Докладе ЦК РСДРП и инструктивных указаниях делегации ЦК на Брюссельском совещании»: «Рабочие с.-д. всех оттенков немедленно призываются всеми организациями партии, всеми изданиями ее, на всех языках, к немедленному осуществлению *единства снизу...*» [16].

Консолидация — это не верхушечный процесс, а все более явственная, реальная альтернатива возможному расколу партии. Но можно ли говорить о единстве «снизу» при том идейном замешательстве, которое существует в партийных массах? Отнюдь не случаен тот факт, что в обществе и партии продолжается дискуссия о том, построен ли в нашей стране социализм. Не будет преувеличением сказать, что и при утвердительном ответе на этот вопрос коммунисты нередко вкладывают в него неодинаковый смысл. Более того, сам социализм трактуется в широком диапазоне — от примитивно-уравнительного до социализма «шведского» и «японского» образцов. Вместе с тем признание социа-

[15] См. Правда, 13 февраля и 28 марта 1990 г.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 387.

лизма в качестве ведущей идеи партийного объединения является необходимым условием партийного единства.

Все более значимыми мотивами деятельности становятся выдвинувшиеся в последнее время общечеловеческие проблемы: экологии, социальной защищенности людей, образования и здравоохранения, обеспечения в достаточном объеме качественным продовольствием, жильем, занятости в условиях экономической реформы и др. Все эти проблемы, хотя их и нельзя назвать чисто социалистическими, являются составной органической частью нашего пути к демократическому, гуманному социализму. Решение этих первоочередных задач, по своему характеру общедемократических, близко и понятно всем людям, коммунистам и беспартийным, и могло бы составить в основных чертах ту программу-минимум, о которой речь шла выше. Разработка такого типа программ в масштабах района, города, региона и страны в целом является одним из путей сплочения партийных и беспартийных масс, повышения престижа коммунистов и в конечном счете обеспечения их авангардной роли в обществе. Одновременно это способствовало бы размежеванию с теми, кто вместо деятельного участия в перестройке изматывает партию и общество словопрениями и дискуссиями [17]. Таким образом, единство «снизу» возможно только на основе тех задач, которые действительно волнуют общество и решение которых способно укрепить авторитет социалистического идеала в массах.

Единство «снизу» предполагает и всесторонний учет особенностей социально-политической и социально-психологической дифференциации членов партии. В современных условиях нельзя не видеть в партии представителей социальных слоев, наиболее заинтересованных в перестройке. Кто же реально призван осуществлять единство КПСС «снизу»? Это — представители квалифицированного и высококвалифицированного рабочего класса, технической интеллигенции, которых душил застой; группы гуманитарной и художественной интеллигенции; часть передового крестьянства; поколение «шестидесятников» в управленческих структурах и их более молодые единомышленники; представители народов СССР, рассматривающие перестройку в качестве условия и средства обновления советской социалистической федерации; часть молодежи, чье духовное и гражданское становление пришлось на период после апреля 1985 г.

С другой стороны, в консолидации КПСС на базе перестройки объективно не заинтересованы значительная часть партийно-государственного аппарата, условием существования которой является командно-административная система; по существу, деклассированные представители рабочего класса и крестьянства, развращенные уравнительным пониманием социальной справедливости; люди, нравственно и идеологически деформированные в годы культа личности; лица, настроенные в шовинистическом духе или участвующие в перестроечных процессах в целях эвентуального изменения в СССР социальной системы.

Однако в целом идейная общность — единственная основа добровольного объединения коммунистов в партии. «Различая членов партии лишь по степени их сознательности, преданности, выдержанности, политической зрелости, революционной опытности, готовности к самопожертвованию,— отмечалось на IX Всероссийской конференции РКП(б) в 1920 г.,— партия борется со всякими попытками проводить различие между членами партии по какому-либо другому признаку: верхи и низы, интеллигенты и рабочие, по национальному признаку и т. п.» [18].

Еще недавно утверждение о том, что КПСС является авангардом

[17] См. Шеварднадзе Э. Консолидация КПСС в условиях многопартийности.— Литературная газета, 18 апреля 1990 г.

[18] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 2. М., 1983, с. 297.

народа, оправдывало одновариантность и одномерность мышления и отвергало плюрализм, служило декларированию единства. В нынешних условиях единство «снизу» становится реальностью — и вследствие демократизации, и вследствие того, что консолидация партии идет на базе новой идеи — обновления социализма.

Дальнейшее демократическое развитие партии и особенно такой существенной стороны этого процесса, как единство «снизу», в решающей степени зависит от собственного политического опыта партийных и беспартийных масс. На состояние внутрипартийных отношений и единства влияют, по существу, все стороны жизни КПСС: состав партийных рядов, методы и характер принимаемых решений, способы их реализации, кадровая политика, гласность и др. В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин указал на факторы, от которых зависят дисциплина и единство партии. Это — сознательность, стойкость, выдержка политического авангарда, умение связаться, сблизиться, до известной степени слиться с самой широкой массой трудящихся — пролетарской и непролетарской; это, наконец, правильность политики партии, в чем на собственном опыте убеждаются сами массы [19].

Все эти факторы приобретают сегодня особо важное значение, требуя от каждой первичной партийной организации, партии в целом внимания к реальным проблемам перестройки, способности учитывать опыт масс, решать на деле, а не на словах возникающие в ходе перестройки противоречия.

* * *

Семантически слово «демократизация» обозначает процесс, имеющий свое завершение, свои временные рамки. Его результатами должны стать освобождение партийного организма от всех бюрократических наносов, наслоений и полное установление действительной внутрипартийной демократии. Она не в последнюю очередь подразумевает, что большая часть решений принимается внутри первичных парторганизаций, что жизненно важные для нее импульсы меняют свой вектор. Применительно к единству это означает, что в бюрократически организованной партии единство осуществляется «сверху», а в демократической — «снизу». Единство демократической партии «по определению» должно быть основано на плюрализме; это утверждение тем более верно применительно к такой партии, как КПСС, которая объединяет миллионы коммунистов.

Развитие невозможно без отбрасывания изжившего себя, без отрицания. На смену единству, базой которого было единообразие, отказ от своей точки зрения, если она расходилась с общепринятой в данный момент, закономерно приходит единство, основанное на плюрализме. Достижение такого единства, как более сложного,— процесс, требующий высокой политической и общей культуры, времени и, наконец, доброй воли всех членов партии. Оно требует и такой внутрипартийной организации, которая не только была бы способна учитывать и использовать множественность различных подходов, но была бы в них заинтересована и способствовала бы их появлению.

Партия, единая на основе плюрализма, в значительно большей мере едина, нежели «монолитная», ибо она сплачивает на принципиальной основе действительных единомышленников, субъектов политики партии.

[19] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6—7.

ЦЕНТР И ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Слагаемые ленинского определения печати

В. Е. ЕВСЕЕВ,
кандидат исторических наук

В предсъездовских документах ЦК КПСС, как известно, особо говорится о гласности и ее наиболее представительной трибуне — прессе, партийных органах массовой информации. Это естественно. Дорога длиною более чем в пять лет, пройденная нами при набирающей силу гласности, привела советское общество к духовному и политическому раскрепощению. В атмосфере свободы, демократизации люди обретают гражданское и национальное достоинство, берут в свои руки дела государства [1]. Естественна и ориентация на то, чтобы организации и руководящие органы КПСС, их аппарат работали гласно, обеспечивая открытость партийных собраний, конференций, съездов, заседаний комитетов и бюро, участие в них партийной прессы, систематически информировали коммунистов и беспартийных через средства массовой информации и по другим каналам о своей деятельности [2].

Возможное в данном случае стало во многом действительным. Но оно требует закрепления, нормативных гарантий, адекватных достигнутой и потенциальной роли в обновлении партии и общества тех элементов общей системы, которые, во-первых, непосредственно участвуют в формировании духовного облика людей, их социальном ориентировании, то есть являются политическими, и, во-вторых, могут служить опорой системно-опережающего отражения на уровне научного и обыденного сознания. Это сопряжено прежде всего с обеспечением постоянного, безотказного функционирования прессы, других органов массовой информации как преимущественно политического института [3]. И вполне понятно, что КПСС подчеркивает их роль в осуществлении своей политики и идеологии, организаторской и идейно-воспитательной работы [4].

Но политические функции такого массового средства гласности, каким являются газеты, журналы, издательства, телевидение, радиовещание, еще шире. К сожалению, даже в программных документах КПСС пока недостаточно выражены сущность, назначение печати, охарактеризованные В. И. Лениным как «центр и основа политической организации» [5]. При всем том внимании, которое уделяется в последнее время осмыслению роли средств массовой информации в перестроечных процессах, анализу перестройки в самом журналистском цехе [6], нельзя

---

[1] См. К гуманному, демократическому социализму. Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Проект, одобренный февральским (1990 г.) Пленумом ЦК КПСС. М., 1990, с. 3.

[2] См. Устав Коммунистической партии Советского Союза. Проект. М., 1990, с. 5.

[3] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 206.

[4] См. К гуманному, демократическому социализму, с. 30.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 79.

[6] См. Афанасьев В. Г. Глазами «Правды». 2-е изд., доп. М., 1988; Баришполец А. Т. Пресса: пути и путы. Местная печать в условиях перестройки. Киев,

также сказать, что и научный поиск в этом плане удовлетворителен. Он пока слабо увязан с задачами реформы политической системы, возрождения ленинской концепции партийного строительства, с развивающимся политическим плюрализмом. Автору этих строк приходилось затрагивать некоторые аспекты данной проблемы[7], однако в целом она не получила до сих пор специального освещения.

Предпринимая такую попытку, важно отдавать себе отчет в том, что было бы неправильно толковать приведенную выше ленинскую формулу буквально, сужая ее до структурного значения и тем самым противопоставляя печатные органы партийным комитетам или первичным парторганизациям. Эта формула углубляет широко известное определение газеты не только как коллективного пропагандиста, коллективного агитатора, но и как коллективного организатора[8], дополняя его новым важным элементом (центр и основа), указывающим на механизм формирования идейно-политической и организационной сплоченности партийных рядов, коммунистов и беспартийных. Такое развитие положения о коллективности применительно к прессе подчеркивает политическую направленность последней. Не замечать этого — значит обеднять марксистско-ленинское учение о журналистике, огромный вклад вождя нашей партии в теорию и практику партийного строительства, не совсем верно ориентировать тех, кто осуществляет это строительство на деле.

* * *

Интегрирующее начало прессы — это, очевидно, первое, что нужно хорошо уяснить, когда речь заходит о ленинском определении печати как центре и основе политической организации. Но в подтверждение сказанного обычно приводят лишь тот аргумент, что печатные органы порой фактически брали на себя прямые функции руководящих центров, что «Искра», «Вперед», «Правда», другие большевистские издания олицетворяли собой партийность и партию и т. п. Иными словами, в качестве примера берется то, что подтверждает мысль, так сказать, структурно, материально-практически. При этом, однако, упускаются из виду по крайней мере два момента. Во-первых, такая практика диктовалась особыми условиями нелегального положения партии, отсутствием каких-либо политических свобод в царской России и, следовательно, в историческом плане была скорее исключением, чем правилом Во-вторых, структурное значение ленинской формулы нельзя отрывать от ее функционального аспекта.

Находясь еще в сибирской ссылке, В. И. Ленин в одной из статей, подготовленных для «Рабочей газеты», издание которой предполагалось возобновить[9], писал: «Мы думаем... поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии*... Образование партии,— если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете,— останется в значительной степени одним словом»[10]. Несколько позднее в статье «С чего начать?», опубликованной в № 4 «Искры», Владимир Ильич, усиливая тезис Ф. Энгельса о пролетарском печатном органе как первой позиции, с которой партия может вести борьбу

1989; Кондрашов П. В. Местная пресса: теория и практика перестройки. Новосибирск, 1989; Устименко И. По мандату гласности. Ташкент, 1989, и др.

[7] См. Политическое образование, 1988, № 9; Вопросы истории КПСС, 1989, № 3.

[8] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 11.

[9] «Рабочая газета», издававшаяся в Киеве, на I съезде РСДРП была признана ее официальным органом. По ряду причин возобновить работу газеты не удалось. После упорной борьбы с противниками ленинского плана партийного строительства ее заменила «Искра» (1890—1903 гг.).

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 191.

с противником равноценным оружием, заявил: «По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию,— должна быть постановка общерусской политической газеты» [11]. А много лет спустя, опираясь на опыт первой массовой рабочей газеты «Правда» 1912—1914 гг., он заметил: «Действительно рабочая, т. е. действительно содержимая на деньги рабочих, газета, ведущая партийную линию, есть громадный организационный аппарат» [12].

Интегрирующая роль партийной печати состояла в том, что она в силу своей специфики протягивала **видимую для всех основную нить**, причем протягивала ее **правильно**, чтобы, держась ее, можно было **планомерно**, не теряя из виду контуров постройки, общими согласованными усилиями, коллективно подытоживая, суммируя достигнутое, неуклонно развивать, углублять и расширять революционную организацию. Будучи, как и замышлял Ленин, общерусскими, часто выходящими и правильно распространяемыми изданиями, печатные органы большевиков побуждали читателей думать обо всех насущных проблемах, путях и средствах достижения целей, «суммировать и обобщать все и всяческие проблески брожения и активной борьбы» [13]. При помощи печати и в связи с ней складывалась, возобновлялась и развивалась «постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии» [14].

Так было до Великого Октября, а в первые послеоктябрьские годы акцент тем более делается на организующей, созидательной роли печати. Зарекомендовав себя как незаменимое средство воздействия партии на общественную жизнь, как важнейший канал ее связи с массами, пресса теперь стала служить инструментом просвещения и сплочения трудящихся, политического, экономического воспитания и вовлечения их в управление государственными делами и производством, оружием борьбы с бюрократизмом, волокитой, стала аккумулировать опыт народа в строительстве им нового общества. С этим были связаны изменения типа, характера изданий, форм и методов ведения коллективной пропаганды, агитации и организации, функционирования публицистики. И не в последнюю очередь — усиление руководства прессой, в том числе *«партийными* газетами, как *орудием сплочения партии,* на основе систематического освещения в них и разработки важнейших вопросов партийной политики» [15].

Положение партийно-советской печати в то время, к которому относятся ленинские слова о ней как центре и основе политической организации (1921 г.), было крайне тяжелым. В ответах на анкеты информационно-статистического подотдела МК РКП(б) о настроениях на местах (в 24 губерниях и 71 уезде) говорилось: «Крестьяне просят, чтобы посылали возможно больше газет и литературы и чтобы им разъясняли распоряжения центра». Это пожелание высказывал каждый товарищ, побывавший в деревне [16]. Даже в 1924 г., когда наметился определенный рост печати, газеты и журналы охватывали своими тиражами лишь 6% читателей [17].

[11] Там же, т. 5, с. 9.
[12] Там же, т. 25, с. 373.
[13] Там же, т. 6, с. 163.
[14] Там же, т. 5, с. 11.
[15] КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987, с. 212.
[16] Правда, 2 июня 1921 г.
[17] См. Красная печать, 1924, № 26—27, с. 16—17.

Однако самая большая опасность заключалась в оторванности прессы от реальной жизни. На первом Всероссийском совещании заведующих агитационно-просветительскими отделами губкомов, проведенном ЦК РКП(б) в июле 1921 г., отмечалось: из 378 провинциальных газет только 60% публикуют местный материал, очень плохо освещается партийная жизнь (нигде ни строчки о Программе, Уставе, истории партии и т. п., как будто эти вопросы никого не интересуют); редакторы завалены всякой посторонней работой, находятся в бесправном положении [18]. Это, конечно, снижало влияние печати не только среди беспартийных, но и среди коммунистов. XI съезд РКП(б) констатировал, что «сотни и тысячи членов партии не читают своих партийных газет» [19].

Печать должна была в корне перестроить свою работу в соответствии с новыми задачами, стать на деле средством партийного и государственного руководства, активизации всей общественной жизни. Преодоление кризисных явлений в партии и ее прессе предполагало более полное использование потенциала печати как центра и основы политической организации. Отвергая возможность предоставления буржуазии свободы «покупать *себе* газеты, покупать себе *центры политической организации*» [20], Ленин намечал пути и способы устранения имевшихся недостатков, прежде всего в виде усиления партийного воздействия на массы, **наиболее полной реализации свободы политической организации для рабочих и трудящихся крестьян.** Требовалось повысить ответственность прессы в области партийного строительства и в регулировании внутрипартийной жизни, и в совершенствовании всей партийной работы. Без хорошо поставленной прессы немыслимо было «здоровое, крепкое партийное и советское строительство» [21].

К сожалению, реализовать новаторские идеи об организационно-идеологическом воздействии прессы на общественно-политическую жизнь ни в те годы, ни впоследствии в полной мере не удалось. Одновременно с извращениями ленинской политики гласности вскоре стали, так сказать, в нормативном порядке усекаться и функциональные особенности работы печати, ее коллективистская, хоровая суть. За вопросом «о средствах связывания» вопреки предостережениям Ленина упускалось «*содержание* того, что связывает» [22].

Уже XII съезд РКП(б) под флагом усиления организационного влияния прессы, преодоления кризиса в партии, обществе, и в том числе средствах массовой информации, произвел со сталинской подачи малозаметное на первый взгляд «уточнение» роли этих средств, ведущее на деле к бездумному, механическому исполнительству в журналистской работе [23]. Утверждение Сталина о неуловимости осуществляемой печатью связи между партией и рабочим классом, якобы не подлежащей хотя и своеобразной, но материализации, приравнивание прессы к обычному «передаточному аппарату» с явно централистским перевесом обедняли, деформировали ленинское определение печати как коллективного центра и основы политической организации и, несмотря на попытки противодействовать этому [24], несомненно, отрицательно сказались на журналистской практике. В своих постановлениях ЦК партии,

---

[18] См. Правда, 12 июля 1921 г.

[19] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983, с. 524.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 80—81.

[21] КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, с. 185.

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 81.

[23] См. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенограф. отчет. М., 1968, с. 59.

[24] См. полемику С. Б. Ингулова с И. В. Сталиным об организационной роли печати.— Правда, 5, 6, 9, 10 мая 1923 г.

например, не раз указывал на то, что те или иные печатные органы на деле не являются центрами политической работы в массах[25]. Да и сама ленинская формула, утратившая свою несущую конструкцию («основа») и обращенная лишь к тому, что лежало вне партии, не просто подверглась обюрокрачиванию, оглуплению. Она совершенно разрушилась, сохранив лишь ритуальное значение.

Лишь в последние годы практические работники, кажется, стали задумываться над смыслом известного определения печати. Оно упоминается в докладах и выступлениях на пленумах и заседаниях бюро партийных комитетов, обсуждающих вопросы, связанные с работой прессы и совершенствованием руководства средствами массовой информации, с повышением их роли в осуществлении перестройки[26]. Немало делается и для фактического повышения политического статуса печати, телевидения, радиовещания. КПСС, освобождаясь от несвойственных ей функций, усиливая идейное и организационное размежевание с консерваторами и новоявленными ликвидаторами, отказывающимися от борьбы за утверждение социалистического идеала, «сосредоточивает свои усилия на разработке теории, программ действий, на организаторской и воспитательной работе, консолидации общества, на осуществлении кадровой политики»[27]. Соответственно и пресса, непрерывно способствуя развитию этих процессов, стремится быть на деле коллективным пропагандистом, агитатором и организатором масс, центром и основой политической организации. Превратившись в жизненно важный элемент надстройки, политической системы общества, она стала ни с чем не сравнимым по своей эффективности орудием социалистической демократии, средством саморегулирования руководящих и руководимых, управляющих и управляемых подсистем на всех уровнях общепартийного, общегосударственного механизма, становления общественного самоуправления. Впрочем, остановимся на этом подробнее.

* * *

Что значит быть центром и основой политической организации? Разумеется, суть этой формулировки не замыкается, как считают некоторые исследователи, на особых исторических условиях и задачах начала 20-х годов. По мере политизации общества, по мере того, как трудящиеся все больше включаются в историческое творчество, ленинский вывод об идеологических и организационных возможностях прессы не только не утрачивает своего значения, а, наоборот, становится актуальнее, обнаруживает всю глубину своего идейно-политического содержания, практический, революционно-преобразующий смысл.

Во-первых, партийно-советская печать, а в современных условиях также телевидение, радиовещание, информационно-пропагандистский комплекс в целом, обеспечивая открытость всей жизни и деятельности КПСС, общественно-политических организаций, движений, способствуют привлечению общего внимания к ним, а значит — воссозданию, подпитке их свежими силами, укреплению демократической природы партии, развитию самодеятельности, самоуправленческих начал других формирований, политизации этих структур. Одновременно активизация средств массовой информации и пропаганды как бы делает саму гласность ведущей стороной внутрипартийного и социалистического демок-

[25] См. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 6. М., 1985, с. 508, 517; КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, с. 290.

[26] См. Текущий архив Псковского обкома КПСС. Протокол пленума № 9 от 13 ноября 1987 г., с. 4; Текущий архив Челябинского обкома КПСС. Протокол пленума № 6 от 23 июня 1987 г., с. 21—22, и др.

[27] О газете «Правда» Постановление ЦК КПСС.— Правда, 7 апреля 1990 г.

ратизма, усиливающей товарищество, коллективизм, демократический характер осуществления партией своей авангардной роли в обществе, партийного влияния на государственные органы, общественно-политические институты. Это в немалой степени достигается за счет демократизации прессы, участия ее в проведении политической и экономической реформ, повышения активности парторганизаций, трудовых коллективов, мобилизации человеческого фактора.

В свою очередь, выдвижение на первый план открытости, плюрализма мнений поставило в практическую плоскость децентрализацию гласности и устанавливаемой во многом благодаря ей ответственности, фокусирование внимания не только на важнейших направлениях работы, определенных сферах производства, социального развития, общественной жизни, но и на тех или иных стадиях так называемых управленческих циклов, процессов управления и политического руководства, саморегулирования общественно-политической системы. Демократизация всей социально-экономической, общественной жизнедеятельности, регулируемой на основе демократического централизма, конечно, не исключает встречных, достаточно оперативных потоков информации. Напротив, требует усиления их по вертикали (между центром и местами) и по горизонтали (в рамках определенной организации, ассоциации).

Информация же наиболее общественно значимая концентрирует в себе интересы, мнения многих и многих людей и поэтому должна исходить прежде всего от самих масс или от близких к ним руководящих работников, общественно-политических институтов. В свое время (конец 1918 — начало 1919 г.) Ленин, ознакомившись с небольшой книгой редактора уездной газеты А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», написанной по горячим следам в общем будничных, но героических дел налаживания новой жизни в Весьегонском уезде Тверской губернии, откликнулся на нее статьей-рецензией под названием «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». В ней выражалось пожелание, «чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта», подчеркивалась необходимость таких правдивых, бесхитростных, богатых ценным фактическим содержанием описаний, бесконечно более полезных, по его мнению, для дела социализма, «чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни»[28].

Напоминая эти известные ленинские высказывания, мы вовсе не стремимся противопоставить их нынешним призывам ориентироваться на политические приоритеты или укорять тех, кто вместо изучения и обобщения живой практики продолжает исследовать неприглядные лабиринты истории. Озабоченность Владимира Ильича была вызвана чрезмерным обилием «общих рассуждений в прессе и политической трескотни при крайнем недостатке *изучения* местного опыта»[29]. Именно поэтому он настойчиво требовал конкретно разбираться, «где, кому и почему (какими приемами) удается... достигать действительного, хотя и небольшого улучшения; не бояться вскрывать ошибки и неумелье; популяризировать и *рекламировать* изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец»[30].

Во-вторых, пресса в решающей мере обеспечивает соединение централизма руководства с внутрипартийной демократией, неразрывную двустороннюю связь партийных органов с первичными парторганизациями, трудовыми коллективами. Благодаря этому происходит прочная стыков-

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 407—408.
[29] Там же, т. 54, с. 237.
[30] Там же.

ка социального управления с социалистическим демократизмом, самоуправлением народа, представительной демократии с непосредственным волеизъявлением масс. И тем самым гласность, печать олицетворяют центр и основу партии как политической организации, государство и трудящихся в их неразрывном единстве.

С этих позиций, видимо, следует подходить и к вопросу о кажущемся противоречии между определением печати как центра и основы политической организации и общепризнанным положением о значении первичных парторганизаций как основы, то есть основного структурного звена партии. Ясно, что первичные партийные организации могут выполнять и выполняют свои функции лишь при определенных условиях: если тесно связаны между собой и с партийным центром, имеют возможность обмениваться опытом, непрерывно вести работу, всесторонне подходить к решению вопросов и т. п. А это достигается тогда, когда деятельность отдельных организаций не замыкается в узких рамках, а становится доступной для всеобщего обозрения, гласного разбора, приобщения к практике всей партии, когда она благодаря печати, внутрипартийной информации оказывается в центре партийного внимания, попадает в русло интеграционных процессов. В общем, соотношение одного и другого в принципе должно быть таким же, как между централизмом и демократическим началом в руководстве, с той только разницей, что партийная пресса не является руководящим центром, а прокладывает от него, этого центра, фактическую связь к парторганизациям, общественным формированиям, трудовым коллективам, ко всей массе, а также в обратном направлении и таким образом сама служит основой организации, организационных процессов.

Думается, в этой связи нужно рассматривать и механизм обобщения практики с помощью средств массовой информации. Ленинские идеи о главном назначении публицистов писать историю современности, трансформируемые на начальном этапе переходного периода применительно к выдвинувшейся тогда на первое место задаче изучения и распространения лучшего опыта организации дела непосредственными участниками революционного процесса, конечно, и сегодня не утратили своего значения. Наоборот, они, пожалуй, как никогда прежде, созвучны нынешним заботам партии и народа, особенно что касается проведения в жизнь политической и экономической реформ. Но эта работа имеет свою специфику. В чем она?

Известно, что в хозяйственной сфере гласность носила и все еще носит показной характер, не перерастает в глубокий, всесторонний анализ недостатков снизу, с извлечением должных практических выводов. И это явилось одним из следствий некомплексного подхода к реформе. Попытки перейти на новые условия хозяйствования не подкреплялись необходимыми изменениями в политической системе, в том числе в интегрирующем механизме прессы. Теперь вся наша партийная печать должна активно перестраиваться, решительно отказываясь от элементов догматического мышления, стереотипов и казенщины. В постановлении ЦК КПСС «О газете «Правда» поставлена, в частности, задача добиваться, чтобы главная печатная трибуна партии была подлинным центром притяжения интеллектуальных и творческих сил страны. Положительно оценено создание клубов «Друзья «Правды», рекомендовано проведение ежегодных фестивалей «Правды» как важного политического мероприятия [31].

Жизнь все больше требует от партии и ее прессы политической активности. И надо возрождать большевистское искусство убеждать людей в своей правоте, соперничая с кем угодно [32]. Но учиться политике

---

[31] См. Правда, 7 апреля 1990 г.
[32] См. Правда, 21 апреля 1990 г.

в современных условиях — значит не просто овладевать соответствующими методами работы, умением пользоваться всеми инструментами связи партии и народа, выражения мнений, интересов людей. Важно при любых обстоятельствах определять и ставить во главу угла содержание, цели, задачи осуществляемых мер, не вырывая их искусственно из комплекса взаимосвязей. Интегрирующая направленность прессы как средства гласности, центра и основы политической организации необычайно широка. Она охватывает весь комплекс проблем, связанных с осуществлением радикальной перестройки, движения к качественно новому состоянию партии и общества, с их революционным обновлением.

В-третьих, печать, средства массовой информации, прокладывая связь между всеми компонентами общепартийного, общегосударственного механизма и каждого из них со всей общественно-политической системой, составляют ту централизующую основу, на которой обеспечиваются их взаимодействие, необходимая субординация и функционирование, направленные на создание и воссоздание интегративных качеств, мобилизацию всех сил и единство действий. В этом плане, на наш взгляд, надо рассматривать и возникающую проблему новой роли прессы как компонента современной практики социализма — прессы, выступающей «не просто как критик или как агитатор, но как определенный центр коммуникаций между людьми» [33].

Действительно, вывод о печати как центре и основе политической организации В. И. Ленин сделал уже в советское время, принимая во внимание демократическую сущность гласности, особые свойства наиболее эффективных средств ее выражения с их неограниченными возможностями идейно-политической консолидации людей вокруг проводимой партийной линии. И, несомненно, это высказывание состояло в непосредственной связи с замышлявшейся им реформой политического строя, коренным изменением «всей точки зрения нашей на социализм». В январе 1923 г. Владимир Ильич счел нужным пояснить, что эта перемена состоит в переносе центра тяжести с политической борьбы, революции, завоевания власти и т. д. «на мирную организационную «культурную» работу» [34].

По-видимому, и при подчеркивании организационной роли печати имелась в виду не столько структурная сторона дела (связанные с ней моменты к тому времени были в основном изжиты), сколько функционально-фокусирующая и централизующая суть процесса организации на гласной, демократической основе, отвечающей в полной мере требованиям партийности и партийной политики. Ведь в качестве общезначимого политического элемента рассматривались средства массовой информации и пропаганды, всесторонне отражающие и олицетворяющие общественную жизнь, пронизывающие все ее сферы, связывающие каждую отдельную личность с государством, всем миром.

И если политика составляет исходный пункт, основу научного управления обществом, то наша пресса, будучи ее инструментом, может и должна быть на деле исходным пунктом, центром и основой партийного влияния в массах, формирования и отражения общественного мнения, постоянного укрепления единства коммунистов, всех трудящихся, объединения их для решения конкретных задач и вместе с тем важнейшим средством (наряду с внутрипартийной информацией) саморегулирования руководящих и руководимых подсистем на всех уровнях общепартийного механизма.

---

[33] Современное видение социализма. «Круглый стол» «Правды».— Правда, 21 января 1990 г.

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.

Так в известной мере обстоит или, вернее, должно обстоять дело. На практике же партийные органы массовой информации, прежде всего на местах, пока не поднимаются до необходимого уровня, не выполняют главного своего назначения, превращаясь нередко в формальный придаток аппарата партийных комитетов или, напротив, вольно или невольно противопоставляя себя им, что по существующим правилам является недопустимым. Возникающие конфликты разрешаются, как известно, вышестоящими органами, и далеко не всегда правыми оказываются те, кто призван руководить прессой. Стали типичными и приобретают нередко ожесточенный характер случаи прямой конфронтации между партийными комитетами и редакциями [35]. Дело дошло до забастовок журналистов, как случилось, например, в Ногинске Московской области в связи с освобождением от должности редактора газеты «Знамя коммунизма» В. Пучкова [36], до публичных апелляций отдельных изданий к общественности, читателям в свою защиту [37] и т. д. Во время кампании по выборам народных депутатов СССР в Невьянске Свердловской области руководители горкома партии пошли — это наблюдалось и в других местах! — на уничтожение части отпечатанного тиража местной газеты. Только избиратели остались при своем мнении, выбрали того, кого хотели [38]. Часто разногласия развиваются подспудно, не находя достойного разрешения. И только правовым регулированием, в рамках Закона о печати и других средствах массовой информации, как надеются многие, тут положение не поправить.

Судя по всему, назрела необходимость глубокой реорганизации прессы. «Читатели ждут от нашей печати правдивого слова, глубокого, компетентного анализа практики перестройки, ясных и точных оценок как достигнутых положительных сдвигов, так и причин социально-экономических трудностей, срывов, негативных явлений, вызывающих в обществе социальную напряженность» [39]. Отсюда — возросшая требовательность к работе прессы. И представляется, что, прежде чем остановиться на каких-то вариантах, организационных взаимоотношений редакций с издателями и учредителями, нужно применительно к нынешним условиям отработать соответствующую структуру, исходя из ленинских требований единства в основном, многообразия в подробностях, проведения партийности печати в возможно более полной и цельной форме, не допускающей шаблонного отождествления специфического, менее всего поддающегося механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством дела с другими частями общественно-политической, партийной деятельности [40].

В организации работы прессы и руководстве ею со стороны партийных комитетов сегодня больше, чем до перестройки, обращает на себя внимание схематизм, вступивший в противоречие с демократизацией, коллективистской сутью этого дела. Расширение и углубление демократизма в целом, опирающиеся на опережающее развитие гласности, требуют устранения всех препон на пути ее децентрализации, попыток урезания и выхолащивания ее сути, обнаруживают свою полную несовместимость с чиновничьими порядками во взаимоотношениях редакций с издателями, шаблонизацией творческого процесса.

---

[35] См. Мотяшов В. Партийный комитет и пресса.— Партийная жизнь, 1989, № 23, с. 20.

[36] См. Бударина О. Почему отстает горком? — Ленинское знамя (Москва), 6 сентября 1989 г.; Графова Л. Гласности нужна защита.— Литературная газета, 22 ноября 1989 г.; Воробьев А. Ногинск: хроника конфликта.— Аргументы и факты, 1989, № 48.

[37] См. Аргументы и факты, 1989, № 46—48 и др.

[38] См. Кожемяко В. Авторитарность или авторитет? — Правда, 15 июля 1989 г.

[39] Правда, 7 апреля 1990 г.

[40] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100—102.

Возникает поэтому вопрос: не лучше ли (вначале в порядке эксперимента) официально оформлять «развод», делать низовые, а затем, может быть, и более высокие печатные органы формально независимыми, точнее, подконтрольными организации в целом и вышестоящему партийному органу? В свое время Ф. Энгельс допускал такую возможность в массовой рабочей партии. В письме Августу Бебелю (1892 г.) он советовал: «Чем скорее вы приспособитесь сами и приспособите партию к этому изменившемуся положению, тем лучше. И первое, что требуется, это *формально* независимая партийная пресса»[41].

В принципе же ради повышения статуса печатных органов, особенно центральных, вводить такую единую систему вряд ли целесообразно. Наш исторический опыт свидетельствует, что и при утверждении редакторов на пленумах, тем более в случаях избрания их в состав бюро партийных комитетов, можно обеспечивать высокий уровень работы. Другое дело — ответственность этих кадров за порученное дело. Какова она и какой должна быть? Фактически, конечно, редактор ответствен перед бюро, реже предъявляется к нему спрос на пленуме комитета и уж тем более — на конференции, съезде. А надо бы возродить такую ответственность. Ведь речь должна идти об ответственности не только за реализацию политики и идеологии партии, но и за их формирование. Не только за участие в организаторской и идейно-воспитательной работе, но и за ее постановку, за состояние определяющих эту работу начал. Отсюда следовало бы исходить и при разработке вопросов партийного воздействия прессы, при перестройке ее работы.

Безусловно, утверждая, закрепляя и расширяя гласность в партийных, государственных и общественных делах, можно привести в движение глубинные резервы внутрипартийного, социалистического демократизма, повышения инициативы и ответственности членов партии, всех трудящихся, поддерживать прочную идейную и организационную связь в партийной среде и обществе, а значит, говоря ленинскими словами, дисциплину доверия, инициативы, подлинное товарищество, коллективизм, то есть все то, что составляло и составляет коммунистическую партийность. А в этом — залог повышения дееспособности парторганизаций, осуществления перестройки. Вопрос в том, какими конкретно путями идти, какие средства использовать.

* * *

Дистанцирование в руководстве прессой, отношениях между партийными комитетами и их печатными органами, между партийными комитетами и непартийными изданиями в особенности, о необходимости которого сегодня говорят[42], — это, пожалуй, первое и основное, методологически и практически выверенное, можно сказать, исходное требование, позволяющее наконец реализовать здесь ленинский принцип коллективности. Требование, благодаря которому мы можем перейти теперь от по существу демонтированной прежней системы управления средствами массовой информации, основанной, по выражению В. А. Медведева, «на сплошном контроле и прямом административном регулировании»[43], к новым методам, отвечающим формируемым законам правового государства, задачам дальнейшего развития коллективистских начал и одновременно — личной инициативы публицистов, индивидуального творчества в журналистской практике.

Причем дело даже не в том, чтобы через общественное мнение (выражаемое прежде всего с помощью той же прессы), через создаваемые

[41] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 442.
[42] См. Партийная жизнь, 1989, № 23, с. 21.
[43] Дом строят с фундамента.— Правда, 25 ноября 1989 г.

при изданиях, комитетах по телевидению и радиовещанию редакционные советы, комиссии, другие консультативные органы, выполняющие функции общественного контроля, подводить журналистские коллективы к восприятию партийных установок и, считаясь, таким образом, с наличием известных границ между различными частями общей системы, обозначать необходимую дистанцию между действительно партийной точкой зрения и частной, групповой, ограждать журналистов от обвинений в слепом послушании руководству, «подручничестве». Полагаю, дело, в общем-то, и не в том, чтобы, устанавливая реальную ответственность прессы перед обществом, упреждать гипертрофирование возникающей «информационной власти», которая «может явиться разновидностью политической власти и встать в один ряд с законодательной, исполнительной, судебной»[44].

Разумеется, и то и другое важно. Организационные отношения партийных комитетов со средствами массовой информации надо перестраивать, преодолевая как схематизм, механическое подчинение части целому, против чего решительно выступал Ленин, так и перерастание социалистического плюрализма в политический плюрализм буржуазного толка, подпитываемый путем определенного обособления органов гласности. Но главное, на что должны быть направлены изменения в этих отношениях,— обеспечение фактической самостоятельности прессы, усиление функциональной согласованности в механизме воздействия средств массовой информации, выступающих в качестве центра и основы политической организации.

В самом деле, подчиняясь в своем развитии и функционировании общим закономерностям, законам, говоря ленинскими словами, объединенной партийной работы, пресса в силу своих особенностей, требующих «большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»[45], тем не менее должна обладать довольно широкой самостоятельностью, свободой, позволяющими ей творчески взаимодействовать и с другими составными частями, с которыми ее нельзя шаблонно отождествлять[46], и со всей системой. Конечно, самостоятельность позиций того или иного печатного органа, свобода «мыслей и фантазии» его сотрудников не могут быть абсолютными. Относительность их — важный показатель целостности партийной организации.

Однако и искусственное сужение самостоятельности действий недопустимо. Это ведет к окостенению системы. Специфическую, особую для журналистики меру объективно обусловленной самостоятельности, свободы, то есть критерий партийности печати, средств массовой информации, В. И. Ленин связывал с идейно-политическими и организационными основами партии — Программой, Уставом, тактическими резолюциями, конкретными указаниями общего опыта[47]. Фактически эта мера должна устанавливаться и выдерживаться на базе строгой субординации, существующей между законами (принципами) функционирования и развития части и целого, их диалектического взаимодействия. Отсюда следует подходить и к определению принципов, форм и методов управления в пределах данной системы, установлению объективно необходимой и допустимой дистанционности во взаимоотношениях ее подсистем. Собственно, к такому выводу постоянно подводит и практика.

С теоретической и практической точек зрения не вызывало и не вызывает сомнения, что средства массовой информации должны быть не просто одной из многих составных частей общей социально-полити-

[44] Каким быть Закону о печати.— Аргументы и факты, 1989, № 48.
[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 101.
[46] См. там же.
[47] См. там же, с. 103.

ческой системы, которые призваны согласоваться с целым (или, в противном случае, выпасть из него). Нет, они служат такой его частью, которая, будучи действенным инструментом руководства, средством воспитания и контроля, представляет собой и достаточное наряду с закрытой информацией средство поддержания равновесия общей системы, то есть является важнейшим условием ее нормального функционирования и развития. Прессу как объект руководства вообще нельзя отождествлять ни с управляемой подсистемой, выступающей одновременно и как самоуправляемая система, ни с остальными компонентами управляющей подсистемы, с теми или иными элементами политической структуры общества. По своей сути они, как уже говорилось, хоровое, коллективное дело, причем очень подвижное, оперативное и постоянно развивающееся.

Словом, определенная «отстраненность» средств массовой информации от управляющей или руководящей подсистемы — явление объективного порядка. И было бы опрометчивым шагом игнорировать его, особенно в условиях демократизации. Еще при В. И. Ленине в одном из циркуляров ЦК РКП(б), относящихся к 1922 г., говорилось, что «в своей повседневной работе редакция должна пользоваться широкой деловой автономией, вполне самостоятельно выполняя обязанности, возложенные на нее партией»[48]. А теперь соответствующее требование приобрело силу правовой нормы, касающейся пресссы в целом. Заложено в этой норме и необходимое опосредование, дистанцирование в управлении журналистским цехом.

Согласно Закону о печати и других средствах массовой информации, учредитель утверждает программу деятельности своего органа, которая реализуется редакцией при условии полной профессиональной самостоятельности, недопустимости вмешательства в ее повседневные дела. Что касается порядка разрешения споров между учредителем и средством массовой информации, то он определяется редакционным уставом, принимаемым на демократической основе общим собранием журналистского коллектива и утверждаемым учредителем. Тем самым сделан шаг вперед и в плане закрепления коллективистских начал в этой практике, отныне оно гарантировано правом.

Возникшая в связи с Законом о печати и других средствах массовой информации ситуация благоприятствует реализации их функциональных возможностей, идейно-политического и организационного потенциалов. И партия, выполняя роль политического авангарда общества, кровно заинтересована в том, чтобы это произошло. Для нее принципиально важно, чтобы партийные комитеты, направляющие издания, правильно, с учетом специфики журналистской работы строили свои организационные и структурно-функциональные связи с редакциями, а редакторы и все редакционные сотрудники проявляли как можно больше марксистско-ленинской идейной выдержанности, политической зрелости, журналистского таланта, организаторских способностей.

Необходимость соответствующего сотрудничества, обеспечивающего согласованность, координацию взаимных усилий, особенно при освещении средствами массовой информации партийно-политической, общественной жизни, вызванная в конечном счете объективными причинами, имеет и субъективную сторону. Эта необходимость не в последнюю очередь обусловлена потребностью регулирования общепартийного дела, в том числе саморегулирования субъекта управления, управляющей подсистемы, потребностью непрерывного повышения уровня консолидирующей деятельности партии. Естественно, и в системе принципов руководства партии своей прессой при сохранении здесь известного

[48] О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972, с. 79.

подчинения, подконтрольности печатных органов сегодня на первый план выдвинулись такие важные требования, как проявление партийными комитетами постоянной заботы о повышении роли и значения средств массовой информации в перестройке, укрепление их связей с массами, предоставление трудящимся на деле гласной трибуны, обеспечение редакций политически выдержанными, квалифицированными кадрами и т. д.

Как показывает анализ, в целом внимание партийных комитетов к своим изданиям за годы перестройки заметно возросло. Это наглядно прослеживается, в частности, на примере областного, городских и районных комитетов КПСС Белгородской области. Обсуждаемые ими вопросы, касающиеся деятельности средств массовой информации, носят более предметный характер, чем прежде. Больше придается значения укреплению печатных органов квалифицированными кадрами, утверждению редакторов на пленумах. Намечается тенденция к дистанцированию руководства прессой, в том числе через рассмотрение отчетов коммунистов, работающих в редакциях, привлечение к ответственности членов КПСС за неправильное отношение к выступлениям печати. Однако подвижки к новому, если судить по обсуждаемым вопросам, пока не очень заметны. В руководстве партийными средствами массовой информации по-прежнему довлеет стереотип: влиять на них, как правило, путем рассмотрения планов работы редакций.

Разумеется, применение подобного способа в руководстве прессой позволяет активизировать ее органы в проведении линии партии в различных сферах деятельности, не исключая самого партийного строительства. Но если освещение тех же вопросов партийной жизни, политической реформы уходит из поля зрения парткомов, внимание редакций к ним ослабевает. Вообще значение каждой формы, ее реальное содержание, а главное, соответствие объективным потребностям и здесь и во многих других регионах не всегда осмысливаются в русле общей стратегии и тактики перестройки, демократизации процесса руководства.

Настораживает, например, такой факт. За последние годы в ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах партии было всего несколько случаев обсуждения вопросов о работе печати, телевидения, радиовещания на пленумах партийных комитетов. В подавляющем же большинстве они рассматривались на заседаниях бюро и секретариатов. Правда, удельный вес вопросов, выносившихся на секретариаты, снизился по ЦК компартий союзных республик в два раза (с 40,1% в 1985 г. до 20,4% в 1988 г.), по краевым комитетам КПСС — соответственно с 36 до 27%. Впрочем, это не меняет сути дела, тем более что по обкомам партии он оставался до последнего времени практически на том же уровне (31,9 и 31,7%).

Как видно, меняя характер взаимоотношений партийных комитетов с прессой, важно позаботиться о перестройке их таким образом, чтобы не только обезопасить средства массовой информации от беспрерывного дерганья по пустякам и мелочной опеки на уровне аппарата, но и тщательно взвесить правомерность вмешательства в их функционирование не парткомов и парторганизаций в целом, а лишь исполнительных органов — бюро, секретариатов. Децентрализация гласности и ответственности, дистанцирование в руководстве прессой требуют рассмотрения деятельности средств массовой информации по действительно крупным вопросам и на более широких коллегиях.

Ознакомление с материалами пленумов, заседаний бюро партийных комитетов, обсуждавших в последнее время вопросы, связанные с совершенствованием руководства средствами массовой информации, показывает также, что для многих партийных, советских и других руководящих работников не стало потребностью систематически высту-

пать в прессе, использовать печатное слово для развития гласности, демократизации, критики и самокритики, улучшения дела. И говорится о подобных вещах лишь в плане констатации. Серьезной озабоченности, как правило, не чувствуется. И это — при наличии явных идеологических издержек в выступлениях печати, других средств массовой информации, о которых идет речь практически на каждом партийном форуме.

В общем, сложилась парадоксальная для коммунистов ситуация, когда, с одной стороны, проявляются демократизм и гласность, а с другой — налицо монополизация общественного мнения, выражающаяся в том, что сравнительно небольшая группа публицистов, ученых во многих случаях ставит и сама отвечает на волнующие общественность вопросы. Не умаляя поэтому значения тех поисков новых организационных форм, которые ведутся в плане совершенствования взаимоотношений между партийными комитетами и их печатными органами, а тем более между партийными комитетами и непартийными изданиями на, так сказать, опосредованно-дистанцированных условиях, следует подчеркнуть, что исходным моментом здесь была и остается ленинская ориентация на подлинное идеологическое сотрудничество, совместные, коллективные действия. Это есть та основа, та почва, на которой достигаются идейная и организационная консолидация сил, их плодотворное взаимодействие.

* * *

Таким образом, определение печати как центра и основы политической организации и проведение в жизнь соответствующих положений как бы аккумулируют многие существенные особенности и ленинского учения о партии и ее прессе, и уроков исторического опыта партийной журналистики на протяжении всего периода ее существования. Ленинское определение, дающее ключ к правильному пониманию проблемы партийного воздействия средств массовой информации, других проблем теории и практики прессы, партийного и государственного строительства, имеет важнейшее методологическое значение для всего нашего информационно-пропагандистского комплекса, реализации его функций, законов, принципов, форм и методов работы.

Что касается фактического включения средств массовой информации в процессы партийного влияния благодаря тому или иному организационному обеспечению партийности журналистики, то это объективный закон, с которым нельзя не считаться. И реализация этого закона лежит прежде всего в правильном, идейно-политически выверенном «совмещении» органов гласности как очагов, центров консолидации сил с партийными органами — структурными центрами организаций на основе принципов демократического централизма, коллективности руководства, системного, комплексного обобщения практики.

РУБИКОН БРЕСТА*

В. В. ЖУРАВЛЕВ,
доктор исторических наук,
профессор

ЧТО МОГУТ ЗНАЧИТЬ 17 ЧАСОВ В СУДЬБАХ ПАРТИИ И СТРАНЫ?

Когда члены ЦК собрались на свое заседание 23 февраля, они знали, что срок ультиматума немцев (48 часов) истекает в 7 часов утра 24 февраля [1]. Судя по всему, уже в ходе заседания, как только стал ясен его исход, Ленин пишет распоряжение царскосельской радиостанции: обеспечить условия для безотлагательной и с полной гарантией передачи правительственной радиограммы не позже указанного выше дня и часа [2]. С момента завершения заседания ЦК (в 14 часов 23 февраля) и до окончания срока ультиматума оставалось 17 часов. За это время Ленину и его сторонникам предстояло проделать огромную работу, с тем чтобы телеграмма в Берлин ушла, и ушла вовремя. И главное заключалось в том, чтобы ВЦИК, в составе которого было немало противников подписания мира (в том числе большевиков и левых эсеров), поддержал решение ЦК РСДРП(б). Не позднее 19 часов Ленин едет в Таврический дворец, где располагался в то время избранный III съездом Советов его полномочный представительный орган, чтобы принять участие в серии предваряющих обсуждение во ВЦИК заседаний. Выступает на объединенном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров, а также на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, на заседании большевистской фракции ВЦИК и актива Петроградской партийной организации. В перерывах между заседаниями беседует с рабочими — членами большевистской фракции ВЦИК, а также с лидером «левых коммунистов» Н. И. Бухариным [3].

В 3 часа 05 минут ночи 24 февраля открывается заседание ВЦИК, посвященное проблеме заключения мира с Германией; докладчик — Ленин. «...Живя рядом с хищником-империалистом,— подчеркивает он,— мы вынуждены подписать условия мира, когда он ставит нам колено на грудь» [4], но «иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет» [5]. После бурного обсуждения в 5 часов 40 минут объявляются итоги голосования. Предложенная большевиками резолюция утверждается 116 голосами при 85 против и 26 воздержавшихся [6]. Ленин тут же пишет постановление Совета Народных Комиссаров о принятии германских условий мира, согласно «решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 с половиной часа утра» [7]. Хронологический момент

---

* Окончание. Начало см. в № 6 за 1990 г.— *Ред.*

[1] См. Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенограф. отчет. М., 1962, с. 265.

[2] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 391—392.

[3] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974, с. 275—276.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 377.

[5] Там же, с. 376.

[6] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 276.

[7] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957, с. 497.

принятия решения ВЦИК «сдвигается» в телеграмме на час с лишним назад. Надо полагать, для того, чтобы (если возникнут подозрения у пунктуальных немцев) «освободить время» для заседания Совнаркома, которое проводить будет уже некогда. За подписью Ленина и Троцкого (это одна из последних его подписей как народного комиссара по иностранным делам) телеграмма с небольшим опозданием (в 7 часов 32 минуты 24 февраля) царскосельской радиостанцией передается в Берлин[8].

Для того чтобы составить более или менее полное представление о том, что значили эти 17 часов в жизни вождя революции и «отца» Брестского мира, нужно добавить, что за этот временной отрезок, половина которого приходилась на ночную пору, Лениным были написаны статьи «Мир или война?», «Несчастный мир», подготовлены к публикации в «Правде» «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» в виде статьи «К истории вопроса о несчастном мире» с добавлением вводной части. Состоялась встреча с Я. М. Свердловым и Г. Е. Зиновьевым, с которыми обговаривались некоторые моменты, связанные с предстоящим заседанием ВЦИК. Составлена и послана телеграмма наркому В. А. Антонову-Овсеенко с требованием в тот же день во что бы то ни стало взять Ростов[9]. В ходе последующей беседы с американскими социалистами А. Вильямсом и С. Агурским обсуждались вопросы организации интернационального отряда Красной Армии из иностранцев, говорящих на английском языке. Ленин звонит, а затем пишет записку Н. В. Крыленко с просьбой оказать содействие в этом деле, а вечером находит время позвонить еще в редакцию «Правды» с просьбой отпечатать воззвание американских интернационалистов[10].

Поразительных примеров работоспособности, самоотдачи и целеустремленности главы Советского правительства можно привести немало. В данном случае важно подчеркнуть другое: конфликт в партии и учреждениях Советской власти по вопросу о мире пустил столь глубокие корни, противодействие подписанию договора о мире продолжало оставаться таким мощным, что часы, а порой и минуты решали, быть или не быть завоеваниям Октября.

ЕСТЬ МИР НА ФРОНТАХ — НЕТ МИРА В ПАРТИИ: ПЕРВЫЙ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ СЪЕЗД БОЛЬШЕВИКОВ

Прибытие в Брест-Литовск выехавшей в ночь с 24 на 25 февраля из Петрограда советской делегации[11] не означало прекращения военных действий. Признав недействительным заключенное ранее (2 декабря 1917 г.) соглашение о перемирии, немцы продолжали наступление, используя его как весомое подкрепление своего ультиматума.

В этих условиях советская делегация 3 марта подписала мир, демонстративно не обсуждая его условий. В оглашенной ею в тот же день на заседании в Брест-Литовске декларации «перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплуатируемых классов всего мира» подчеркивался вынужденный характер принятия германского ультиматума: «Мы, уполномоченные нашим правительством, готовы немедленно подписать мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения, как совершенно бесполезного при соз-

---

[8] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 695.

[9] См. там же, т. 50, с. 46. Советские войска сумели освободить от калединцев Ростов-на-Дону 24 февраля, то есть до начала новых мирных переговоров в Брест-Литовске.

[10] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 274—275.

[11] Состав делегации: Г. Я. Сокольников (председатель), Л. М. Карахан (секретарь), Г. И. Петровский, Г. В. Чичерин, А. А. Иоффе (консультант).

давшихся условиях»[12]. Данная позиция свидетельствовала, что надежды большевиков на мировую революцию, уверенность в том, что такая революция, «несомненно, зреет и крепнет с каждым месяцем, с каждой неделей»[13], сохранялись. И даже подписание мира важно было использовать в интересах этой зреющей силы, которой, как говорил Ленин, «*надо* помогать. Ей надо *уметь* помогать»[14]. Вот почему Председатель Совнаркома одобрительно отозвался о тактике советской мирной делегации[15].

Итак, долгожданный мир был подписан. Он обернулся для страны серьезными территориальными потерями, обязательствами демобилизовать армию, «включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством»[16], разоружить или перевести в русские порты флот, прекратить революционную агитацию против держав Четверного союза, буржуазных правительств Финляндии и Украины, фактически уплатить контрибуцию в 3 млрд. рублей, а также проценты по обязательствам царского правительства, вступить с Германией в неравноправные торгово-экономические отношения. Такой ценой была достигнута предельно необходимая стране передышка.

Прекращение военных действий с Германией и ее союзниками не принесло, однако, мира в партию. Путь к ратификации Брестского договора в жестких рамках двухнедельного (начиная с 3 марта) срока лежал через Экстренный партийный съезд — к созыву Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов.

К своему первому после Октября общепартийному съезду РСДРП(б) стала готовиться при особых обстоятельствах. На заседании ЦК 19 января 1918 г. «левый коммунист» А. Ломов (Г. И. Оппоков) заявил, что в ходе решения вопроса о допустимости сепаратного мира «необходимо, чтобы был выслушан голос партии, так долго молчавший»[17]. От имени находившегося в руках «левых» Московского областного бюро РСДРП(б) он внес предложение немедленно — в пределах недели — созвать партийную конференцию, причем сделать это так, «чтобы на нее были делегированы представителями верхи отдельных областей»[18]. По тому, как реагировал на это предложение Ленин, было очевидно, что им уже тщательно обдуман этот вопрос. Он заявил, что не видит смысла в конференции такого рода, так как ее решения не могут быть обязательными для ЦК, а также не будут способными раскрыть глаза противникам сепаратного мира на истинное положение дел. «...Для разубеждения товарищей — сторонников революционной войны самое лучшее было бы съездить на фронт и там воочию убедиться в полной невозможности ведения войны»[19]. Для получения точных директив от партии, подчеркнул Ленин, необходимо созвать партийный съезд. Жизнь заставляла по-новому оценить прежнюю формулу «добиваться мира снизу», а именно — непосредственно апеллировать к партии в целом, к измученным войной трудящимся. Созыв партийного съезда, предваряющая

[12] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 287.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 396.
[14] Там же.
[15] См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 297.
[16] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 288. В ходе заседания ЦК РСДРП(б) 23 февраля Бухарин оценил этот пункт, содержавшийся уже в немецком ультиматуме, как требование к Советской России полностью разоружиться. На этом основании он считал невозможным принять ультиматум (см. там же, с. 266). Ленин возражал: «Договор можно толковать, и мы будем его толковать. Демобилизация здесь в чисто военном смысле» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 369—370). Прав оказался Ленин. Немцы в конечном счете согласились толковать этот пункт не как полную ликвидацию армии, а как ее переход на положение мирного времени, что не препятствовало дальнейшему строительству Красной Армии.
[17] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 246.
[18] Там же, с. 247.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 318.

его открытая дискуссия в партийных организациях и в печати по проблемам войны и мира должны были стать надежным средством выявления истинных настроений партийных масс, а через них — рабочего класса, широких слоев крестьянства. К тому же конференция, которая «является только ловлей мнения партии»[20], «не разрешит образовавшейся трещины»[21].

Ломаная, менявшая от заседания к заседанию свои очертания трещина, действительно делила Центральный Комитет на две в принципе равные части, так что о «большинстве» и «меньшинстве» нередко, как мы это видели выше, можно было говорить лишь с определенной долей условности. Съезд же должен был не только выразить волю партии, но и сформировать адекватный этой воле Центральный Комитет. На это, надо полагать, рассчитывал Ленин, веря в общепартийную поддержку своей политики. Вместе с тем многие «левые коммунисты» также связывали со съездом надежды на торжество их линии. За созыв съезда высказались, хотя и с оговорками, Бухарин, Урицкий, Бубнов, Крестинский. Вот почему обсуждение повестки дня будущего съезда на заседании ЦК 24 января проходило в обстановке относительного согласия. Бухарин даже поддержал Ленина, заявив, что вопрос о Программе партии следует поставить на съезде в первую очередь. Не вызвало возражений, как можно было ожидать, и заявление Ленина о том, что его «смущает огромное наличие в партии октябрьских большевиков[22], что может помешать съезду в выработке выдержанной программы»[23]. Выдвинутое в русле этого заявления предложение Сокольникова, что «в голосовании на съезде могут принимать участие только те товарищи, которые состояли в партии более трех месяцев»[24], было принято без всяких прений. Между тем именно этим был поставлен заслон наводнению съезда «вновь испеченными социал-демократами» (выражение Е. Д. Стасовой[25]), среди которых было немало энтузиастов псевдореволюционной фразы. В результате из 47 делегатов съезда с решающим голосом оказался лишь один со стажем, исчисляемым с января 1918 г., и пять — с 1917 г. Средний же стаж остальных 32 делегатов с решающим голосом, время вступления в партию которых нам сегодня известно, составил почти 13 лет. И это при том, что большинство «коренных» большевиков (включая всех членов ЦК) обладали на съезде лишь правом совещательного голоса (всего 59 человек). В целом же более половины всех делегатов съезда вступили в партию в период с 1895 по 1907 г.[26].

Развертывание дискуссии в печати по вопросам войны и мира, вал партийных собраний и конференций, прокатившийся по стране в преддверии съезда, оправдали ожидания сторонников политики заключения мира с Германией. В поддержку этой политики высказались накануне съезда коммунисты ряда крупных партийных организаций (Бакинской, Воронежской, Екатеринославской, Орловской, Смоленской, Уфимской, Челябинской, Северо-Западной областных, Кавказской краевой и др.). Симптоматичны были сдвиги в настроениях большевистских масс двух главных революционных центров страны. В ночь на 5 марта участники Московской общегородской конференции, на которой, кроме делегатов, присутствовало немало рабочих, поддержали курс на заключение мира. «Отрезвились», по выражению Ленина, и такие пролетарские районы Петрограда, как Выборгский и Василеостровский. «Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар револю-

[20] Там же, с. 319.
[21] Там же.
[22] То есть вступивших в партию после победы Октябрьской революции.— *В. Ж.*
[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 329.
[24] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 254.
[25] См. там же.
[26] См. там же, с. 200—206 (подсчет автора).

ционной фразы, показывает пример Питера и Москвы»[27],— писал Ленин в статье «Серьезный урок и серьезная ответственность». Она была напечатана в «Правде» 6 марта 1918 г., в день открытия VII Экстренного съезда партии.

На свое первое заседание делегаты стекались в много повидавший Таврический дворец на исходе дня 6 марта. Оно открылось в 8 часов 45 минут вечера и продолжалось всего 40 минут: были обговорены повестка дня и регламент, избраны президиум и мандатная комиссия, заслушан краткий отчет ЦК «в его организационной части», сделанный Я. М. Свердловым. Слушание политического доклада, с которым должен был выступить Ленин, было перенесено на утро следующего дня. Присутствовавшие в зале делегаты (многие еще находились в пути) сразу же после закрытия первого заседания съезда были приглашены принять участие в объединенном заседании Президиума ВЦИК и СНК, на котором с отчетом мирной делегации в Брест-Литовске выступил Г. Я. Сокольников.

Предельно уставшие, озабоченные люди, собравшиеся на съезде партии, свершившей ровно 120 дней назад свой исторический подвиг, были настроены исключительно по-деловому. Как вспоминала по свежим следам Е. Д. Стасова, общепартийный форум «производил глубоко вдумчивое впечатление, даже самые сильные по подъему речи не вызывали взрывов аплодисментов, точно слушатели стыдились проявлять свои чувства ввиду глубокой трагедии переживаемого момента»[28].

Первый послеоктябрьский съезд партии большевиков явился кульминацией общепартийной дискуссии по вопросам вывода истерзанной страны из пучины мировой войны. Но его социальные функции, роль и значение в истории далеко не исчерпываются решением этой важнейшей и неотложной для того этапа революции политической проблемы. Не случайно в числе главных на съезде был пункт о пересмотре партийной Программы. Дискуссия высветила комплекс вопросов теории и стратегии, требовавших специального анализа и решения на общепартийном уровне. И основной из них — возможно ли строительство социализма в условиях Советской России, окруженной враждебно настроенными империалистическими державами. Формально вопрос этот на съезде не обсуждался. Но именно в его контексте ставились и решались как проблемы войны и мира, так и принципиальные моменты будущей Программы партии.

Хотя Бухарин после сделанного Лениным на съезде доклада о пересмотре Программы и заявил, что он согласен с содержавшимися в этом докладе положениями «на девяносто девять сотых»[29], тем не менее спор между ними затронул не частные, а принципиальные стороны теоретического видения современной им эпохи и перспектив революционного процесса. Будучи убежденным, что распад капиталистических отношений в мировом масштабе «налицо», лидер «левых коммунистов» не считал необходимым сохранять в прежнем виде старую теоретическую часть Программы о развитии товарного производства и капитализма. «Эпоха империализма, эпоха преобладания империализма, эпоха социальной революции,— настаивал он,— в этом чередовании должен лежать логический центр тяжести теоретической части»[30]. Такое убеждение свидетельствовало прежде всего о том, что ленинские идеи неравномерности развития различных капиталистических стран в эпоху империализма и вытекающей из этого разновременности перехода их на путь социализма «левыми» усвоены и приняты не были. В этом и состояла

[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 419.
[28] Известия ЦК КПСС, 1989, № 2, с. 200.
[29] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 148.
[30] Там же, с. 149.

подспудная теоретическая база, определившая особенности тактики Бухарина и его сторонников в период Бреста, что в немалой степени и заставило Ленина уделить данным вопросам пристальное внимание в ходе работы съезда. Как бы ни был высок накал политических страстей вокруг проблемы Бреста, Ленин отчетливо понимал, что это все же «частный зигзаг» истории. Тем более важно было извлечь из него всю совокупность опыта и уроков, включая теоретические, с тем чтобы в будущем «в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму»[31].

Развернувшаяся на съезде дискуссия по вопросам Брестского мира свидетельствовала, что «левые коммунисты» на предыдущих этапах борьбы исчерпали весь набор аргументов в пользу революционной войны, значительная часть которых лопнула под напором реальной действительности. Упования Бухарина на «мобилизацию духа»[32] как панацею избавления русской революции от гибели убеждали уже немногих.

В этой обстановке Л. Д. Троцкий не мог удержаться от эффектного (и эффективного) шага: предложить съезду резолюцию, направленную против... Троцкого. «Съезд считает,— гласила она,— заявление нашей делегации о неподписании мира ошибочным»[33]. Червь сомнений грыз бывшего председателя мирной делегации в Брест-Литовске. Кроме того (и это, судя по всему, было главным), Троцкого подталкивало стремление заранее — до выдвижения кандидатур в новый состав ЦК — прощупать мнение делегатов съезда о своей политической линии в ходе брестской эпопеи. Съезд отверг данную резолюцию. Внесенное Крестинским предложение — считать тактику неподписания мира в Бресте совершенно правильной — не получило поддержки большей части делегатов («за» — 17, «против» — 19). Однако резолюция Зиновьева и Радека, приветствовавшая «брестскую советскую делегацию за ее громадную работу», собрала голоса более половины делегатов съезда с решающим голосом («за» — 25, «против» — 12)[34]. Троцкий мог быть в принципе доволен: съезд оказал ему политическое доверие. Именно так восприняли последнюю резолюцию голосовавшие за нее. Коснувшись тактики Троцкого, Ленин оценил ее четко и недвусмысленно: «...Поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан»[35].

Ленинская аргументация в пользу мира отличалась на съезде широтой подхода при анализе ситуации в целом, конкретностью аргументов, четкостью классовых и политических позиций. По-прежнему видя спасение российской революции «во всеевропейской революции»[36], Ленин, базируясь на опыте последних месяцев, констатировал, что «мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России — стране Николая и Распутина»[37]. История не давала вариантов выхода из этой тягчайшей ситуации: необходимо было ловить передышку, какой бы непрочной она ни была. «Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет»[38],— говорил Ленин, обращаясь с трибуны съезда к адептам революционной фразы. Но таких в зале было явное меньшинство. Ленинская резолюция, признававшая «необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительнейший мирный

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.
[32] См. Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 36.
[33] Там же, с. 133.
[34] См. там же, с. 131, 136.
[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 30.
[36] Там же, с. 11.
[37] Там же, с. 15.
[38] Там же, с. 26.

договор с Германией»[39], была принята съездом 8 марта тридцатью голосами при 12 против и 4 воздержавшихся.

Появившаяся 9 марта в «Правде» крохотная информация о том, что съезд большинством голосов высказался за ратификацию Брестского договора, была единственным официальным сообщением в печати о результатах работы VII съезда РКП(б), получившего в истории характеристику «полулегального»[40]. Полностью его резолюция о войне и мире была опубликована в газете «Коммунар» лишь 1 января 1919 г., то есть уже тогда, когда Брестский мир Советской Республикой был аннулирован, а рассматриваемые события стали историей[41]. Причины этого понятны. Поддерживая предложение Ленина не давать текста этого документа в печать, Радек подчеркнул: «Надо облегчать борьбу с немецким империализмом, не давая козыря в руки — официальной резолюции съезда»[42]. Необходимость такого решения диктовалась не только тем, что в ней давалось жесткое в своем реализме обоснование невозможности для страны вести в данных условиях войну, но и непредсказуемостью дальнейшего развития событий. Не случайно съезд принял внесенное Лениным дополнение к резолюции о войне и мире, в соответствии с которым Центральному Комитету давались полномочия «во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну»[43].

В конце работы съезда, когда дискуссия о мире уже завершилась впечатляющей победой ленинской линии, был решен вопрос о переименовании РСДРП (б) в Российскую коммунистическую партию (большевиков). Стремление большевиков отмежеваться от опошления знамени социал-демократии оппортунистами внутри страны и на международной арене, с одной стороны, а также подчеркнуть идею прямого наследования РКП(б) революционных принципов «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, с другой стороны, было в тех условиях вполне объяснимым. Однако не все на съезде были сторонниками такого радикального шага, чреватого, как им представлялось, далеко не однозначными последствиями. «...Отказаться от старого титула «социал-демократия» только потому, что слово опошлено, отказаться от такого почетного названия, только потому, что слово запачкано, я не вижу никакого основания,— заявил на съезде Ю. М. Стеклов, член партии с 1893 г.— Я подтверждаю, что политически мы страшно потеряем от такой замены, что не скоро приучим массу забыть, что такое была социал-демократия»[44].

Заключительным актом съезда было избрание Центрального Комитета партии. Новыми членами ЦК стали следующие 15 человек (в порядке, соответствующем количеству поданных голосов «за»): В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Я. М. Свердлов, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Н. Н. Крестинский, И. Т. Смилга, Е. Д. Стасова, М. М. Лашевич, В. В. Шмидт, Ф. Э. Дзержинский, М. Ф. Владимирский, Ф. А. Сергеев (Артем). Кандидатами в члены ЦК съезд избрал 8 человек: А. А. Иоффе, А. С. Киселева, Я. А. Берзина (Винтера), М. С. Урицкого, П. И. Стучку, Г. И. Петровского, А. Ломова (Г. И. Оппокова), А. Г. Шляпникова.

«Левые коммунисты» заявили о своем отказе от вхождения в ЦК. В специально принятой по этому поводу резолюции съезд, считая, что такой шаг «принципиально недопустим для желающих единства партии», и «в твердой надежде, что, посоветовавшись с массовыми организациями,

[39] Там же, с. 35.
[40] См. Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с XXXIX.
[41] Стенограмма VII съезда РКП(б) была впервые опубликована лишь в 1923 г.
[42] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 126.
[43] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 40.
[44] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 157.

товарищи откажутся от своего заявления»[45], произвел выборы, не считаясь с этим заявлением. В результате Бухарин и Крестинский были избраны членами ЦК 32 голосами (из 34 признанных действительными бюллетеней — именно столько было подано за Ленина и Троцкого), кандидатами в члены ЦК — Урицкий, Ломов (соответственно 19 и 21 голосом). Обращает внимание единодушие делегатов, в равной мере оказавших политическое доверие при выборах в ЦК лидерам всех трех течений острейшей дискуссии: Ленину, Бухарину, Троцкому. Этим съезд решительно и твердо высказался против всего того, что могло привести партию к расколу.

Закрывая партийный форум в 12 часов 20 минут ночи с 8 на 9 марта, Я. М. Свердлов выразил уверенность, что «до следующего съезда наша партия станет цельной, единой. На нем мы встретимся, вероятно, в качестве одной общей семьи, в качестве членов одной и той же партии — «Российской коммунистической партии»[46]. Я. М. Свердлов не мог, конечно, знать тогда, что председательствует на последнем в своей жизни партийном съезде, что ему суждено будет умереть за два дня до открытия следующего, VIII съезда РКП (б). Но его надежды сбылись. Первый послеоктябрьский съезд в итоге способствовал преодолению кризиса в партии, а также как бы связал воедино два выработанных мировой цивилизацией великих понятия «мир» и «коммунизм».

Убедительность победы ленинской линии на съезде не остановила «левых коммунистов». Они продолжили борьбу против заключения Брестского мира, причем борьба эта приобретала бо́льшую организованность, отличалась повышенным эмоциональным накалом.

Еще ранее Бухарин и его единомышленники наладили выпуск своей газеты — «Коммунист» как органа Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП. В ее первом номере, вышедшем накануне съезда — 5 марта 1918 г., лидер «левых» обрушил на Ленина град политических обвинений, соседствовавших с прямыми личными выпадами. Вся трагедия момента, полагал тогда Бухарин, как раз и состояла в том, что-де руководящее меньшинство партии во главе с Лениным не имело за душой ровно ничего, кроме слов: «Тов. Ленин находил нужные слова, чтобы бичевать тех, которые прячутся за оппортунистическую фразу. Но теперь он повторяет, по существу дела, те самые «ошибки», в которых погряз Каутский... В сущности одного вышесказанного было совершенно достаточно для доказательства всей несостоятельности «мирной теории» тов. Ленина.

Факты — против нее *целиком*. За нее — пустое повторение одного слова «передышка»... Это верх оппортунистического фразерства».

Статья Бухарина, называвшаяся «Об оппортунистической фразе», не только противопоставлялась ленинской статье «О революционной фразе», но и имела целью сплотить всех «левых» в партии на бескомпромиссную политическую борьбу.

Не желая себя связывать какими-либо обязательствами, Бухарин вопреки воле партийного съезда, избравшего его в состав ЦК, не принял этой должности. Ушли со своих постов в СНК и ВСНХ Смирнов, Оболенский, Яковлева. «Левые коммунисты», готовясь дать бой на съезде Советов, призванном ратифицировать уже подписанный и одобренный съездом РКП (б) мир с Германией, заняли, по оценке Ленина, «положение «оппозиции» в партии»[47].

Обращает на себя внимание, что даже в заметке о поведении «левых коммунистов», которая так и не была опубликована в свое время, Ленин ставит слово «оппозиция» в кавычки. Продолжая оставаться тер-

[45] Там же, с. 178.
[46] Там же, с. 172.
[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 77.

пеливым и осторожным в *политических* оценках, он тем не менее не мог не констатировать: «Это совершенно нелояльные, нетоварищеские, нарушающие партийную дисциплину поступки, и такое поведение было и остается *шагом к расколу...*»[48].

Сама логика политической борьбы заставляла «левых коммунистов» рассчитывать на «антибрестские» настроения не только части большевиков, но и левых эсеров, готовых выйти из правительственной коалиции с большевиками, а также всех оппозиционных и прямо враждебных Советской власти сил, представители которых могли оказаться на съезде Советов.

IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов открылся 14 марта 1918 г. в Москве — столице Республики, куда накануне переехало Советское правительство. Съезд собрал 1232 полномочных представителя рабоче-крестьянской власти со всех концов страны. Из них было 795 большевиков, 283 левых эсера, 25 эсеров центра, 21 меньшевик, 11 меньшевиков-интернационалистов. В ходе работы съезда 15 марта состоялось заседание ЦК РКП(б), на котором, в частности, обсуждалось сообщение о том, что «левые коммунисты» решили выступить перед съездом Советов с собственной декларацией. Пленум принял следующую резолюцию, предложенную Г. Е. Зиновьевым: «После того, как VII съезд партии принял определенное решение, после того как фракция[49] на IV съезде Советов подавляющим большинством голосов приняла такое же решение (453 голосами против 36) — все члены партии на съезде Советов обязаны голосовать так, как решила партия. Чтение сепаратной декларации на съезде Советов ЦК вынужден будет рассматривать как нарушение партийной дисциплины»[50]. Обстановка острой внутрипартийной борьбы в условиях крайней нежелательности и опасности раскола в партии способствовала значительному расширению (если не сказать — размыванию) границ партийной дисциплины. После партийного съезда, руководствуясь его волей, Центральный Комитет не только имел основания, но и был обязан положить предел наметившимся в этом плане тревожным тенденциям.

Как же ответили «левые коммунисты» на это, прямо скажем, жесткое по тем временам решение ЦК? От своей идеи выступить на съезде Советов с особой декларацией они не отказались. Декларация эта была внесена по мотивам голосования от имени 64 человек (из них 54 были членами большевистской фракции съезда и 10 — членами ВЦИК-большевиками) на заключительном этапе. Текст ее зачитал В. В. Куйбышев. «Мы стоим за революционную войну против бандитов империализма, продолжающих наступать на нас даже после подписания мирного договора,— подчеркивалось в этом политическом кредо «левых».— Мы полагаем, что этот договор не должен быть утвержден. Наоборот, его нужно заменить *призывом к священной обороне* социалистической революции...»[51]. Очевидно, что документ был прямо рассчитан на то, чтобы повлиять на результаты голосования.

Однако полностью игнорировать вышеупомянутое постановление Пленума ЦК партии «левые коммунисты» не решились. Они заявили, что против решения партии выступать не будут, а при голосовании вопроса о ратификации договора воздержатся. Так что основная дискуссия на съезде Советов развернулась между большевиками—сторонниками Ленина, с одной стороны, левыми эсерами, меньшевиками и другими небольшевистскими оппозиционными договору силами — с другой. Результаты этой борьбы были красноречивыми. За резолюцию, признающую

---

[48] Там же.
[49] Имеется в виду большевистская фракция на IV Чрезвычайном съезде Советов.
[50] Цит. по: Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 102.
[51] Там же, с. 103.

«правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров»[52], постановивших заключить Брестский мир, проголосовало 784 делегата, против — 261, воздержалось — 115. Невероятно тяжелый, насильственный, унизительный, но безусловно необходимый Советской Республике мир был наконец ратифицирован за день до истечения оговоренного с Германией срока в итоге столь же невероятно тяжелой политической борьбы.

РАЗМЫШЛЯЯ НАД УРОКАМИ ПЕРВОЙ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ

Осмысливая значение для партии и страны этой беспрецедентной по протяженности и напряжению политической борьбы, длившейся с конца декабря 1917 г. по середину марта 1918 г., Ленин дал ей подлинно диалектическую оценку: «Горький, обидный, тяжелый,— необходимый, полезный, благодетельный урок!»[53] Говоря это, вождь революции не мог еще знать в полной мере, сколь глубоким, значимым и многосторонним станет этот урок для будущего партии. Первая после Октября общепартийная дискуссия разом выявила целый комплекс проблем, многие из которых стали на годы и десятилетия вперед поистине судьбоносными для партии как в позитивном, так, к сожалению, и в негативном плане.

Оценивая историческое значение общепартийной дискуссии в период Брест-Литовских переговоров, важно видеть в ней корни, истоки позднейших теоретических споров в партии о судьбах социализма в нашей стране и перспективах его строительства. Предложенная Лениным стратегия и тактика достижения мира объективно вытекала из его убеждения в возможности начать строительство социализма в одной стране. Оппоненты Ленина мыслили и действовали — сознательно или неосознанно — в духе классических представлений марксизма о том, что социалистические революции произойдут одновременно если не во всех, то в большинстве стран Европы. Эти представления, усиленные, а подчас и шаржированные «левыми коммунистами» и Троцким, оборачивались абсолютной убежденностью, что только Запад, подхватив и развив революционную инициативу России, способен ввести ее затем в царство социализма. Без мировой революции само существование Советской власти для наиболее последовательных защитников таких позиций становилось формальностью.

Было ли рациональное зерно в такого рода рассуждениях? Исторический опыт свидетельствует: да, было. Мир, человеческая цивилизация — единый социально-экономический организм. Обособление, отторжение одной части его от других неизбежно порождают серьезные осложнения в процессе органического развития общественных отношений, создают такую ситуацию, когда субъективные факторы начинают приобретать преувеличенное, а порой и самодовлеющее значение.

Вероятность деформаций общественных отношений в ходе строительства социализма в этих условиях повышается. Со временем эти обстоятельства стали проявлять себя все более определенно. Работы В. И. Ленина, созданные после окончания гражданской войны, свидетельствуют, что он отдавал себе отчет в особых трудностях, стоявших на пути Советской России к реализации идеалов социализма. Но при этом Ленин никогда не был в ряду сторонников пессимистического тезиса о заведомой обреченности дела строительства социализма в нашей стране, даже если она какое-то время останется одинокой в окружении капиталистических стран. И он остался верен своим убеждениям, проявившимся уже в «период Бреста». Однако в 20-е годы партии еще не раз придется вер-

[52] Там же, с. 104.
[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т 35, с. 394.

нуться к идейно-теоретическому осмыслению тех проблем, которые как бы невзначай «выросли» из дискуссии по, казалось бы, сугубо практическому, конкретному политическому вопросу.

Дискуссия в партии на переломе 1917 и 1918 годов наглядно показала основных политических деятелей РСДРП(б) — РКП(б), очертила их способности и влияние, степень личного политического авторитета, возможности воздействия на партийные массы.

Воззрения Троцкого по проблемам войны и мира в период Бреста, а также его представления и предложения в области политической тактики имели в смысле влияния на партию скорее избирательный, «элитарный» характер. Воздействие же «левых коммунистов» на партийные массы было очевидным. И все же, насколько сильно было это влияние? И сколь массовым было данное течение в партии в целом?

Не преуменьшая масштабов распространения в партийной среде «левокоммунистических» взглядов, популярности предлагаемых Бухариным и его сторонниками практических мер, следует обратить внимание на то, что они достигались в первую очередь усилиями «сверху» — со стороны исповедовавших эти взгляды членов ЦК и руководства ряда местных партийных организаций. Когда же полемика вышла за рамки внутрипартийной дискуссии «верхушечного» толка, приобрела благодаря печати характер широкого, всероссийского спора, настроения партийных масс стали проявляться более свободно, непосредственно, органично. В центр начали поступать резолюции, принятые не столько партийными комитетами, сколько конференциями и собраниями. И тогда стало очевидным, что чаша весов в настроениях рядовых коммунистов все более склоняется к политике мира. Из 96 резолюций, принятых партийными комитетами, конференциями и собраниями в период с 18 февраля по 8 марта 1918 г., 53 содержали требования о заключении мира с Германией. Из 92 аналогичных решений, принятых после 8 марта, то есть уже после того, как свою волю выразил VII съезд РКП(б), лишь 10 резолюций были направлены против мира [54]. Это явилось важным симптомом того, что угроза раскола в партии (но пока еще не в ЦК) миновала.

Нельзя забывать и другого. Начало открытой полемики в печати совпало с наступлением немцев. Гром германских пушек прозвучал как веский довод в пользу трагической неизбежности крушения надежд на революционную войну.

Анализируя вышеупомянутые процессы, нельзя не заметить, что дискуссия, если брать в совокупности все ее этапы, выявила степень влияния партийного руководства на массы рядовых коммунистов. Это влияние оказывалось настолько значительным — и в «звездные часы» сторонников Н. И. Бухарина, и в процессе постепенного отрезвления партии от воздействия революционной фразеологии,— что возникает вопрос: не имеем ли мы дело с таким случаем, когда, может быть, впервые после Октября проявилась в зародыше объективная возможность подмены демократических процедур обсуждения и принятия важнейших политических решений механизмом манипулирования партийными массами?

Создать такой механизм «левым» в то время не удалось. У нас нет достаточно веских оснований утверждать, что они вообще сознательно к этому стремились. Но политическая борьба «эпохи Бреста» как бы приоткрывает краешек занавеса, за которым скрывались (пока еще скрывались!) некоторые серьезные и тревожные тенденции, варианты развития партийного организма, оказавшиеся способными позднее — уже в 20-е годы — под совокупным воздействием комплекса объективных и субъективных факторов упрочиться и этим серьезно омрачить исторические судьбы партии, деформировать ее политику.

[54] См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М., 1967, с. 555.

Говоря о немалой роли, какую сыграл в таком неблагоприятном развитии событий субъективный фактор, важно проследить это на одном — самом показательном — примере.

Аргументируя выдвинутый нами тезис о том, что борьба в партии в «период Бреста» различными своими сторонами предвосхитила многие проблемы ее жизнедеятельности на годы вперед, нельзя, в частности, не остановиться на анализе политического поведения члена ЦК И. В. Сталина в ходе этого дискуссионного марафона. Поверхностный взгляд на проблему делает ее вроде бы однозначной: Сталин последовательно отстаивал ленинский курс на заключение мира с Германией. Со времен «Краткого курса» такая точка зрения держалась в нашей историографии десятилетиями. Но так ли последовательна в действительности была сталинская позиция? И главное — какие качества политического деятеля Сталин смог проявить на различных этапах и поворотах дискуссии?

Первое, на что обращаешь внимание,— это политическая неопытность тогдашнего Сталина, его неумение и нежелание видеть противоречия, различать полутона, осмысливать повороты в ходе политической борьбы. Он держится скованно, вступает в дискуссию на заседаниях ЦК, как правило, с запозданием, в ходе своих выступлений компилирует (порой удачно, порой нет) уже прозвучавшие ранее мнения. И в этом нет ничего такого, что можно было бы поставить в укор 38-летнему народному комиссару по делам национальностей. Не он один среди членов ЦК оказался в таком положении. Решать *практически* судьбы страны — было для всех делом новым, необычным. Однако не могут не настораживать резкие и вначале трудно объясняемые повороты Сталина в трактовке принципиальных вопросов.

На заседании ЦК 11 января 1918 г. он недвусмысленно вслед за Лениным и на основе его аргументации высказывается против известной «третьей» тактики Троцкого: «Позиция тов. Троцкого не есть позиция... Принимая политику тов. Троцкого, мы создаем наихудшие условия для движения на Западе...»[55]. Поддерживая курс на мир с Германией, он при этом неверно характеризует обстановку в Западной Европе («Революционного движения на Западе нет...»)[56], за что подвергается критике со стороны Ленина. Но это — критика в адрес единомышленника. Через восемь дней — на заседании ЦК 19 января — Сталин заявляет прямо противоположное: «Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого»[57]. Отказ от прежнего убеждения объясним: на предыдущем заседании ЦК формула народного комиссара по иностранным делам получила большинство голосов («за» — 9, «против» — 7). Это насторожило Сталина, хотя в ходе голосования он, судя по всему, был в стане меньшинства.

Вслед за этим на совещании ЦК с представителями разных течений 21 января и на вечернем заседании ЦК 17 февраля (нового стиля) он вновь на стороне Ленина. На вечернем заседании ЦК 18 февраля, когда стал ясен крах тактики Троцкого и началось немецкое наступление, из уст Сталина снова можно услышать: «Не согласен с Троцким...»[58] 23 февраля после ленинского ультимативного заявления о выходе из правительства и ЦК в случае непринятия его категорического предложения о немедленном заключении мира Сталин заявляет: «Можно не подписывать, но начать мирные переговоры»[59]. Это иллюзорное возвращение к позиции Троцкого уже после того, когда самому автору этой тактики стало ясно, что его политика провалилась, также объяснимо:

[55] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 244.
[56] Там же.
[57] Там же, с. 249.
[58] Там же, с. 260.
[59] Там же, с. 266.

положение Ленина в ЦК критическое, вряд ли в этой обстановке стоит подтверждать свою ориентацию на него. Важно просто продемонстрировать *особую* позицию, какую — дело второе.

Ленин реагирует на очередной маневр своего ненадежного единомышленника довольно резко («Сталин неправ...») [60], вновь подтверждает свой ультиматум. Некорректность позиции Сталина очевидна и «левым коммунистам». Урицкий возразил Сталину: «...Условия надо принять или нет, но вести теперь еще переговоры нельзя» [61]. Разобравшись к концу заседания с ситуацией, уловив изменение позиции Троцкого, Сталин в ходе голосования опять в числе сторонников Ленина. Более того, он уже непримиримый оппонент «левых коммунистов». В ответ на заявление Урицкого от своего имени и имени членов ЦК Бухарина, Ломова, Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой и присутствующих на заседании Пятакова и Смирнова об уходе со всех ответственных партийных и советских постов Сталин «ставит вопрос, не означает ли уход с постов фактического ухода из партии? Понимают ли товарищи, что оставление ими постов есть зарез * для партии и не обязаны ли они подчиняться постановлениям партии?» [62]. Желая снять дополнительное напряжение, вызванное этими вопросами «в лоб», Ленин тут же «указывает, что уход из ЦК не значит уход из партии» [63]. Сталин, быстро переориентировавшись, спешит заверить членов ЦК, что «он никого не обвиняет» [64].

На заседании ЦК 24 февраля Сталин — заботливый ревнитель единства партии. Он «ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам» [65] —подающим в отставку членам ЦК. Что касается заявления народного комиссара по иностранным делам о его уходе с этого поста, то Сталин «не делает ни тени упрека Троцкому» [66], но лишь озабочен предотвращением раскола в партии.

На различных этапах дискуссии о Брестском мире в ЦК партии Сталин, как видим, многолик и довольно изворотлив. Будучи еще недостаточно опытным, чтобы сразу разобраться в сложных хитросплетениях ситуации, он тем не менее проявляет неплохое чутье в плане инстинкта политического самосохранения. Это еще далеко не тот Сталин, которого мы увидим в 20—30-е годы. Но главное уже сформировалось: стремление делать «свою» политику за счет жонглирования принципами «большой» политики. Лучшее свидетельство этому — поведение Сталина на VII съезде партии, где он предпочел и ухитрился не произнести ни единого слова. Мотив и здесь ясен: уж слишком сложной, непредсказуемой была обстановка в канун съезда. Члены старого ЦК не голосовали, позицию же большинства делегатов с решающим голосом заранее предсказать было трудно.

Сталинский «обет молчания» не остался незамеченным. Реакция последовала неожиданная: при формировании состава комиссии для разработки Программы партии на съезде впервые прозвучала фамилия Сталина. «Мне, по крайней мере,— заявил в ответ Урицкий,— неизвестны программные статьи ни Сталина, ни Зиновьева, но Радека хорошо известны. Поэтому предлагал бы включить Радека вместо Сталина» [67]. Ответ председательствующего на заседании Я. М. Свердлова был нейтральным: «Сталин писал по национальному вопросу, кто читал,— зна-

[60] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 369.
[61] Седьмой Экстренный съезд РКБ(б), с. 266.
* Так в тексте! — *В. Ж.*
[62] Там же, с. 269.
[63] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 370.
[64] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 270.
[65] Там же, с. 274.
[66] Там же.
[67] Там же, с. 163.

ет. Дело не в этом. Раз поступили возражения, будем голосовать поименно»[68]. Сталин в итоге был избран в состав программной комиссии, но минимальным количеством голосов — 21 (Ленин и Троцкий, например, набрали по 37 голосов, Бухарин — 36). Так делегаты съезда, хотя и косвенно, воздали должное члену ЦК, позицию которого по острейшим вопросам жизни партии и страны им так и не удалось узнать.

Заметил ли это Сталин? Если да, то не этим ли следует объяснять тот факт, что на заседаниях ЦК после VII съезда он вдруг стал немотивированно демонстрировать свою «особую позицию»? На заседании 13 мая, например, в итоге обсуждения тезисов Ленина «О современном политическом положении», как свидетельствует протокол, за их принятие «голосовали все, кроме Сокольникова и Сталина»[69]. Трудно судить, что могло вызвать возражения наркома по делам национальностей в этом документе, излагавшем уже известные партии принципы внешней и внутренней политики в условиях непрочности международного положения Республики Советов, окруженной империалистическими державами. Не сыграл ли Сталин на этот раз новую роль — последовательного защитника демократии, который не может взять на себя ответственности за такие действия пролетарской диктатуры против поднявшей голову буржуазии, как «беспощадная борьба, введение военных положений, закрытие газет, арест вожаков и т. п. и т. д.»[70]

Период Бреста, таким образом, дал Сталину многое в смысле развития присущих ему в будущем качеств изощренного политикана. То, что для других участников дискуссии (таких, например, как Бухарин) стало школой политического возмужания, для Сталина послужило благоприятной основой в его последующем продвижении «вверх по лестнице, ведущей вниз».

Десятилетия, которые минули со времени партийной дискуссии 1917—1918 гг. по вопросам войны и мира, не погасили желания историков, политиков (и не только их) на Западе, да и у нас «дойти до самой сути» и попытаться с позиций последующего исторического опыта ответить на вопрос: не ошиблась ли в конечном счете партия, пойдя в марте 1918 г. на позорный мир с Германией? Может быть, стоило все же рисковать, решительнее играть на противоречиях между двумя империалистическими группировками, активнее апеллировать к революционным массам на Западе, откровенно рассказывая им о своем гибельном положении? Можно слышать и такого рода доводы: «дотяни» Советская Россия в союзе со странами Антанты до победы над государствами Четверного блока, она бы стала полноправным партнером в создании послевоенного устройства Европы, решила бы свои территориальные проблемы, а также смогла получить немалые материальные инъекции в виде контрибуции от поверженной Германии и финансовой помощи «союзников». А вместо этого — позор, огромные территориальные потери и даже вывоз в Германию части золотого запаса страны.

Доводы типа «если бы» — хорошая пища для бесконечных и, добавим, бесплодных дискуссионных игр. Но ответ на подобные вопросы может быть и коротким. Если бы «подвижники Смольного» действительно руководствовались такого рода политической логикой, то не они стояли бы в авангарде победоносного Октября. Их уделом стала бы или судьба еще одной из соглашательских партий коалиционного состава Временного правительства, или же неизбежный финал политических авантюристов.

Реальное, а не иллюзорное значение «Бреста» состояло в том, что он стал школой *практической* политики социалистического государства и

[68] Там же.
[69] Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 144.
[70] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 325—326.

правящей в нем партии. Суровая действительность безжалостно и благотворно ломала стереотипы декларативного мышления и политического действия, сложившиеся за годы деятельности большевиков как революционной оппозиции дооктябрьским политическим режимам. Тогда эти качества были необходимы, нередко играли позитивную роль. Для партии, стоящей у власти, привычки «убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями» себя и других и, хуже того, «опьянять себя звуком слов» [71] могли стать пагубными.

Споря с «левыми» в своей партии, Ленин стремился убедить и научить их на практике, что вести реальную политику для большевика — это прежде всего не отрываться от «земных» интересов трудящихся масс, руководствоваться этими интересами. Негоже для коммуниста, считал он, уподоблять себя шляхтичу, «который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина» [72].

Характерно, что «чувства», как показали последующие события, в основном и главном все же обманули «левых». Не разразилась революция в странах Западной Европы. Ленин ожидал ее с такой же надеждой и нетерпением, как и его оппоненты. Но он не выдавал эту историческую возможность за фактор, который следовало положить в основу всей своей политической программы. Немецкое наступление 18—24 февраля 1918 г. подорвало надежды Троцкого и его сторонников на то, что германский пролетариат не даст кайзеру Вильгельму II выступить в роли палача социалистической революции в России. Не подтвердилось и «несомненное» убеждение таких горячих защитников революционной войны, как Урицкий, что при первых звуках германского боевого рожка народные массы России спонтанно поднимутся на священную войну с захватчиками. Жизнь показала, что строительство Красной Армии, способной решать подобные задачи, требует длительной — напряженной и целенаправленной — организаторской работы партии и государства. Реалии социально-экономической политики весны 1918 г. опровергли скептицизм «левых» относительно возможностей мирной передышки, ярко выраженный Н. И. Бухариным в его содокладе на VII съезде РКП (б): «В самом деле она нужна нам? Что она нам даст?» [73]. В противовес этому жизнь подтвердила ленинский прогноз относительно недолговечности несправедливого мира Советской Республики с кайзеровской Германией. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии создала условия для аннулирования постановлением ВЦИК и СНК от 13 ноября 1918 г.[74] договора, заключенного 3 марта в Брест-Литовске.

Оценивая данный «урок Бреста», следует с сожалением констатировать, что на последующих этапах развития партии он нередко недооценивался, а то и совсем игнорировался. Партии не всегда удавалось быть свободной от магии политических деклараций, красивых, но беспочвенных лозунгов. Более того, в ней со временем даже нарастала тенденция компенсировать просчеты реальной политики серией новых призывов, обещаний, успокоительных «научных прогнозов», официозным оптимизмом на уровне пропагандистского тезиса «наше дело правое». Но если урок истории оказался не усвоенным в необходимой мере, важно еще и еще раз возвращаться к его осмыслению.

Показателен нравственный аспект дискуссии. В тягчайший для судеб революции момент проблемы морали, чести, совести, достоинства революционера вдруг зазвучали с особой силой и пронзительностью. Спор по вопросам политики закономерно перерастал в столкновение двух пониманий нравственного в революции.

[71] Там же, т. 35, с. 345.
[72] Там же, т. 36, с. 22.
[73] Седьмой Экстренный съезд РКП(б), с. 29.
[74] См. Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968, с. 15—18.

У «левых»: надо спасти честь революционного интернационализма и своей готовностью погибнуть и даже самой гибелью революции поднять волну революционного движения на Западе.

У Ленина: надо спасти живого и здорового ребенка. Истинная нравственность в том, чтобы отвести от народа, от завоеваний социалистической революции смертельную опасность.

Исход этого спора в конечном счете диктовался реальными классовыми интересами пролетариата и трудящегося крестьянства России, позицией широких партийных масс.

Сегодня, когда наконец-то окончательно сняты, отброшены сталинские «криминальные» наслоения в трактовке этих событий и мотивов поведения главных действующих лиц, важно прежде всего обратиться к вопросу: в чем же состояла основная трудность в определении позиции по вопросу о Брестском мире? И многое заставляет думать, что самыми сложными в этом деле были барьеры и соображения нравственно-психологического порядка, о которых мы только что говорили. Это важно констатировать как свидетельство морального тонуса и потенциала партийного организма в целом. Брестская драма могла обернуться пошлым и гибельным политическим фарсом, если бы в партии «правили бал» циники, безответственные политиканы или же, напротив, готовые на все приспособленцы и соглашатели. В реальной же борьбе столкнулись партийные лидеры и рядовые коммунисты, которые остро оспаривали позиции друг друга, но не сомневались в одном: в революционной искренности и честности воззрений своих оппонентов. И в этом один из истоков преодоления кризиса в партии, недопущения того, чтобы он перерос в раскол.

Казалось, никогда прежде в партии с такой жесткой бескомпромиссностью не сталкивались требования, с одной стороны, к трезвому политическому анализу сложившейся ситуации, с другой же — к активной защите чести и достоинства революционера и его партии. И водораздел трезвого рассудка и действительно «самых лучших революционных побуждений» [75] (о чем, заметим, Ленин говорил без всякого сарказма) проходил не столько между отдельными группами, сколько через душу и сердце каждого коммуниста. В этом смысле выбор позиции и ее защита на каждом из этапов дискуссии требовали как от Ленина и его сторонников, так и от «левых» во главе с Бухариным предельного психологического напряжения.

Упорство «левых» в отстаивании своих убеждений сыграло диалектически сложную роль в развитии событий. Оно затруднило достижение мира с Германией, усугубило тяжесть условий этого мира. Вместе с тем именно эта дискуссия способствовала мобилизации всех сил партии и страны на подготовку к такому повороту событий (отнюдь не теоретическому), когда революционная война против германского империализма могла стать неизбежной.

Последующее развитие событий не оправдало пессимизма «левых» в РКП (б) относительно того, что вынужденное заключение мира с империалистическим разбойником нанесет смертельный удар большевизму и социалистической революции в России в глазах международного пролетариата, революционных сил Европы и всего мира. Острота и бескомпромиссность дискуссии как раз спасли честь и упрочили авторитет большевизма как интернационалистского политического течения, воочию показав, что авангардная партия победоносного Октября готова была идти до самого конца (и даже дальше) по пути выполнения своего интернационального долга, до той крайней черты, за которой гибель самой РКП (б) и социалистической революции были неизбежны. В этом смысле уже данная дискуссия способствовала процессам создания коммуни-

[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 253.

стических партий стран Запада и последующему сплочению их в III Коммунистический Интернационал.

Рассматриваемые события определили присущий ленинскому периоду истории КПСС как правящей партии высокий дискуссионный тонус и накал в решении наболевших политических проблем. Они показали, что партия не должна бояться острейших дискуссий так же, как в принципе здоровый человек — возможных болезней. Сплочение, достигнутое в итоге преодоления крайних разногласий, удесятеряет ее силы, повышает иммунные возможности. Пройдя труднейшее испытание Брестским миром, большевики на деле показали готовность и способность взять на свои плечи неисчислимый груз политических проблем периода уже недалекой гражданской войны.

И наконец, борьба по вопросу о заключении Брестского мира являет наиболее убедительный и яркий пример того, что *любая* по сложности обстановка не может служить основанием для отказа партии от демократической процедуры обсуждения и принятия своих политических решений. Надо ли говорить, насколько бы выиграла партия большевиков на сложных путях ее последующего развития, если бы навсегда, без изъятий усвоила этот, пожалуй, самый важный урок Бреста.

* * *

Ровно через три года — в марте 1921 г. при обсуждении на X съезде РКП(б) проекта знаменитой резолюции «О единстве партии» В. И. Ленин снова вернулся к урокам Бреста. Возражая против поправки Д. Б. Рязанова, предлагавшего, не ограничиваясь осуждением фракционности в партии, высказаться в резолюции «так же решительно против выборов на съезд по платформам» [76], он вспомнил кульминационный момент дискуссии о мире, которая вынудила его — признанного лидера большевиков — выступать в непривычной роли члена ЦК, действующего вопреки воле его большинства. Апеллируя непосредственно к партийным массам в серии статей, только первые из которых, как помним, появились под псевдонимом, глава Советского правительства без колебаний пошел тогда против течения, не останавливаясь перед тем, что вполне можно было квалифицировать как действия «через голову ЦК».

В чем-то сходных условиях драматического перехода страны к новой экономической политике, вызвавших обострение внутрипартийных разногласий, Ленин возвращается к вопросу о правах члена ЦК, каждого коммуниста в экстремальной ситуации. Его мнение на этот счет звучит категорично: «Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем... Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя!» [77].

Предчувствуя новый тур внутрипартийной борьбы на переломном этапе перехода от «военного коммунизма» к нэпу, Ленин как подлинный диалектик думает одновременно и о чрезвычайных, но исторически преходящих мерах по укреплению единства партии, и о долговременных, стратегического порядка задачах совершенствования механизма демократического разрешения любого политического противоборства внутри РКП(б), о правах партийного меньшинства. Это значит, что уроки Бреста не прошли даром, они стали давать свои первые ростки.

Не пора ли и нам сегодня со всей серьезностью и непредвзятостью обратиться к их далеко не исчерпавшему себя творческому потенциалу?

[76] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. М., 1963, с. 539.
[77] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 112.

ЦПА: «МИЛЛИОН ДОКУМЕНТОВ ДОСТУПЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ!»

С заместителем директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — заведующим Центральным партийным архивом кандидатом исторических наук **И. Н. Китаевым** беседует член редколлегии, заведующий отделом журнала кандидат исторических наук **В. В. Корнев.**

* * *

В. В. Корнев. В «Слове о Ленине» М. С. Горбачева на торжественном собрании, посвященном 120-летию со дня рождения основателя нашей партии и государства, отмечалось, что ленинское идейно-теоретическое наследие послужило отправным пунктом для анализа коренных проблем прошлого и современности в ходе перестройки. Но в процессе демократизации и гласности делается попытка изобразить историю КПСС и Советского государства лишь в черных тонах, а вину за ошибки и деформации в строительстве нового общества возложить на Ленина. В ЦПА хранятся ленинские документы, часть из них только недавно была опубликована, другие готовятся к публикации. Что нового в этой работе?

И. Н. Китаев. 120-я годовщина со дня рождения Владимира Ильича, перестройка, проводимая в нашей стране, вызвали огромный интерес к теоретическому наследию Ленина. В периодической печати было опубликовано большое число материалов о Ленине, среди которых, к сожалению, есть необъективные, ставящие цель скомпрометировать его.

Ученые ИМЛ, научные сотрудники Центрального партархива в юбилейный год активно работают с наследием Ленина, изучают и готовят к публикации новые документы. Совместными усилиями подготовлен очередной, 42-й Ленинский сборник, куда вошли ранее не публиковавшиеся произведения Владимира Ильича, в № 4 журнала «Известия ЦК КПСС» за 1990 г. увидели свет 14 ранее не опубликованных документов Ленина. Среди них привлекает особое внимание «Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б)» от 19 марта 1922 г. Главное в письме — требование Ленина усилить борьбу с реакционным духовенством, которое препятствовало местным органам Советской власти изымать, согласно декрету ВЦИК, церковные ценности для оказания помощи голодающим Поволжья и других регионов страны.

В научном комментарии мы показали, что предложения Ленина на заседании Политбюро не прошли, а было принято решение, проект которого был написан Л. Д. Троцким: более лояльное, менее жесткое. Но в решении осталось требование об активизации изъятия церковных ценностей для борьбы с голодной смертью многих миллионов людей.

Буквально накануне выхода в свет «Известий ЦК КПСС» молодежный еженедельник «Собеседник» (№ 16, 1990) опубликовал это

письмо Ленина, предпослав ему большую статью «Императив». Научные сотрудники ЦПА считают, что целью публикации еженедельника является попытка ошельмовать Ленина в юбилейные дни, использовав для этого произвольно и тенденциозно подобранные и урезанные цитаты из его произведений.

В ЦПА подготовлена и опубликована в газете «Правда» (5 июня 1990 г.) статья «Подлог». Это слово Ленин написал на так называемом «Письме Ленина» неизвестному другу в Берлин от 10 июня 1921 г., в котором якобы содержится его признание ошибочности классовой теории развития общества, отхода партии от идеи интернационализма, неверия в творческие силы народа и партии, бесполезности своей государственной деятельности, посредственности своих соратников.

На Западе это письмо публиковалось в 1921-м и последующих годах с одной целью — скомпрометировать Ленина и ленинизм, идеи социализма. Поэтому более чем странным кажется желание некоторых наших уважаемых газет опубликовать это письмо («Пять дней в особом архиве».— Известия, 20 февраля 1990 г.; «Депеша из Берлина».— Там же, 19 апреля 1990 г.). Отвечаем еще раз — это фальшивка!

Мы понимаем, что бороться с рождающимися домыслами и фальшивками можно одним путем — опубликовать все документы Ленина. Эта задача ставится в ходе подготовки 6-го издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, над которым работают ученые ИМЛ и сотрудники ЦПА.

В. В. Кориев. Учение Ленина неподвластно всплескам злобы ни его бывших политических оппонентов, ни современных публицистов, подобных В. Солоухину, «извлекавшему» цитаты из 36-го тома Собрания сочинений Ленина «на свой вкус» (по его собственному признанию). Ленинский диалектический метод анализа, материализм в постижении истории, научное прогнозирование, выдающиеся качества вождя не под силу опровергнуть ни невеждам, ни идейным противникам. Ленин снискал к себе глубокое уважение и высочайшее признание выдающихся ученых, стоявших далеко от политики. «Совестью человечества» назвал Ленина А. Эйнштейн. Сегодня Ленин — самый читаемый автор на планете. Его произведения переведены на 222 языка, что уступает лишь Библии, изданной на 286 языках. Мы должны помнить, что судьба наследия Ленина напрямую связана с судьбой перестройки: удастся она — будет расти авторитет ленинских идей, нет — значит, мы плохие его ученики.

У меня есть к Вам, Иван Никифорович, и другой «юбилейный» вопрос. В этом году исполнилось 45 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Есть ли новые изыскания в архивных документах по этой тематике?

И. Н. Китаев. В канун Победы в своем выступлении на Всесоюзной научно-практической конференции «Великая Отечественная война советского народа 1941—1945 гг. в документах Государственного архивного фонда СССР и печатных изданиях» я сообщил интересные цифры и факты из материалов ЦПА. Несмотря на людоедский приказ руководителей фашистской Германии «коммунистов расстреливать на месте», во время войны кандидатами в члены партии было принято 5 млн. 95 тыс. 848 человек (ЦПА, ф. 17, оп. 117, д. 611, л. 20), в том числе в армии — 3 млн. 639 тыс. 310 (ЦПА, ф. 17, оп. 122, д. 189, с. 201). Для сравнения: за четыре довоенных года кандидатами в члены партии было принято 2 млн. 191 тыс. 709 человек. Уточним: за годы войны приток новых сил в партию был в два с половиной раза выше, чем в мирное время (ЦПА, ф. 17, оп. 117, д. 611, л. 8).

В этом выступлении сделана попытка определить истинные потери среди коммунистов на войне. Дело в том, что в академических изданиях

и академических словарях по этому вопросу много несоответствий. Так, в Большой Советской Энциклопедии (т. 12, М., 1973, с. 556) указывается, что потери среди коммунистов составили 3 млн. Во 2-й книге 5-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1970, с. 643) читаем: «За годы войны отдали свою жизнь во имя победы около двух миллионов коммунистов...»

Позволим здесь привести некоторые документы.

В октябре 1943 г. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) представил в ЦК ВКП(б) записку с отчетными статистическими данными об изменении состава партии с 1 июля 1941 г. по 1 сентября 1943 г. В пункте 8 сказано: «За время войны убито, умерло и пропало без вести 1.116 тыс. коммунистов.

Кроме того, не имеется данных примерно на 800 тыс. коммунистов, судьба и местонахождение которых неизвестны парторганизациям. Сюда входит часть коммунистов, оставшихся на территории, оккупированной противником, часть погибших коммунистов, о которых нет никаких сведений и т. д.» (ЦПА, ф. 17, оп. 122, д. 56, л. 44). Таким образом, уже за полтора года до окончания войны насчитывалось около 2 млн. погибших и пропавших без вести коммунистов.

В Центральном партийном архиве также хранится протокол № 265 от 12 июня 1946 г. заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), на котором рассматривался вопрос «О росте партии и о мерах по улучшению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в партию» в связи с подготовкой Постановления ЦК ВКП(б), принятого 26 июля 1946 г. (ЦПА, ф. 17, оп. 116, д. 265, л. 2).

В материалах к этому протоколу (ЦПА, ф. 17, оп. 117, д. 611, л. 1—56) имеются записка Н. С. Патоличева секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову «О росте партии и мерах по улучшению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в партию» и статистические справки об итогах приема новых членов и изменениях в составе ВКП(б) за период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., составленная по данным статистических отчетов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и политуправлений Советской Армии.

Эти документы позволяют произвести подсчет количества погибших коммунистов следующим образом:

1) К общему количеству коммунистов на 1 июля 1941 г.—3814409 прибавить количество принятых кандидатами в члены ВКП(б) за годы войны —5095848.

2) Из полученного числа — 8910257 вычесть общее количество коммунистов, состоящих в ВКП(б) на 1 июля 1945 г.—5953377.

Полученный результат —2956880 человек, вероятно, можно рассматривать как потери коммунистов за период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В. В. Корнев. Иван Никифорович, теперь у меня к Вам «официальный» вопрос, который волнует многих исследователей, читателей нашего журнала: как коллектив Центрального партийного архива и Вы как коммунист-руководитель выполняете резолюцию XIX партконференции «О гласности»?

И. Н. Китаев. Наша последняя акция (по решению дирекции ИМЛ от 2 апреля 1990 г., принятого по представлению ЦПА) — передача личных фондов ограниченного использования — документов Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, К. Б. Радека, Ф. Ф. Раскольникова, И. В. Сталина — в открытое хранение для работы с ними широкого круга исследователей.

Также по нашему предложению решен вопрос о передаче в откры-

тое использование так называемых «трофейных» документов, хранящихся в ЦПА со времен второй мировой войны.

К этому комплексу относится архив Фердинанда Лассаля (1825—1864), включающий различного рода документы — от гимназических и университетских сочинений до таких, которые отражали его деятельность по организации в 1863 г. Всеобщего германского рабочего союза. Здесь же представлены материалы прусского и саксонского полицейских архивов, содержащие сведения как о Марксе и Энгельсе, так и о других деятелях международного рабочего и демократического движения.

Строго говоря, эти документы не были закрыты, часть из них уже опубликована, в той или иной мере использована в научных работах. Обзор фонда полицейских документов о Марксе из прусского архива, хранившихся в ЦПА в копиях, приведен К. Л. Селезневым в статье «Новые источники для биографии К. Маркса», которая вошла в сборник статей «Из истории Германии нового и новейшего времени» (М., 1958); в диссертационной работе Г. Д. Головиной «Борьба К. Маркса против полицейских преследований «Союза коммунистов». (Новые данные о кёльнском процессе коммунистов 1852 г.)». (М., 1988).

После завершения научно-технической обработки этих фондов, проверок на публикацию документы трофейных фондов будут ждать своих исследователей.

Некоторое время назад были открыты фонды Коминтерна, и они широко используются. Правда, здесь есть существенное дополнение. Все партии, входившие в Коминтерн — а их насчитывалось 71,— согласились допускать к документам своей партии только с письменного согласия соответствующего ЦК или другого руководящего ныне органа.

В. В. Корнев. А что же остается закрытым в партархиве, недоступным исследователям?

И. Н. Китаев. Миллион документов, хранящихся в ЦПА, доступен исследователям. И многие товарищи пользуются этими документами. К примеру, за прошлый год в архиве работали почти 1000 советских и около 100 зарубежных исследователей, проведя в наших стенах в общей сложности 12 400 дней. Сотрудники ЦПА в течение года ответили на 15 050 запросов, в том числе на 232 зарубежных. В некоторых зарубежных запросах указывалось более 100 фамилий людей, судьбу которых хотело знать нынешнее поколение. Эти показатели в 2—3 раза больше, чем в прошлые годы. Хочу подчеркнуть, что единственным блоком документов ограниченного пользования остаются пока документы Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии, так как идет работа по подготовке к изданию в ближайшие годы стенографических отчетов съездов, конференций и пленумов ЦК партии. Над этим изданием работает большая группа ученых.

В. В. Корнев. Мне, как бывшему архивисту, виден большой объем работы коллектива ЦПА как по хранению документальных материалов, так и по их научному использованию. А что представляет собой коллектив партархива?

И. Н. Китаев. В ЦПА работают 86 научных и 25 научно-вспомогательных сотрудников, из которых 18 — кандидаты наук. Многие сотрудники — профессионалы высшей квалификации, авторитетные исследователи и ученые. К примеру, в ЦПА работают несколько участников Великой Отечественной войны, которые после войны окончили Историко-архивный институт и все эти годы работают в ЦПА. Это Ахапкин Юрий Александрович, заместитель заведующего ЦПА, потерявший на фронте правую руку; Степанов Владлен Николаевич, заведующий секцией документов В. И. Ленина; Ковганкин Гелий Борисович, выпускник МГИМО, крупнейший специалист по расшифровке документов К. Марк-

са и Ф. Энгельса, владеющий восемью иностранными языками. Есть и молодая смена, перенявшая от старшего поколения лучшие традиции архивистов-профессионалов.

Не могу не сказать и о трудностях. Дело в том, что почти 30% ныне работающих — это люди, достигшие пенсионного возраста и далеко перешагнувшие этот возраст. Поэтому задача обновления и омоложения коллектива чрезвычайно остра и болезненна. Конечно, лучшим выходом из создавшегося положения было бы введение в штатное расписание должностей консультантов и референтов, на которых по мере сил и возможностей могли бы работать заслуженные и авторитетные профессионалы.

Мой ответ был бы неполным, если бы я не сказал еще об одной группе работающих — инженерно-техническом и обслуживающем персонале. Эти люди несут круглосуточную вахту, обеспечивая температурно-влажностный режим, чистоту и т. д., помогая сохранить бесценные документы.

В. В. Корнев. Нашим читателям интересно будет узнать о том, что между Центральным партархивом и редакцией нашего журнала существует договоренность о публикациях на его страницах документов ЦПА. Какие документы мог бы предоставить нам архив в ближайшее время?

И. Н. Китаев. Документы ЦПА буквально просятся на страницы нашего журнала. В прошлые годы в нем ежегодно публиковались обзоры поступивших в ЦПА документальных материалов — обзоры фондов. Мы готовы возобновить эту работу. Но сил, времени и возможностей самих сотрудников архива явно не хватает. И поэтому приглашаем сотрудников журнала, ученых: приходите к нам, работайте, готовьте публикации. Но одновременно следует оговориться: видимо, это должен быть заказ — поручение журнала. Я приводил цифры: 12 400 дней работы исследователей в ЦПА в 1989 г. Это значит, что ежедневно в нашем архиве работает около 60 исследователей. И просто появление в ЦПА человека «с улицы» с требованием допустить его к архивам — это нереально. Мы просим все учреждения и организации писать нам заранее письма с рекомендациями исследователям по определенной тематике, а отдельных исследователей — письменные заявления. Такая практика позволяет предварительно проводить необходимую подготовительную работу и выявлять документы по теме, а также устанавливать элементарную очередность посещения ЦПА.

В. В. Корнев. Иван Никифорович, я думаю, что читатели журнала будут удовлетворены Вашим интервью, в котором Вы откровенно рассказали о работе Центрального партийного архива. Может, мы договоримся о том, что встречи с Вами, членом редколлегии нашего журнала, станут регулярными на его страницах?

И. Н. Китаев. Спасибо. С большим удовлетворением готов к активному сотрудничеству.

НУЖЕН ЛИ СЕГОДНЯ К. МАРКС?

Тема этой беседы возникла не случайно. Она навеяна многочисленными критическими выступлениями в печати, других средствах массовой информации в адрес марксизма и его основоположников[1]. «Не устарел ли сегодня К. Маркс?», «Содержит ли его учение научную истину или же оно представляет собой лишь идеологическую доктрину?» — такие вопросы нередко возникают в студенческих аудиториях, появляются на страницах газет и журналов, на шумных митингах. В этой связи редактор отдела журнала «Вопросы истории КПСС» канд. историч. наук **А. В. Рябов** встретился с ведущим научным сотрудником отдела К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС докт. эконом. наук **А. Ю. Чепуренко** и задал ему несколько вопросов. Запись их беседы мы и предлагаем вниманию читателей.

* * *

А. В. Рябов. Сейчас в нашей печати продолжается волна критики Маркса. Какие направления этой критики Вы могли бы выделить? Являются ли те положения, которые нынешние публицисты, писатели, философы пытаются опровергнуть у Маркса, сердцевиной учения, которое мы привыкли называть марксизмом?

А. Ю. Чепуренко. Действительно, по тому накалу, которого эта критика достигла в последние год-полтора, можно сказать, что это даже не волна, а прямо-таки «девятый вал». Но я надеюсь, что марксизм, который не раз переживал такие периоды тотальных нападок и у нас, и на Западе, выстоит и теперь. Я думаю, что острота критики марксизма объясняется как нашей предшествующей историей, так и непростой духовной атмосферой перестраивающегося общества. Если учесть, что марксизм-ленинизм в самые мрачные периоды отечественной истории провозглашался господствующей идеологией советского общества, то естественно, что в период перестройки возникла такая критическая волна. Где-то на переломе второго и третьего годов перестройки стало очевидно, что она должна представлять из себя не столько косметический ремонт и ускорение движения на пути к коммунизму в русле прежней административно-командной системы, сколько по меньшей мере капитальный ремонт всей конструкции.

Неизбежно должен был встать вопрос об идейных основаниях этой конструкции. И здесь-то многодесятилетние ритуальные речи о том, что мы строили наше общество по Марксу, Энгельсу и Ленину, не могли не сыграть негативной роли. Потому что перестройка этого общества объективно поставила общественное сознание перед проблемой: как поступить с марксизмом, на фундаменте которого якобы это общество было построено? И вот здесь зазвучали сначала осторожно-критические выступления в отношении некоторых отдельных выводов, отдельных положений марксизма, которые очень скоро переросли в критику его фундаментальных идей, а затем и в непринятие марксизма в целом.

Я думаю, что сейчас мы можем говорить о двух линиях такой критики марксизма — о либеральном и радикально-негативистском направ-

[1] Проблема критики марксизма в современной литературе затрагивалась, в частности, на «круглом столе» в редакции журнала «Вопросы истории КПСС» (см. Правда Ленина — в его трудах. За научную корректность анализа ленинских идей о социализме («Круглый стол»).— Вопросы истории КПСС, 1990, № 4, с. 29—31). Она же стала предметом специального обсуждения на Ученом совете ИМЛ при ЦК КПСС в мае этого года.

лениях. Когда я говорю о либеральной критике Маркса, то имею в виду прежде всего нашумевшее эссе Ю. Буртина «Ахиллесова пята исторической теории Маркса»[2]. Когда я говорю о радикально-негативистской линии критики, то это связывается у меня с именем А. С. Ципко, который выступил годом раньше со своими очерками об истоках сталинизма[3] и который сейчас последовательно развивает свою критику в однажды избранном направлении, довольно активно выступая с лекциями и в печати.

В чем их отличие, на мой взгляд? Отличие в том, что Буртин, сомневаясь, как и Ципко, не только в некоторых выводах, но и в основных идеях, на которых зиждется марксова теория (это — марксово понимание демократии, революции, возможности нетоварной организации общественного производства и т. д.), не ставит все же под сомнение гуманистическую компоненту марксизма. Считая марксизм теорией, ограниченной историческим опытом XIX века, он не выводит марксизм за скобки мировой цивилизации, сохраняет за ним, так сказать, право на существование.

Что касается А. С. Ципко, то он идет гораздо дальше. Ципко, мне представляется, не только не признает за марксизмом возможности развития в нынешних условиях, но и считает его изначально порочной теорией общественного развития. Одну его мысль мало кто заметил, ибо критика сконцентрировала внимание в первую очередь на предложенной Ципко трактовке связи между марксизмом и сталинизмом. Я имею в виду ту его идею, согласно которой отдельные основополагающие положения марксизма, с которыми в свете опыта истории никак не нельзя согласиться, восходят к философии просвещения, вообще к рационалистической европейской традиции. И вот, мне кажется, этот момент и позволяет говорить о том, что критика со стороны Ципко, раздающаяся в адрес Маркса и марксизма, является гораздо более радикальной и в целом негативистской. Почему? Потому что если мы вслед за Ципко придем к выводу, что марксизм — это, как он писал прямо, дитя экспансионистской европейской культуры, то это значит, что, отказавшись от марксизма, нужно предать анафеме посылку о том, что мир познаваем, и познаваем именно на пути рационального познания, а не чувственного восприятия. Все это придется отринуть. И мне представляется, что в этом отношении такая линия критики прямо смыкается с той волной, о которой у нас писали в связи с так называемыми «новыми философами» во Франции лет 5—7 назад. Это философия воинствующего антиинтеллектуализма, на фоне которой и консерватизм выглядит вполне привлекательно. Такая линия критики марксизма свидетельствует о глубоком кризисе нашего общественного сознания, о кризисе, который не преодолен и в силу затяжного характера принимает уже деструктивные черты.

А. В. Рябов. Но ведь и Ципко, и Буртин все-таки акцентируют внимание на критике экономической теории Маркса, доказывая ее несостоятельность и неприменимость в свете тех явлений, с которыми мы сталкиваемся сегодня как в экономике капиталистических стран, так и той группы государств, которые обычно принято было называть социалистическими.

А. Ю. Чепуренко. Да, исходные тезисы этих авторов или, скажем, В. И. Селюнина[4] можно определить так: с одной стороны, не умер капитализм, которому Маркс предрекал неизбежную кончину, а с другой стороны, тот социализм, который возник, будучи якобы построенным по

[2] См. Октябрь, 1989, № 11, 12.
[3] См. Ципко А. С. Истоки сталинизма.— Наука и жизнь, 1988, № 11, 12; 1989, № 1, 2.
[4] См., например: Селюнин В. Плановая анархия или баланс интересов? — Знамя, 1989, № 11.

Марксу, оказался экономически и социально менее эффективным, чем капитализм.

Мне кажется, мы имеем дело здесь с двойной ошибкой и с какой-то принципиальной методологической зашоренностью. О каких ошибках идет речь? Прежде всего это жонглирование понятиями «капитализм» и «социализм», понимание которых у этих ученых и публицистов вполне на уровне обыденного сознания. Во-первых, относительно капитализма. Действительно, Маркс предрекал ему кончину. Но Маркс нигде не устанавливал ее календарных сроков. Что же касается глубинных критериев зрелости капиталистического общества для социалистической революции, то у Маркса они сформулированы отнюдь не так, как в сталинском «Кратком курсе».

Маркс предполагал, что капитализм подойдет в своем историческом развитии к тому рубежу, когда в его недрах начнут складываться новые производительные силы, начнут формироваться предпосылки, элементы нового способа производства и элементы новых форм общественной жизни, прежде чем произойдет социалистическая революция. И даже если бы у Маркса не было, как мы говорим, «прямых высказываний» на сей счет, то уже одно то, сколько внимания он в «Капитале» уделяет анализу связи между развитием капиталистических производственных отношений и той системой производительных сил, которую он, с одной стороны, порождает, а с другой — делает своим собственным базисом (вспомним анализ мануфактуры и фабрики),— уже это одно должно было подсказать, что новое общество, принципиально более высокое по всем своим социальным и экономическим параметрам, очевидно, должно предполагать и более высокий строй производства.

Научно-техническая революция, которая развернулась в последние десятилетия в передовых странах Запада,— это и есть становление того технологического и человеческого базиса, на котором будет строиться социализм. И с этой точки зрения мы можем сказать, что это общество, с одной стороны, является, конечно, капиталистическим обществом, а с другой — это именно умирающий капитализм, поскольку он готовит предпосылки для своего самоотрицания.

А. В. Рябов. Ну, а представления Маркса об общественной собственности при социализме? Ведь не секрет, что и они сейчас подвергаются резкой, подчас уничтожающей критике.

А. Ю. Чепуренко. Да, я как раз хотел сказать об этом. Вы понимаете, здесь происходит опять-таки подмена. С одной стороны, очевидно, нельзя считать, что Россия 1917 г. представляла собой именно тот социальный организм, который был подготовлен для того, чтобы идти к строительству социализма по Марксу: об этом не раз говорил, между прочим, Ленин, но мы старались (да и сейчас кое-кто старается) этого не слышать. Но, с другой стороны, именно Маркса упрекают в несостоятельности его теории, которая легла в основу той модели общества, которая сложилась у нас в стране!

Если исходить из того, что материальные условия для новой общественной формации создаются только теперь, причем находятся в первых фазах своего созревания в наиболее передовых странах Запада, то логично было бы предположить, что и та форма общественной собственности, которая сложилась у нас, и многие другие конкретные черты нашего общества, строго говоря, с предвидением Маркса имеют очень мало общего. Я приведу такой пример из области математики. Известно, что в неэвклидовой геометрии не действует классическая формула о равенстве суммы квадратов катетов квадрату гипотенузы. Но значит ли это, что мы должны на этом основании отказать в правильности этой теореме и для классической эвклидовой геометрии? В математике такая постановка вопроса вызвала бы, по-моему, только усмешку. Но

в общественной теории почему-то такие «индуктивные» суждения, когда сначала история нашего общества принимается совершенно бездоказательно за воплощение Марксова замысла, а затем на этом основании опровергается Марксова концепция социализма,— такие суждения в нашей общественной теории и общественном сознании имеют очень широкое хождение.

А. В. Рябов. Иными словами, мы сами несколько «сдвинули» реализацию модели Маркса на более ранний период общественного развития, на тот период, в котором она не работает, я правильно понял? И в этой связи у меня возникает следующий вопрос. Сейчас, особенно на уровне обыденного сознания, стало модным подвергать критике Маркса за такое понятие его экономической теории, как «эксплуатация». Высказывается мнение, что это понятие на практике уже давно носит чисто эмоциональный характер, и неизвестно, что еще лучше — эксплуатация на частнокапиталистических предприятиях или так называемый «свободный труд» на социалистических, что это понятие давно уже лишено содержательной стороны, а носит идеологизированный, политизированный характер. Так ли это?

А. Ю. Чепуренко. Тут мы опять выходим на проблему вульгарного понимания Маркса. Во-первых, Маркс никогда не ограничивал свое исследование задачей выявления и объяснения факта эксплуатации. С другой стороны, мне кажется, и в нынешнем посткапиталистическом обществе эта эксплуатация сохранилась, хотя и приняла несколько иные черты, чем прежде. Ну, скажем, если раньше противоречие между трудом и капиталом существовало в классических формах (на одной стороне был пролетарий, на другой — «денежный мешок»), то сегодня их отношение в значительной мере имеет иррациональную форму; рабочий одновременно является совладельцем — через владение акциями — предприятия, на котором он работает, и таким образом сам себя эксплуатирует; рабочие развитых стран через систему неэквивалентного обмена участвуют в эксплуатации стран «третьего мира»; произошло исчезновение фигуры классического капиталиста (большинство крупных корпораций на Западе сегодня контролируется не частными лицами, а столь же анонимными корпорациями). Одним словом, эксплуатация, безусловно, далека от тех архаических форм, которые она имела в середине XIX века. Но для того, чтобы сказать, что она исчезла, нужно, во всяком случае, доказать, что сегодня производство основано уже не на меновой стоимости, что сегодня не осуществляется процесс прибавочного труда в форме прибавочной стоимости и, наконец, что эта прибавочная стоимость никем не присваивается. Вот если бы эти три тезиса кому-нибудь удалось доказать, то тогда можно было бы сказать, что эксплуатация на Западе отошла в прошлое.

Что касается проблемы эксплуатации в нашем обществе, то она, на мой взгляд, столь же зрима и проявляется как в уравниловке (эксплуатация трудящихся не трудящимися, а теми, кто только делает вид, что трудится), так и в несоизмеримых с результатами управленческого труда привилегиях значительной части управленческого аппарата. Наши популисты видят только вторую форму, тогда как первая не менее отвратительна, а ее ликвидация может стать в социальном отношении, при переходе к рыночным формам экономики, весьма взрывоопасной...

А. В. Рябов. Чего больше в спорах в нашей печати вокруг учения Маркса сегодня — политической и идеологической конъюнктуры или научных дискуссий? И возможна ли вообще в современных условиях научная дискуссия по этим проблемам?

А. Ю. Чепуренко. Я думаю, что теоретическая дискуссия не только возможна, она необходима. Сегодня на наших глазах произошло крушение идеологии так называемого «марксизма-ленинизма» — полное

и, я надеюсь, окончательное. Сейчас происходит и кризис подлинно марксистской теории.

О кризисе марксизма лет 10—15 тому назад во всеуслышание заговорили марксисты на Западе. Он связан с тем, что марксистское учение не может существовать в неизменном виде на протяжении 150 лет, когда произошли масштабные подвижки и в социально-экономической структуре общества, и в политической системе, и в расстановке сил внутри страны, на мировой арене и т. д. Марксистская теория сегодня не имеет ответов на очень многие вопросы современности, так как она не переосмыслила, не обновила свой методологический потенциал. Конечно, все это повергает ее в кризис, и выход из кризиса — на пути теоретических и методологических дискуссий, а не на пути замалчивания и сокрытия тех противоречий, которые в ней накопились. Это для меня бесспорно.

Но для меня бесспорно и другое. К сожалению, эти теоретические дискуссии, едва начавшись, стали у нас объектом политической игры. Я знаю нескольких наших политических деятелей и публицистов, которые активно и много пишут и выступают, которых знают в стране и которые начинали как ученые. И меня удивляет, когда эти политические деятели и публицисты «забывают» то, что они знали как ученые. Я сошлюсь только на два примера. На уже упоминавшегося мною А. С. Ципко и на Г. Х. Попова. Один из них талантливый публицист, доктор философских наук, автор ряда интереснейших, на мой взгляд, книг, которые выходили еще в период застоя и которые до некоторой степени помогали раздвигать горизонт нашего догматического обществоведения. Второй — Председатель Моссовета, доктор экономических наук, тоже автор ряда ценных исследований в области политической экономии, теории управления, экономической истории и т. д.

И вот оба эти автора в последнее время в своих публикациях, так или иначе связанных с судьбами марксизма, утверждают, что марксизму изначально присуще враждебное отношение к частной собственности, что марксизм испытывал суеверный страх перед частной собственностью, что основной и чуть ли не единственной целью Маркса и Энгельса была ликвидация частной собственности[5]. И я не могу не удивляться тому, как эти уважаемые мною и талантливые люди забыли то, что они знали по крайней мере лет 15 назад. Оба они хорошо знали о тех, не побоюсь этого слова, пионерных работах по проблеме собственности и ее места в теории марксизма, которые вел в то время профессор МГУ, мой учитель В. П. Шкредов. Все они знали о тех бурных дискуссиях, которые развернулись вокруг его книг[6].

А что же было в этих книгах доказано? В двух словах: было доказано, что вопреки господствующим у нас и восходящим к «Краткому курсу истории ВКП(б)» представлениям собственность, по Марксу, не была ни основной экономической категорией, ни даже вообще экономической категорией и что поэтому в своей экономической теории Маркс отводил категории «собственность» сугубо подчиненное значение. Он считал, что собственность должна быть не уничтожена, а, употребляя гегелевский термин,— «снята» (это не одно и то же: «снятие» предполагает не только уничтожение, но и восстановление на новом уровне положительного содержания того, что снимается). Такое «снятие» частной собственности может произойти — я возвращаюсь к тому, о чем говорил выше,— только по мере подготовки материальных пред-

[5] См., например: Попов Г. Х. К нашим читателям.— Вопросы экономики, 1990, № 1; Он же. За что голосует Россия.— Огонек, 1990, № 10.

[6] См. Шкредов В. П. Экономика и право. М., 1967; Он же. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса М., 1973.

посылок для этого, то есть по мере вызревания новых производительных сил и складывания элементов новых производственных отношений.

Повторяю, и А. С. Ципко, и Г. Х. Попов хорошо знакомы с этими идеями. Так почему же сегодня они предпочитают об этом забыть? На мой взгляд, никакими теоретическими, научными соображениями этого объяснить нельзя. Это можно объяснить только одним: тем, что сегодня по каким-то соображениям этим людям выгодно за Маркса и марксизм выдать примитивную концепцию, восходящую к вульгаризированному, догматизированному, опошленному «сталинскому марксизму» — с тем, чтобы создать негативное, отрицательное эмоциональное отношение к классическому марксизму. Это сугубо политический прием, о степени его научности пусть судит читатель...

А. В. Рябов. А как Вы относитесь к рассуждениям о том, что марксизм как социальная доктрина настолько далек от человека, что в этом учении человеку просто не находится места?

А. Ю. Чепуренко. Знаете, возможно, мы сами подготовили почву для таких утверждений. Лет 20—25 тому назад, когда на Западе происходил бурный всплеск интереса к раннему Марксу, основной проблематикой которого было именно преодоление отчуждения, то есть проблема возвращения человеку человеческих условий его существования,— вот тогда советские обществоведы резко выступили против поисков аутентичности в раннем марксизме, а в споре выплеснули вместе с водой и ребенка. Стали утверждать, что проблема человека вообще в марксизме никакого места не занимала, никакой роли не играла и что проблема эта надуманная.

На мой взгляд, проблема человека, поставленная молодым Марксом в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года», ряде других работ, занимала его всю жизнь. И в своей экономической теории, и в своей политической деятельности он искал не что иное, как пути экономического обоснования и политической реализации программы, направленной на преодоление отчуждения. Поэтому тот, кто говорит, что марксизм чужд гуманизму, враждебен гуманизму, мне кажется, просто игнорирует те многолетние, я бы даже сказал, многодесятилетние поиски средств к достижению этой великой гуманистической цели, которая была поставлена Марксом еще в молодые годы и которой он оставался верен на протяжении всей своей жизни.

А. В. Рябов. Следующий вопрос. Насколько известно, в настоящее время на Западе, особенно среди левых политических течений, наблюдается опять рост интереса к Марксу. Как Вы думаете, о чем это говорит, что это может означать для наших обществоведов?

А. Ю. Чепуренко. Это и так, и не совсем так. Большой интерес к Марксу в леворадикальных кругах наблюдался с конца 60-х до середины, даже, может быть, до конца 70-х годов. Сегодня такого всплеска уже нет, но устойчивый интерес сохраняется, ведутся дискуссии, возник целый ряд направлений постмарксистской мысли на Западе.

В то же время наблюдается и другое. Некоторые идеи, положения марксизма сегодня входят в построения не только леворадикальных, но и неоконсервативных теоретиков и идеологов. Более того, если мы почитаем сегодня западную футурологию — Д. Белла, О. Тоффлера, Р. Арона, З. Бжезинского,— то мы увидим, что очень многие черты той «постиндустриальной эры», или «технотронного общества», которые они сегодня пытаются нащупать, анализируя ростки этого нового общества в современном западном мире, в общем, предсказаны еще Марксом 100—120 лет тому назад.

Взять, например, такие идеи, как становление автоматического производства и превращение человека из агента материального производства в его контролера, перемещение человека из материального произ-

водства в духовное и превращение науки в универсальную производительную силу. Все эти и многие другие вещи — в общем-то прописные истины для сегодняшней западной науки, но эти вещи стали прописными истинами для них только в последние годы, тогда как Маркс писал об этом, повторю, более века назад.

Поэтому я должен сказать, что если всплеска интереса к Марксу на Западе сегодня и не происходит, то это понятно: он уже вошел и утвердился в обществоведческой мысли на Западе как неотъемлемый элемент научной и культурной традиции. Поскольку Маркс был предтечей теоретиков постиндустриализма, то можно сказать, что он мыслитель не только XIX века, но и XXI века. Именно это и позволяет сегодня надеяться, что, по мере того, как наше общество будет втягиваться в мировую цивилизацию, возвращаться в орбиту мирового развития, подтягиваться к передовым странам, в нем сложится более спокойное, критическое, но в то же время и более уважительное, творческое отношение к марксизму. Так что «хоронить» К. Маркса и его наследие, я считаю, преждевременно.

А. В. Рябов. Какие проблемы теории марксизма требуют сегодня особого внимания со стороны ученых-обществоведов?

А. Ю. Чепуренко. По моему мнению, не в этих проблемах самих по себе дело, хотя назвать некоторые из них я бы мог. Например, выяснение содержания понятия «социальная революция» в свете тех масштабных изменений, которые претерпело в XX веке капиталистическое общество, а также нашего отечественного опыта. Далее, это проблема современного революционного субъекта. Традиционный фабрично-заводской рабочий класс уходит в прошлое вместе с традиционным конвейерно-поточным производством. Его место в перспективе займет новый класс, совокупный работник эпохи научно-технической революции, причем ведущую роль в борьбе за очеловечение будущего могут играть, видимо, отнюдь не экономические противоречия, а совсем иные, сегодня еще только формирующиеся отряды этого нового совокупного работника. Наконец, НТР ставит под вопрос если не примат материального производства в общественной жизни, то, во всяком случае, примат того типа материального производства, который был связан с материальными *благами* (напомню: Маркс наряду с этим типом относил к материальному производству еще производство самого человека и производство общественных отношений, в которых этот человек живет).

А. В. Рябов. Но Вы сказали, что не в отдельных проблемах дело. Так в чем же?

А. Ю. Чепуренко. Главное — в необходимости пересмотреть сам метод познания социальной действительности. «Снять» ту *форму* конкретно-исторического, диалектико-материалистического ее постижения и описания, которая сложилась под влиянием и в условиях общественной практики времен Маркса, не отказываясь при этом от принципов конкретного историзма и диалектико-материалистического понимания истории. Кризис марксизма, на мой взгляд, может быть преодолен только на этом пути. Впрочем, это самостоятельный большой разговор, и я надеюсь еще вернуться к поставленной проблеме в специальной журнальной публикации.

АВТОБИОГРАФИЯ Г. Е. ЗИНОВЬЕВА

В статье В. В. Ложкина «Без людей — нет истории», опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС» [1], поднята важная проблема — преодоления обезличивания истории.

В ней отмечается, что в 20-е — начале 30-х годов активными участниками революционного движения в центральных и местных органах печати, «в многочисленных изданиях комиссий по истории партии, всесоюзных обществ старых большевиков, политкаторжан и ссыльнопоселенцев» опубликовано «огромное количество статей, воспоминаний о деятельности партии в период подполья» [2].

Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев было организовано в 1921 г. в Москве. Одним из основных направлений научной и издательской деятельности Общества явилось многотомное издание «Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма». Это издание ставило своей целью «дать по возможности исчерпывающий список участников нашего революционного движения за сто лет» [3]. Все издание словаря предполагалось выпустить в объеме 10 томов, каждый из которых должен был включать в себя отдельные выпуски, соответствующие определеным периодам.

С 1927 по 1934 гг. Общество выпустило I, II, III (вып. 1 и 2) и V (вып. 1 и 2) тома. Том IV, как и последующие тома изданы не были, так как решением Президиума ЦИК СССР от 25 июня 1935 г. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев было ликвидировано [4].

В. В. Ложкин в своей статье поставил давно назревший вопрос о необходимости «переиздания двух выпусков Биобиблиографического словаря социал-демократов и доведения до конца этого издания, что требует дальнейших исследований документов и материалов, как опубликованных, так и неопубликованных» [5].

Среди забытых имен в отечественной истории и партии, к которым совсем недавно обратились исследователи, находится имя Григория Евсеевича Зиновьева (наст. Овсей-Гершен Аронович Радомысльский), одного из видных деятелей большевистской партии, соратника В. И. Ленина, ставшего жертвой сталинских репрессий [6].

Решением Пленума Верховного Суда от 12 июня 1988 г. обвинительный приговор от 24 августа 1936 г. и материалы процесса против Г. Е. Зиновьева были аннулированы как сфальсифицированные [7].

---

[1] См. Ложкин В. В. Без людей — нет истории.— Вопросы истории КПСС, 1987, № 12.

[2] Там же, с. 100.

[3] Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Каталог изданий. 1931—1934. М., 1935, с. 65.

[4] Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1935, № 34, ст. 299.

[5] Вопросы истории КПСС, 1987, № 12, с. 103.

[6] В связи с убийством С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Г. Е. Зиновьев был обвинен в причастности к этому убийству, исключен из партии и в январе 1935 г. по делу так называемого «московского центра» осужден к 10 годам лишения свободы. 19 августа 1936 г. вторично был осужден и в числе 16 подсудимых по делу о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, который был приведен в исполнение 25 августа 1936 г.

[7] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 78—94.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР) в фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев хранится автобиография Г. Е. Зиновьева, подготовленная им для Биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России», однако публикация ее не состоялась.

Настоящая автобиография Г. Е. Зиновьева публикуется впервые, она представляет определенный интерес для историков и широкого круга читателей. В ней имеются неизвестные или малоизвестные исторические факты и биографические сведения об авторе. Автобиография публикуется полностью, без сокращений. Текст ее напечатан на 5 машинописных страницах и имеет исправления, сделанные рукой Г. Е. Зиновьева. Сокращения, сделанные им в тексте, расшифрованы в квадратных скобках автором данной публикации.

Публикацию и комментарий подготовил сотрудник кафедры истории КПСС МИНХ им. Г. В. Плеханова **Д. Н. Костышин.**

ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ ЗИНОВЬЕВ
(1883—1936)

РЕДАКЦИИ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ [В] РОССИИ

Уважаемые товарищи,

Отвечаю на десять вопросов, изложенных в Вашем опросном листке[1].

1) Родился я в гор. Елисаветграде (ныне Зиновьевск) * 20-го сентября 1883 г.

2) Отец был владельцем молочной фермы в том же городе. Я с 15 до 19 лет давал платные уроки на дому и служил конторщиком.

3) Образование получил домашнее. Затем сдал в 1902 г. вступительный экзамен в Бернский (Швейцария) университет и учился в этом университете сначала на химическом, затем на философском факультетах[2]. Не кончил.

4) Участвовал в 1899—1901 гг. в г. Елисаветграде в кружках самообразования и в полулегальных профессиональных стачечных организациях торговых служащих гор. Елисаветград, где вел рабочие кружки на заводе, б[ывшем] Эльворти и др[угих]. С 1902 г. по половину 1903 прожил за границей (Берн, Швейцария), где имел возможность познакомиться с В. И. Лениным. Первое знакомство — 1902 г.[3]. После II съезда примкнул к большевикам. В конце 1903 г. вернулся на родину, работал в Елисаветградском комитете партии (член комитета), разъезжал с партийными поручениями по южным городам (Кременчуг, Полтава). В 1905 г. (кажется, весною) после провала вновь уехал за границу (Берн, Женева). Принял участие в организации Бернской группы большевиков. На съезде всех заграничных групп большевиков в Женеве был выбран членом К. З. О. (Комитет заграничных организаций) большевиков. После III съезда сотрудничал во «Вперед»[4]. Осенью 1905 г. уехал в Петербург. Стал там работать на Васильевском острове и в Гор[одском] районе. Вскоре серьезно заболел. В начале 1906 г. на несколько недель вновь вернулся за границу. В начале марта 1906 г.— опять в Петербурге. Участвую в кампании по выборам на Стокгольмский съезд партии. Работаю за Невской заставой и главным образом за Московской заставой профессионалом. Член этих райкомов. Член Петербургского Комитета П. К. (объединенного). Член бюро П. К. Не-

* Современное название г. Кировоград, Украинской ССР.

много работаю в тогдашних газетах б[ольшеви]ков («Волна»[5] и др[угих]). Участвую в организации профсоюзов (текстильщики), в Совете безработных (отдел за Московской заставой). Агитатор. После Стокгольмского съезда вхожу во фракционный центр большевиков (БЦ). Член редакции профсоюзного приложения к популярному органу большевиков «Вперед»[6] (выходит в Финляндии) — вместе с М. И. Калининым[7] и А. А. Богдановым[8]. Веду работу среди солдат (Царское Село). Делегируюсь от большевиков во время восстания в Кронштадт. (Был там вместе с И. Ф. Дубровинским[9], Онипко[10], Ис[идором] Рамишвили[11] и др[угими]). В 1907 г.— делегат от большевиков на Лондонский съезд партии. Выбран в ЦК партии. (Оставался членом ЦК с 1907 г. по 1927 г.). Вошел в Большевистский Центр. Возвращение со съезда в Питер. Там работа в П. К. и в Бюро ЦК. Участие в общепартийных конференциях (Гельсингфорс, Выборг) и в конференциях СПБ организации (гл[авным] обр[азом] Териоки) — до Лондонского съезда и после него. Участие в редакции Ц. О. «С.-Д.»[12]— в первом номере, вышедшем в СПБ после Лондонского съезда. Объезд по поручению ЦК Юга России — Одесса, Николаев, Екатеринослав и др[угие]. Сношения с редакцией «Пролетария»[13] после отъезда В. И. Ленина за границу. Март 1908 г.— арест на улице в Петербурге (на Вас[ильевском] острове), без улик, обвинение в принадлежности к эсерам. Тюрьма «Кресты». Обвинение это, конечно, не подтверждается. После 2 с половиной месяцев отсидки освобождают (отчасти по ходатайству председ[ателя] Совета присяж[ных] поверенных, Д. В. Стасова[14] под надзор с высылкой в Полоцк (Витебск[ой] губ[ернии]). В авг[усте] 1908 г. был вызван В. И. Лениным в Женеву на заседание пленума ЦК. Вошел в редакцию «Пролетария» (Ленин, Каменев[15], Зиновьев). На декабрьской 1908 г. общепартийной конференции один из докладчиков от ЦК. Вошел в редакцию Ц. О. партии (Социал-демократ), перенесенного в Париж. Секретарь этой редакции. Участие в конференции расширенной редакции «Пролетария» (по существу: конференции всей большевистской фракции), на которой «отзовисты» и «ультиматисты» исключены из рядов большевиков. Один из лекторов в партшколе в Лонжюмо (Франция). Участие в делегации партии на Межд[ународном] Соц[иалистическом] Конгрессе в Копенгагене. На Пражской конференции РСДРП (1912) я являюсь одним из делегатов Московской организации большевиков. Докладчик по двум пунктам порядка дня: 1) Выборы в 4-ую Гос[ударственную] Думу и 2) О петиционной кампании. Выбран в новый ЦК партии. Член редакции «Рабочей газеты»[16] и «Социал-демократа». В 1912 году переезд с В. И. Лениным и Н. К. Крупской в Краков (загр[аничное] бюро ЦК). Постоянное сотрудничество в «Звезде»[17], «Правде»[18], «Металлисте»[19], «Мысли»[20], «Просвещении»[21], «Вопросах страхования»[22] и пр[очих]. Участие в совещаниях при ЦК (Краков, Поронин). Работа для думской фракции большевиков. Выпуск книги Ленин, Каменев, Зиновьев «Марксизм и ликвидаторство».

Начало мировой империалистической войны застает меня вместе с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, З. И. Лилиной[23] в Поронине (Галиция). Переезд через Вену в Берн (с помощью Виктора Адлера)[24]. В Берне — член редакции «Социал-демократа» (Ц. О. партии), член редакции журнала «Коммунист»[25]. (Статьи в 1917 г. вышли в сборнике «Против течения».) Участник конференции в Циммервальде (1915: и Кинтале (1916) и член Internationale Sosialistiscte Kommission (I.S.K.— Интернац[иональная] Соц[иалистическая] Комиссия циммервальдцев). Член циммервальдской левой, основанной летом 1915 г.[26], с журналом «Vorbote»[27], выходившим в Голландии. Член швейцарской с.-д. партии (с 1905 г.). Сотрудничаю в «Jugend-Internationale»[28]— орган международной организации молодежи. После Февральской революции возвращение в Петроград в т[ак] н[азываемом] «запломбированном» вагоне.

Член редакции «Правды». На апрельской 1917 г. конференции докладчик по п. п. 1) О коалиционном правительстве и 2) О положении дел в Интернационале. Переизбран в ЦК. Участие в I съезде Советов и выбор в ЦИК от большевиков. В июльские дни по постановлению ЦК скрылся вместе с В. И. Лениным в «шалаше» около Сестрорецка. С середины августа 1917 г. нелегально работаю в Ленинграде * (гл[авным] обр[азом] литературно). Участие в нелегальном собрании ЦК от 10 окт[ября] 1917 г. и голосование против немедленного восстания. Выбор в Политбюро ЦК партии. Моя октябрьская ошибка. Осуждение моей позиции подавляющим большинством партии[29]. Но 4-го ноября мой выход из ЦК партии и 8-го ноября 1917 г. возвращение в ЦК партии после заявления, напечатанного в «Правде» 8 ноября 1917 г.[30]. С начала 1918 г. председатель Петроградского Совета. На VII съезде партии и на съезде Советов выступления за политику Брестского мира, против «левых» коммунистов. С 1918 по 1925 г. работа гл[авным] образом в Петрограде. В 1919 г.— член делегации РКП на I съезде Коминтерна. Избран в ИККИ, а затем председателем ИККИ. В 1920 г. выступление в Галле на съезде Независимой с.-д. партии от имени ИККИ[31]. Политотчеты от ЦК партии на XII и XIII съездах партии. Перед XIV съездом переход в оппозицию. Между XIII и XIV съездами начало моей фракционной работы, выпуск книги «Ленинизм», осужденной партией. Затем на XIV съезде выступление с докладом, решительно осужденным съездом. Продолжение фракционной работы, блок с троцкистами и все остальное, отсюда вытекавшее. История моих уклонов от линии партии подробнее всего изложена мною в заявлении моем от мая 1933 г. (напеч[атано] в «Правде») [32] и в выступлении моем на XVII съезде партии (1934) [33].

Главные мои сочинения:

1) Статьи в сборнике В. И. Ленин и Г. Зиновьев «Против течения».
2) «Война и кризис социализма».
3) «Ленинизм».
4) «Учение Маркса и Ленина о войне».
5) Несколько томов собр[аний] сочинений.

Г. Зиновьев

25 сент[ября] 1934
Москва

ЦГАОР СССР. ф. 533, оп. 1, д. 1294, л. 94—98. Подлинник. Подпись-автограф.

КОММЕНТАРИИ

[1] Опросный лист посылался участникам революционного движения в России и включал в себя 10 вопросов: 1. Год и место рождения. 2. Социальное происхождение и звание. 3. Учебный стаж (все стадии и даты поступления, переходов и исключения из учебных заведений). 4. Участие в ученических кружках самообразования, юношеских организациях и других внепартийных группировках. 5. Начало революционной работы, все ее стадии. 6. Участие в съездах, конференциях (партийных, профессиональных, научных), легальной и нелегальной печати. 7. Даты и обстоятельства обысков, арестов, привлечения, высылки, ссылки, суды, каторга и т. д. 8. Легальная служба (Средства к существованию). 9. Общественная и служебная работа после 1917 г. 10. Основные литературные труды Ваши и о Вас. (ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 1, д. 1286, л. 57—63 с обор., 64; д. 1293, л. 8—23 с обор.).

[2] В литературе имеются сведения, что Г. Е. Зиновьев с химического факультета Бернского университета перевелся на юридический.— См. Васецкий Н. А. Г. Е. Зиновьев. (Страницы политической биографии). М., 1989, с. 5.

[3] В опубликованной при жизни биографии Г. Е. Зиновьева время первого его знакомства с В. И. Лениным относится к 1903 г. См. Энциклопедический словарь.

* Так в документе.

Русского Библиографического Института Гранат. Т. 41, ч. 1, 7-е изд. М., (1927). стб. 143.

[4] «Вперед» — нелегальная большевистская еженедельная газета, издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 г. по 5 мая 1905 г. Организатором и идейным вдохновителем газеты был В. И. Ленин.

[5] «Волна» — ежедневная легальная большевистская газета, издавалась в Петербурге с 26 апреля по 24 мая 1906 г. С 5 мая (с № 9) газету редактировал Ленин.

[6] «Вперед» — большевистская массовая рабочая газета, руководимая Лениным, издавалась нелегально в Выборге редакцией «Пролетария» с 10 сентября 1906 г. по 19 января 1908 г. Начиная со второго номера выходила как орган местных комитетов РСДРП: Московского, Петербургского, Московского окружного, Курского, Пермского, Казанского и Уральского областного. Отдельные номера газеты выходили с приложениями.

[7] Калинин М. И. (1875—1946) — член партии с 1898 г., член Петербургского комитета РСДРП. После Октябрьской социалистической революции — городской голова, затем — комиссар городского хозяйства Петрограда. С марта 1919 г. председатель ВЦИК.

[8] Богданов А. А. (Малиновский, Рахметов) (1873—1928) — социал-демократ. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял отзовизм, был лидером антипартийной группы «Вперед». На совещании расширенной редакции «Пролетария» в июне 1909 г. Богданов был исключен из рядов большевиков. После Октябрьской социалистической революции являлся одним из организаторов и руководителей «Пролеткульта». С 1926 г.— директор основанного им Института переливания крови.

[9] Дубровинский И. Ф. (Инок, Иннокентий) (1877—1913) — член РСДРП с 1896 г., член ЦК РСДРП с 1904 г. и Большевистского центра с 1907 г. В 1913 г. погиб в Туруханской ссылке.

[10] Онипко Ф. М.— депутат I Государственной думы, трудовик; редактор газеты трудовиков «Трудовая Россия», выходившей в Петербурге в 1906 г. За участие в Кронштадтском восстании был осужден на поселение в Сибирь, по пути бежал и скрылся за границу. В 1917 г. вернулся в Россию.

[11] Рамишвили И. И. (Исидор) (1859—1937) — социал-демократ, меньшевик, депутат I Государственной думы, с 1921 г. эмигрант.

[12] ЦО «С-Д» — «Социал-демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП. Издавалась с февраля 1908 г. по январь 1917 г. По решению V съезда РСДРП ее редакция была сформирована из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. После январского (1910 г.) пленума ЦК РСДРП от большевиков в редакции были В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев, от меньшевиков Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан, от польских социал-демократов А. Варский, а с марта 1910 г. В. Ледер. В июне 1911 г. Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан вышли из редакции, в конце года вышел В. Ледер, с декабря газету редактировал Ленин.

[13] «Пролетарий» — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда. Выходила с 21 августа 1906 г. по 28 ноября 1909 г. Вышло 50 номеров (№№ 21—40 вышли в Женеве в феврале — декабре 1908 г.). Фактически газета была центральным органом большевиков. Редактором был Ленин.

[14] Стасов Д. В. (1828—1918) — юрист, с начала 60-х гг. XIX в. занимал должность первого председателя совета присяжных поверенных в России (в Петербурге), отец Е. Д. Стасовой.

[15] Каменев Л. Б. (Розенфельд) (1883—1936) — с 1901 г. член РСДРП. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции выступал против вооруженного восстания.

[16] «Рабочая газета» — нелегальный популярный орган большевиков, издавалась непериодически в Париже с 30 октября 1910 г. по 30 июля 1912 г.: вышло 9 номеров. Инициатором создания «Рабочей газеты» был Ленин. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП объявила ее официальным органом ЦК РСДРП.

[17] «Звезда» — легальная большевистская еженедельная газета, издавалась в Петербурге с 16 декабря 1910 г. по 22 апреля 1912 г. Первоначально в ней сотрудничали меньшевики-партийцы, а с октября 1911 г. идейное руководство газетой осуществлял Ленин.

[18] «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 22 апреля 1912 г. Идейное руководство газетой осуществлял Ленин. 8 июля 1914 г. «Правда» была закрыта. Ее издание возобновилось после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

[19] «Металлист» — еженедельный журнал, орган профессионального союза металлистов. Выходил в Петербурге с 26 сентября 1911 г. по 12 июня 1914 г. Выпущено 45 номеров.

[20] «Мысль» — большевистский легальный ежемесячный журнал, издавался в Москве с декабря 1910 г. по апрель 1911 г.; всего вышло 5 номеров.

21 «Просвещение» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал, издавался в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г.

22 «Вопросы страхования» — большевистский легальный журнал, выходил в Петербурге с октября 1913 г. по март 1918 г. с перерывами.

23 Лилина З. И. (Зина), жена Г. Е. Зиновьева (1882—1929) — член РСДРП с 1902 г. Принимала участие в нелегальной работе в России. В 1908 г. эмигрировала за границу; сотрудничала в газете «Звезда», «Правда», в журнале «Работница». Состояла одним из секретарей бернской секции большевиков. В апреле 1917 г. возвратилась в Россию.

24 Адлер В. (1852—1918) —один из основателей и лидеров австрийской социал-демократии, член австрийского парламента.

25 «Коммунист» — журнал, организованный Лениным, издавался в Женеве редакцией «Социал-демократа». В сентябре 1915 г. вышел всего один (двойной) номер.

26 Имеется в виду первая международная социалистическая конференция в Циммервальде, состоявшаяся 5—8 сентября 1915 г.

27 «Vorbote» («Предвестник») — журнал, теоретический орган Циммервальдской левой; выходил на немецком языке в Берне. Вышло два номера: № 1 — в январе и № 2 — в апреле 1916 г. Официальными издателями журнала были Г. Роланд-Гольст и А. Паннекук. В. И. Ленин принимал деятельное участие в основании журнала.

28 «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой, выходил с сентября 1915 г. по май 1918 г. в Цюрихе, редактировался В. Мюнценбергом.

29 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 419—427, 434, 502—504; Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 48—49.

30 Газета «Правда» в то время была закрыта Временным правительством и вместо нее выходила газета «Рабочий путь». С 9 ноября 1917 г. «Правда» стала выходить под своим названием. Под «заявлением» имеется в виду краткая речь Г. Е. Зиновьева, произнесенная им 7 ноября на экстренном заседании Петроградского Совета Р. и С. Д., напечатанная в газете «Рабочий путь» № 46 от 8 ноября 1917 г., в которой он, в частности, сказал: «Товарищи! Мы находимся в настоящий момент в периоде восстания. Я считаю, однако, что никаких сомнений относительно его результатов быть не может — мы победим» (Зиновьев Г. Соч. Т. 7, ч. 1. Л., 1925, с. 444).

31 См. (Зиновьев Г. Е.) Мировая революция и Коммунистический Интернационал. Речь на съезде Немецкой независимой партии в Галле 14 октября 1920 г. Пг., 1920.

32 Заявление-покаяние Г. Е. Зиновьева в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 8 мая 1933 г. опубликовано в «Правде» № 137 от 20 мая 1933 г.

33 Речь Г. Е. Зиновьева, произнесенная им 5 февраля 1934 г. на девятнадцатом заседании XVII съезда ВКП(б) (см. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стеногр. отчет. М., 1934, с. 492—497).

ПРОБЛЕМА БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Р. А. МЕДВЕДЕВ,
кандидат педагогических наук,
народный депутат СССР

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ

Далеко не всякая политическая система, не всякая партия и не всякий государственный деятель были озабочены в прошлом проблемами роли и воли большинства народа в политической и общественной жизни своей страны. Бесчисленное количество аристократических и авторитарных режимов прошлого открыто провозглашало необходимость и безусловность власти привилегированного меньшинства: наследственного дворянства, жречества и духовенства или какой-нибудь иной власти или класса людей, с пренебрежением относящихся к большинству населения своей страны как к низшему сословию, которое не имеет и не может иметь никаких прав в решении государственных или национальных проблем. К сожалению, и сегодня в мире имеется много стран с авторитарными режимами, а также немало таких идеологов и общественных деятелей, которые пытаются доказать преимущества авторитарного правления над демократическим. К тому же XX век не только сохранил немало аристократических и авторитарных режимов, но также дал жизнь режимам, в которых самый утонченный элитаризм причудливо сочетается с самым примитивным эгалитаризмом.

Барбара Уорд в книге «Пять идей, которые меняют мир»[1] упоминает национализм, индустриализм, колониализм, коммунизм и интернационализм. Странно, что Барбара Уорд не упомянула также и идею демократии, которая оказала влияние на многие важнейшие события XVIII и XIX веков и продолжает оказывать еще большее влияние на события XX века. При характеристике демократических форм управления политологи рассматривают такие проблемы, как разделение законодательной и исполнительной власти, степень равноправия граждан и объем их политических, экономических и гражданских прав и свобод, характер законодательства и роль выборных органов, особенности судебного производства и др. Однако в первую очередь понятие демократии, или *народовластия*, требует определения соотношения возможностей и прав *большинства* и *меньшинства* народа.

---

* Статьей известного писателя и ученого Р. А. Медведева, впервые выступающего в нашем журнале, продолжается обсуждение проблемы большинства и меньшинства в социалистической революции (см. Куталия В. А. О проблемах большинства народа в социалистической революции.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 5; Булдаков В. П. 1917 год: большинство народа и революционное сознание.— Там же, 1989, № 6; Солдатенко В. Ф. О политической армии Великого Октября.— Там же, 1989, № 10).

Как и ранее опубликованные материалы, статья носит дискуссионный характер. Она представляет собой отредактированный и сокращенный автором вариант главы книги «Ленинизм и западный социализм», опубликованной в 1981 г. в Лондоне в издательстве «Нового левого обозрения».

[1] Barbara Ward. Five ideas that change world. N. Y., 1961.

В самой общей теоретической постановке эта проблема не кажется слишком сложной: в демократически устроенном обществе *большинство* решает, а *меньшинство* подчиняется этим решениям, сохраняя за собой свободу мнений, свободу слова и печати, собраний и организаций. Ибо для подлинной демократии неприемлема не только тирания меньшинства над большинством, но и большинства над меньшинством. Однако на практике решение всех этих проблем оказывается бесконечно более сложным. Еще сложнее проблема большинства и меньшинства не в нормально функционирующем обществе, а в условиях революции или гражданской войны. Это показывает и пример Октябрьской революции.

О НЕКОТОРЫХ УПРОЩЕННЫХ СХЕМАХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В современной советской литературе чаще всего можно встретить утверждения, что Октябрьская революция произошла лишь *после того,* как большевики получили поддержку подавляющего большинства населения царской России[2]. Ленинская партия, открыто и недвусмысленно заявлявшая о своих целях в политической борьбе, считал К. И. Зародов, пошла на вооруженное восстание, опираясь, в частности, на волю избирателей, отдавших ей *большинство* голосов. Большевики применяли методы насильственного подавления, но это было насилие против *меньшинства* свергнутых классов, сопротивлявшихся как раз народному *большинству.*

В значительной части западных исследований об Октябрьской революции о ней говорится, напротив, как о революции или даже «заговоре» меньшинства, навязавшего свою волю пассивному или враждебно настроенному большинству. «В то время как все население в целом было пассивным,— утверждал, например, американский историк А. Мейер,— вооруженные отряды большевиков организованно и быстро стали захватывать ответственные пункты, арсеналы, центры связи и важные опорные пункты в столице России»[3].

Профессор королевского колледжа Кембриджского университета Д. Данн писал, что «Октябрьская революция была лишь путчем незначительной группы интеллектуалов»[4]. У других авторов можно встретить и слова о «революционной элите русского народа». Иногда концепция «большевистского заговора» принимает более утонченную форму. Американский историк Т. фон Лауэ писал: «Что бы большевики ни делали ради своего блага или блага России, они это делали с помощью масс и ни в коем случае не вопреки массам. Но в то же время они внутренне оставались вне масс в качестве манипуляторов волей народа, а не ее агентов... Путем пропаганды и тысяч других форм руководства революционным недовольством, включая иррациональные средства манипуляции массами, революционеры должны были формировать «сознание масс»[5].

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О РОЛИ БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА В РЕВОЛЮЦИИ

Когда речь идет о целях общенародной или пролетарской революции, то революционеры обычно называют себя демократами, так как все они заявляли, что выступают от имени большинства народа или, во вся-

[2] См., например, Зародов К. И. Три революции в России и наше время. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
[3] Meyer A. Leninism. Harward, 1957, p. 176.
[4] Dann D. Moden Revolutions, 1972, Cambridge, p. 46.
[5] Laue von T. H. Why Lenin? Why Stalin? A Reapreisal of the Russian Revolution 1900—1930. Philadelphia — N. Y., 1964, p. 109, 127.

ком случае, в интересах этого большинства. Все настоящие революционеры стремятся обеспечить своему народу лучшую жизнь и лучшее будущее. Однако когда речь идет о *средствах и формах* революционной борьбы, то мы наблюдаем очень большое отличие между различными революционными принципами в их подходе к проблеме большинства и меньшинства народа.

Маркс и Энгельс предполагали, что только в Англии и в США, где в XIX веке не было еще ни громоздкой бюрократической государственной машины, ни постоянной армии, возможно мирное развитие социалистической революции, при котором власть могла бы сравнительно безболезненно перейти в руки рабочего класса, составлявшего большинство населения этих стран. Иное дело европейские государства на континенте. Здесь революция не сможет обойтись без вооруженной борьбы, которая по своей природе требует авторитарного руководства. «Революция,— писал Энгельс,— есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных»[6].

Маркс и Энгельс прекрасно знали из истории, что многие важные перемены в жизни той или иной страны достигались не только путем народных движений или войн, но и путем дворцовых переворотов и заговоров. Небольшая, но активная группа революционеров может оказать существенное влияние на судьбу нации, точно так же как небольшие, но хорошо вооруженные армии завоевывали в XIX веке многие страны в Азии и Африке. Но такой решающий переворот в жизни общества, как пролетарская революция, не может быть результатом действий небольшой группы заговорщиков. Поэтому сторонники Маркса в I Интернационале решительно выступали против методов и тактики сторонников Огюста Бланки, хотя и Маркс, и Энгельс относились к этому знаменитому революционеру с глубоким уважением.

По оценке Энгельса, в середине 70-х годов «Бланки преимущественно политический революционер; социалист он только по чувству, из участия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может несколькими первыми успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию. ...Бланки — революционер прошлого поколения.

Такие представления о ходе революционных событий, по крайней мере для немецкой рабочей партии, давно устарели, да и во Франции могут встретить сочувствие только у менее зрелых или у более нетерпеливых рабочих»[7].

Критикуя Бланки и бланкистов, выступления которых были плохо связаны и с настроением рабочего класса, и с общим политическим положением в стране, Маркс и Энгельс не требовали от революционных партий, чтобы они ждали и воздерживались от революции до тех пор, пока на их стороне будет подавляющее большинство нации. В конце концов и Парижская коммуна опиралась на пролетарские массы Парижа, но даже все население Парижа было лишь незначительным меньшинством по отношению к населению Франции. Как можно судить по переписке Маркса с Энгельсом, в первой половине 50-х годов XIX века они сохраняли надежду на скорую демократическую революцию в странах Европы. Они были уверены, что такая революция сравнительно бы-

[6] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 305.
[7] Там же, с. 511—512.

стро перерастет в пролетарскую и приведет, таким образом, к победе социализма. Это означало для континентальных стран, что хорошо подготовленное *пролетарское меньшинство* сможет в условиях революционного кризиса захватить власть и провести социалистическое переустройство общества в интересах *большинства* населения. Об этом Энгельс писал всего за несколько месяцев до своей кончины, излагая эволюцию своих и Маркса взглядов на революцию [8].

Но в 1848 г. и в последующие десятилетия надежды на пролетарскую революцию не оправдались. История показала, по словам Энгельса, что «мы и все мыслящие подобно нам были неправы», ибо пролетариат был еще не способен осуществить свою революцию «посредством простого внезапного нападения». Поэтому Энгельс приветствовал как рост численности пролетариата в Европе, так и рост социал-демократических рабочих партий. Он призывал эти партии и рабочий класс умело использовать всеобщее избирательное право, которое пролетариат вполне может превратить в смотр своих сил и социал-демократии, а каждую завоеванную выборную должность — в средство агитации и распространения пролетарского влияния. Впрочем, Энгельс вовсе не предлагал отказаться от всех прежних «чисто революционных форм борьбы», использование которых с возникновением массовых регулярных армий стало гораздо более сложным. Стихийные уличные восстания и традиционные баррикады теперь, по мнению Энгельса, обречены были на неудачу. Поэтому пролетариат не должен играть роль простого «пушечного мяса».

«Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет» [9].

Возражая против курса на революцию, совершаемую незначительным меньшинством и справедливо призывавшую привлечь для участия в революции «широкие массы народа, то есть в данном случае крестьян», Энгельс вовсе не требовал ни от «наших товарищей за границей», ни от немецкой рабочей партии обязательно добиваться полного и бесспорного большинства избирателей в качестве непременного условия для начала революции. Энгельс говорил лишь о том, что революцию надо начинать, имея за собой безусловную *решающую силу*, а не просто арифметическое большинство населения страны.

В декабре 1884 г. Энгельс писал лидеру немецких социал-демократов А. Бебелю: «Мы не можем рассчитывать на то, что уже к моменту кризиса на нашей стороне окажется большинство избирателей, то есть нации. Вся буржуазия и остатки феодального имущего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения сплотятся тогда вокруг крайней буржуазной партии, которая будет на словах весьма революционна, и я считаю вполне возможным, что эта партия будет представлена во временном правительстве и даже на некоторое время образует в нем большинство.

...При нынешнем положении толчок извне едва ли может быть дан откуда бы то ни было, кроме России. Если из России толчка не будет и он последует из Германии, то революция может начаться только с армии. Против современной армии невооруженный народ в военном отношении — ничтожная величина... Во всяком случае, во время кризиса

---

[8] См. там же, т. 22, с. 533—535.
[9] Там же, с. 544.

и на другой день после него нашим единственным противником явится *вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии,* и этого, как я полагаю, ни в коем случае упускать из виду нельзя»[10].

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ XIX ВЕКА И ПРОБЛЕМА БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА

Одна из ключевых проблем в дискуссиях русских революционных деятелей XIX века — соотношение большинства и меньшинства в революции. Хорошо известна в этом отношении позиция декабристов. При всем различии своих взглядов они сходились в одном: они не доверяли народным массам, хотя и выдвигали требования, которые должны были улучшить их положение. Так, например, П. И. Пестелю, одному из самых видных идеологов декабристов, революция представлялась результатом действия избранного меньшинства, осознавшего нетерпимость существующих в стране крепостнических порядков. В лучшем случае народ сможет поддержать революционеров своим сочувствием, но не активными революционными действиями. Пестель был убежденным сторонником военной революции, которую сможет произвести сравнительно небольшой кружок революционных офицеров, опиравшихся на преданных им солдат. После свержения царизма этот кружок создаст диктатуру «верховного правления», которая осуществит необходимые реформы и подготовит народ к принятию конституции и созданию выборных республиканских органов. Для дворянских революционеров и для начала XIX века это была, в сущности, единственная возможная программа и тактика.

Была ли, однако, возможность успеха декабристов? Я думаю, что было бы ошибкой исключать такую возможность. История революционных движений знает немало успешных военных переворотов, которые опирались и на гораздо меньший по численности кружок офицеров. Достаточно сказать, например, об успешном свержении египетского короля Фарука группой молодых офицеров, возглавляемых Г. А. Насером. А между тем ситуация начала 50-х годов XX века в Египте не так уж принципиально отличалась от ситуации 1825 г. в царской России. Но то, что было возможным для революционно настроенных офицеров в начале XIX века, было нереальным для революционно настроенных разночинцев-народовольцев в конце этого же века. Между тем и среди различного рода народовольческих групп было немало сторонников чисто бланкистской тактики революционной борьбы. Не останавливаясь на этом подробно, укажем на различие взглядов П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова.

Ткачев был уверен, что в народе всегда более чем достаточно горючего материала и тем не менее этот же народ не способен на самостоятельное революционное творчество. Революцию в России, по мнению Ткачева, может осуществить только сознательное революционное меньшинство, которое должно объединиться в конспиративную центральную партию якобинского типа. Только произведенный такой партией государственный переворот создаст условия для последующей революционной и разрушительной деятельности народных масс, опираясь на которую революционное меньшинство сумеет сломить сопротивление господствующих классов. Нелепо ждать, говорил Ткачев, пока большинство народа осознает необходимость революции. В ряде своих публицистических работ он утверждал, что революционное меньшинство может рассчитывать на народ в той мере, в какой он, освободившись из-под гнетущего его страха и ужаса перед властью, будет под руководством

[10] Там же, т. 36, с. 217—218.

революционного меньшинства уничтожать непосредственных врагов революции и разрушать охраняющие их твердыни [11].

Ткачеву решительно возражал другой видный народник — пропагандист Лавров. Он был глубоко убежден, что перестройку русского общества следует проводить не только ради народного блага, но и «посредством народа», ибо только народ может дать революции ту энергию и силу, которая необходима для ее успеха. Интеллигенция не может сама по себе победить самодержавие, чтобы заняться после победы просвещением народа. Она должна пойти в народ, просветить его и поднять на борьбу за освобождение. В издававшемся в Лондоне журнале «Набат» Лавров полемизировал со своим оппонентом, считавшим, что «всего удобнее устранить их (недостатки старого и нового общества.— *Р. М.*) привычными приемами старого общества; составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом «о наказаниях», выбрать из среды наиболее надежных лиц (преимущественно из членов социально-революционного союза, конечно) комиссию общественной безопасности для суда и расправы, организовать корпус общинной и территориальной полиции из сыщиков, разнюхивающих нарушение закона, и из охранителей благочиния, наблюдающих за «порядком»; подчинить людей заведомо опасных социалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюрем и, вероятно и виселиц...» [12].

Полемика относительно форм и методов революционной борьбы продолжалась в России и после образования Российской социал-демократической рабочей партии. Не только анархисты или социалисты-революционеры, но и социал-демократы не ставили тогда формальные принципы демократии выше коренных интересов революции. Будущие меньшевики были в этом отношении порой откровеннее большевиков. Не В. И. Ленин, а будущий меньшевик В. Посадовский заявлял на II съезде РСДРП: «...*Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?* Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить *выгодам нашей партии*. (Восклицания: «И неприкосновенность личности?») Да! и неприкосновенность личности! Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели — *социальной революции*,— мы исключительно с точки зрения... *выгоды* нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить» [13].

Высказывания Посадовского были не только слишком «откровенными», но и не вполне правильными. Он, по существу, отождествлял интересы партии с интересами социальной революции, в которой могли принимать участие и другие революционные партии. Между тем установление единого фронта между различными партиями требовало способности к компромиссам и соглашениям, которые могли быть в чем-то невыгодны отдельной партии, не соответствовали бы интересам всего революционного движения в целом. К тому же любая партия могла ошибаться, и РСДРП не была, как показал опыт, исключением. Г. В. Плеханов, не полемизируя прямо с Посадовским, несколько уточнил его примитивную постановку вопроса о соотношении формальных принципов демократии и интересов революции. Плеханов, в частности, сказал:

---

[11] См. Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. В 4-х т. Т. 3. М., 1933, с. 63—66, 88—98, 223—227.

[12] Набат, 1877, № 1—2, с. 17.

[13] Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 181.

«Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционеров это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии... И на эту точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент..., то нам следовало бы стараться сделать его *долгим парламентом,* а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели» [14].

Ленин полностью разделял это мнение Плеханова. Он многократно подчеркивал огромное значение для пролетариата тех достижений буржуазной или «формальной» демократии как громадного исторического прогресса по сравнению с феодализмом и самодержавием. Ленин не мог сказать, подобно Сталину, что формальные принципы демократии «для нас, большевиков — пустышка».

«Самое положение пролетариата, как класса,— писал в 1905 г. Ленин,— заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир» [15].

Однако Ленин неизменно подчеркивал и относительность формальных принципов демократии, их историческую ограниченность и призывал пролетариат отказаться от суеверной веры в одно лишь демократическое государство. Борьба за демократию всегда должна быть подчинена борьбе за социализм, хотя в данном случае и было довольно трудно определить должное соотношение. Ленин утверждал: «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть» [16].

ПРОБЛЕМА БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА В 1917 г.

Самодержавная монархия в России была властью ничтожного меньшинства. Царское правительство выражало интересы главным образом русских помещиков и дворянства и небольшой части буржуазии. Оно противилось участию в составе власти даже таких буржуазных партий центра, как кадеты (конституционно-демократическая партия) или партия демократических реформ. Несомненно, монархия опиралась в России не только на полицию, но и на поддержку части населения, например, части казачества, богатого крестьянства, кулачества и пр. Однако и здесь монархия располагала лишь меньшинством, что показали, в частности, выборы в Государственную думу всех созывов, несмотря на крайне недемократическую избирательную систему. Тем не менее русское самодержавие сумело удержать в своих руках власть в период первой российской революции.

---

[14] Там же, с. 181—182.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 39.
[16] Там же, т. 49, с. 347.

Иначе сложились события Февральской революции 1917 г. Самодержавие рухнуло в течение нескольких дней в результате волнений и восстаний, которые происходили в одной лишь столице империи — в Петрограде. Небольшое, в сущности, меньшинство населения свергло 300-летнюю монархию и сокрушило самодержавный режим в громадной стране. Однако это стало возможным лишь потому, что действия Петрограда получили быструю и почти повсеместную поддержку подавляющего большинства населения в тылу и среди солдатских масс на всех фронтах первой мировой войны. Ленин сказал об этом довольно кратко: «Петроград разбудил Россию. Петроград освободил ее. Великое дело петроградских рабочих»[17].

Конечно, далеко не во всякой революции столица играет столь важную и решающую роль. Это касается и России. В отдельные периоды революции Ленин считал, что именно провинциальным центрам будет принадлежать главная роль в событиях. Что касается революции 1905—1907 гг., то уже к концу ее первого года центр революции переместился в Москву, где революционная борьба приняла более широкий и глубокий характер, чем в столице.

Известно, что после Февральской революции все связанные с народом политические партии и группы получили небывалую ранее свободу высказывать и отстаивать свои взгляды. Ленин не без основания писал, что Россия в считанные дни превратилась в самую свободную страну в мире. В этих условиях вождь большевиков предложил курс на мирное развитие революции, который предполагал переход власти в руки Советов и завоевание в Советах путем агитации и пропаганды большинства среди рабочих, солдат и крестьян. «Через народ перепрыгнуть нельзя,— говорил Ленин.— Только мечтатели, заговорщики думали, что меньшинство может навязать свою волю большинству. Так думал французский революционер Бланки — и был неправ. Когда большинство народа не хочет, потому что еще не понимает, взять власть в свои руки, тогда меньшинство, как бы оно революционно и умно ни было, не может навязать своего желания большинству народа»[18].

К лету 1917 г. вся Россия пробудилась к активной политической жизни. Хотя столица и продолжала играть доминирующую роль, для победы нового этапа революции было недостаточно победить лишь в столице. Уже в дни июльского кризиса шаткая и слабая власть Временного правительства в Петрограде могла быть свергнута. Но именно Ленин воспротивился предложениям на этот счет, исходившим от некоторых слишком нетерпеливых большевиков. Правота Ленина скоро стала очевидной: в массах продолжался сдвиг, влияние большевиков в стране продолжало возрастать, их численность достигла к концу августа 240 тыс. в сравнении с 24 тыс. в феврале 1917 г.

Летом и осенью 1917 г. выборы и перевыборы в самые различные органы власти и в различных общественных организациях происходили почти непрерывно, без соблюдения каких-либо установленных сроков. Это позволяло сравнительно точно учитывать и анализировать настроения народных масс. Огромное количество органов самоуправления возникло и в сельской местности; о настроениях деревни можно было судить и по возрастающему числу аграрных волнений. Во всяком случае, к середине сентября 1917 г. стало очевидно, что большевики имеют за собой явное большинство населения не только в Петрограде и Москве, но и во всех главных промышленных центрах. Большевики вели за собой не только большинство солдат столичного гарнизона, но и всех гарнизонов, близких к Москве и Петрограду. Они пользовались преобладающим влиянием на Балтийском флоте и в частях Северо-Западного

[17] Там же, т. 31, с. 158.
[18] Там же, т. 32, с. 50.

фронта. Теперь Ленин не только не удерживал, но постоянно торопил большевиков, требуя как можно скорее свергнуть власть Временного правительства. Правда, на стороне большевиков еще не было абсолютного большинства населения всей России, особенно на ее окраинах. Но под их контролем была уже достаточно мощная политическая армия, которая была способна установить новую власть в стране. Успех социалистической революции, во всяком случае в начальной ее фазе, был обеспечен, и поэтому Ленин, не колеблясь, повел партию на вооруженное восстание.

В. И. ЛЕНИН О РОЛИ БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Высказывания Ленина о необходимости постепенного завоевания большинства *в Советах* нельзя интерпретировать таким образом, что Ленин считал предварительным условием революции завоевание на сторону большевиков формального большинства населения всей России. Ленин не смотрел на большинство и меньшинство только как на арифметические понятия. Более того, Ленин в принципе отрицал возможность образования арифметического революционного большинства в такой стране, как Россия. Ибо крестьянские и мелкобуржуазные массы были здесь настолько раздроблены, неграмотны, обречены на столь варварские условия жизни, что было нереально ждать, чтобы политическое поведение крестьянства адекватно отражало его интересы. Даже сельский пролетариат в своей основной массе способен был поддержать пролетариат лишь *после* решительной победы пролетарской революции.

Это вовсе не означает, что у пролетариата не было в 1917 г. союзников среди крестьянства, солдат и мелкой буржуазии. Без такого союза победа революции была бы немыслима. Но это вовсе не означает, что большевики вели за собой арифметическое большинство населения. Анализируя социальные и политические условия России, Ленин не раз указывал, что в условиях революционной ситуации недостаточно, да и невозможно выявить арифметическое большинство населения; чтобы победить, революционная партия должна оказаться *сильнее в решающий момент в решающем месте.*

На этом основании взгляды Ленина нередко отождествляют в антимарксистской литературе со взглядами Ткачева. Н. А. Бердяев однажды заметил, что Ткачева нужно не только признать предшественником Ленина, но что «Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс» [19].

Это, конечно, не так. Ткачев действовал в совершенно иной социальной среде, и он отрицал существование в России как буржуазии, так и пролетариата. То незначительное меньшинство, которое, по мнению Ткачева, способно совершить в России социалистический переворот, должно состоять из интеллигенции и учащейся молодежи в особенности [20]. Совершенно иначе представлял себе социалистическую революцию в России Ленин. По его мнению, осуществить такую революцию мог промышленный пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством. И если Ленин заявлял, что для победы революции не следует ждать образования арифметического большинства крестьянства и мелкой буржуазии, то он одновременно утверждал, что социалистическая революция невозможна без предварительного завоевания *большинства пролетариата.* «Мы не бланкисты,— писал Ленин весной 1917 г.,— не сторонники захвата власти меньшинством» [21].

[19] Шуб Д. Политические деятели России (1850—1920 гг.). Нью-Йорк, 1969, с. 70—71.
[20] См. Ткачев П. Н Избранные сочинения..., т. 3, с. 71—72.
[21] Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 31, с. 147.

И вся тактика большевиков в 1917 г. сводилась в конечном счете к тому, чтобы завоевать на свою сторону подавляющее большинство российского рабочего класса.

В 1918 г. в Москве издательство «Земля и воля» выпустило в свет сборник «Год русской революции. 1917—1918». Ленин внимательно ознакомился с ним. Его внимание привлекла «замечательно интересная» статья Н. В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание». Ее разбору Ленин посвятил большую статью, опубликованную в декабре 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал».

Н. Святицкий привел в своей работе точные цифровые данные о выборах в Учредительное собрание по 54 избирательным округам из общего числа 79. В обследование вошли почти все основные губернии Европейской России и Сибири. Из 36,3 млн. голосов в этих районах эсеры и их союзники получили 20,9 млн. Меньшевики получили 1,7 млн. голосов. Кадеты и все другие буржуазные и помещичьи партии получили вместе 4,6 млн. голосов. Большевики получили 9,0 млн. голосов, т. е. всего 25 % общего числа. В обследование Святицкого не вошли такие многонаселенные области, как Донецкая, Эстляндская, Бессарабская. Он не смог получить данных из Средней Азии, Оренбургской области, Якутии. Можно не сомневаться, что во всех этих районах большевики получили даже меньше, чем 25% голосов.

Ленин ни в коей мере не оспаривает точности тех данных, которые приводятся в эсеровском сборнике. Однако он внимательно проанализировал эти данные по отдельным городам, губерниям, фронтам. Выводы из этого анализа вовсе не были для него какой-либо неожиданностью. Как политик, он это знал и раньше. Только теперь его взгляды и предположения получили точное цифровое подтверждение. Ленин поэтому писал: «Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших $^1/_4$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $^3/_4$ голосов?..

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса...

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет...

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата... Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией...

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь *почти вчетверо* больше, чем эсеры. Мы имели здесь *больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые*...

...Имея возможность наверняка быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботаж и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти *доказать делами* трудящимся *не*пролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

...Имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, *ближайших к столицам*...

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *не*пролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий»[22].

Ленин перед Октябрем призывал большевиков не дожидаться формального большинства даже внутри Советов. Известно, что на конец октября 1917 г. был намечен созыв II съезда Советов. Ожидалось, что на этом Всероссийском съезде большевики будут иметь свыше 50% мандатов. Поэтому некоторые из руководителей ЦК предлагали начинать вооруженное восстание лишь после созыва съезда Советов. Ленин был решительно против подобных предложений. Он призывал большевиков не ждать «колеблющегося голосования» на открывающемся II съезде Советов, а немедленно брать власть в свои руки, раз к этому есть все главные политические и военные предпосылки. Главные вопросы революции, указывал Ленин, решаются не голосованием. Предварять революционное действие голосованием — значит обрекать рабочий класс на бездействие. «Ждать «формального» большинства у большевиков,— писал Ленин накануне восстания,— наивно: ни одна революция *этого* не ждет»[23].

И этот призыв возымел действие: большевики начали военные операции в Петрограде, когда здесь собрался II Всероссийский съезд Советов.

Вывод, к которому пришел Ленин на основании опыта Октябрьской революции, был четок и ясен: «Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе «последовательной» (иные говорят: «чистой») демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»[24].

Но каким образом пролетариат может приобрести сочувствие *большинства* трудящихся?

Во-первых, как считал Ленин, само завоевание государственной власти и разрушение старой государственной машины позволят привлечь на сторону пролетариата громадную массу сторонников мелкобуржуазных партий. «...Ибо эта масса — трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия... обманывала и которые, *получив Советскую власть*, получают *впервые* орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии *«их» массы*, т. е. массы, шедшие за ними,— отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии*»[25].

---

[22] Там же, т. 40, с. 4—7, 10.
[23] Там же, т. 34, с. 241.
[24] Там же, т. 40, с. 11—12.
[25] Там же, с. 13.

Критикуя Ленина и большевиков, лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов писал в книге «Мировой большевизм»: «Государство переходного революционного времени, которое, по теории, должно было быть, в противоположность буржуазному государству, органом «насилия большинства над меньшинством», органом власти большинства, оказалось все тем же органом власти меньшинства (конечно, меньшинства иного)»[26].

Ленин отвечал на такую критику просто: теория, согласно которой пролетарское государство с первого же дня своего существования должно быть «органом власти большинства»,— это не теория Маркса и Энгельса, а теория Каутского и К°. А кроме теории, существует живой опыт русской революции, который позволяет проверить и исправить, если надо, теорию марксизма. Ибо марксизм — это не догма, а руководство к действию.

Нельзя не отметить, однако, что позиция Ленина, хотя она и соответствовала условиям России 1917 г., таила в себе и огромный риск. Сильное революционное меньшинство, завоевавшее власть, не может долго управлять большинством на основе насилия, хотя Ленин и не отрицал возможности отдельных мер принуждения и в отношении большинства. Государственная власть пролетарского меньшинства должна как можно быстрее завоевать и удерживать за собой симпатии большинства трудящихся, иначе пролетариат не сможет долго удержаться у власти. Но в этих условиях пролетарское государство должно проводить как можно более правильную в данных условиях политику и совершать как можно меньше ошибок.

Между тем первое в мире пролетарское государство далеко не сразу сумело разработать максимально правильную экономическую и политическую линию поведения, и оно совершило немало ошибок именно при «удовлетворении наиболее насущных экономических нужд» мелкой буржуазии, то есть главным образом крестьянства. Поэтому, получив поддержку большинства трудящихся вскоре после Октябрьской революции, большевистское правительство через несколько месяцев, то есть в конце весны 1918 г., потеряло эту поддержку и вновь обрело ее только в самом конце того же 1918 года. Эти колебания мелкобуржуазной массы повторялись еще не раз, и каждый из подобных кризисов ставил Советскую власть на грань катастрофы. Сам Ленин свидетельствовал на этот счет следующее: «Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружились в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические...

Далее, опыт колчаковской и деникинской «демократии»... показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учредиловке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»[27].

Как известно, очень скоро после цитируемой нами статьи Ленина в Советской России возник новый конфликт между большевиками и кре-

[26] Цит. по: Сафаров Г. Основы ленинизма. Л., 1924, с. 332.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 16—17.

стьянством, когда уже не в тылу Колчака и Деникина, а в тылу Красной Армии вспыхнули крестьянские бунты и восстания.

Этот кризис удалось преодолеть благодаря введению новой экономической политики. Постепенно в стране сложилось относительно стабильное положение. Это еще не слишком устойчивое равновесие было, однако, вновь нарушено уже после смерти Ленина. Мы имеем в виду хлебозаготовительный кризис конца 20-х годов и начало массовой принудительной коллективизации. Но эти события выходят за рамки нашего исследования.

Конечно, возникают вопросы: почему не только при власти Колчака и Деникина, но и при Советской власти крестьянство должно было заявлять о своем недовольстве в первую очередь путем восстаний и вооруженного сопротивления? Почему Советская власть не сумела с первых же месяцев своего существования создать хорошо действующие каналы «обратной связи», которые позволили бы новым руководителям страны лучше и быстрее узнавать о пожеланиях и мнениях большинства ее населения? Почему большевики не сумели создать вокруг своего правительства сразу же постоянный и прочный социальный базис, включавший абсолютное большинство населения? Почему им пришлось продвигаться вперед, лишь преодолевая один кризис за другим? Это вопросы, на которые *мы не имеем удовлетворительного ответа и до сегодняшнего дня.*

В порядке простой констатации заметим, что в крайне сложной обстановке революционной борьбы Ленина занимал в первую очередь вопрос о *правящем* большинстве или *правящем* меньшинстве. В работах Ленина не нашел достаточного отражения вопрос о меньшинстве или о группе меньшинства, которые не находятся у власти, а составляют оппозицию.

Еще в разгар гражданской войны в России лидер немецких социал-демократов К. Каутский написал небольшую брошюру «Диктатура пролетариата», посвященную главным образом критике большевистской партии. Ленин почти сразу ответил Каутскому, опубликовав свою известную книгу «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В резкую полемику с Каутским вступили и другие большевистские теоретики. Как бы не замечая происходящих вокруг событий еще не оконченной мировой войны, Каутский писал о важности соблюдения некоторых элементарных демократических свобод, включая и охрану прав меньшинства: «В боях за политические права возникает современная демократия, зреет пролетариат; вместе с тем возникает новый фактор: охрана *меньшинства, оппозиции* и государства. Демократия означает господство большинства. Но не в меньшей мере она означает охрану меньшинства» [28].

«О, мудрый и ученый Каутский...— отвечает Ленин.— Он предпочитает рассказывать рабочим детские сказки вроде того, что демократия означает «охрану меньшинства». Невероятно, но факт! В лето 1918-ое от рождества христова, на пятом году всемирной империалистской бойни и удушения интернационалистских... меньшинств во всех «демократиях» мира, господин ученый Каутский сладеньким, сладеньким голосом воспевает «охрану меньшинства» [29].

Примерно то же самое писал по поводу приведенных выше рассуждений Каутского и Н. И. Бухарин [30]. Ошибка Каутского в данном случае состояла в чрезмерно абстрактной постановке вопроса. Однако ошибка Ленина и Бухарина, по нашему мнению, состояла в чрезмерной абсолютизации русского опыта, в попытке решить серьезный общетеоре-

---

[28] Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918, S. 15.
[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 254.
[30] См. Бухарин Н. И. Избранные произведения. Нью-Йорк, 1967, с. 69.

тический вопрос лишь применительно к «лету 1918-му от рождества христова». Вопрос об «охране меньшинства» — это не «детские сказки» и не «политическое шарлатанство». И сами большевики, решительно защищая в 1917 г. права своей партии на свободную политическую деятельность, решительно защищая интернационалистов в других воюющих странах, требовали как раз «охраны прав меньшинства».

Совершенно очевидно, что меньшинство и большинство могут находиться в совершенно различных политических отношениях друг с другом; и здесь невозможно найти никакой абсолютной формулы, которая могла быть верной в любой ситуации. Большинство (народа, нации, класса, партии) должно уважать права меньшинства или различных меньшинств лишь в том случае, если и последние уважают права большинства и подчиняются его решениям. Но если меньшинство восстает против большинства, применяя при этом вооруженную силу или другие формы насилия, используя клевету, провокации и террор, то странным было бы осуждать применяемое против этого меньшинства насилие. Однако Бухарин и Ленин неправомерно отождествляли в 1918 г. действия антибольшевистских групп меньшинства лишь с действиями «генералов и царских охранников», с восстанием чехословацкого корпуса, то есть с действиями тех, «кто идет против пролетариата с бомбой и револьвером». Разве сам Бухарин не возглавлял в 1918 г. фракцию «левых коммунистов»? Разве он не защищал в борьбе с большинством партии право отстаивать и защищать свою точку зрения по вопросу о Брестском мире и ряду важных вопросов экономического строительства? Но фракция Бухарина подчинялась при этом решениям большинства, и потому Ленин вел борьбу с этой фракцией в рамках идейной борьбы, не прибегая к политическому насилию.

Вообще проблема отношений большинства и меньшинства чрезвычайно осложнена множеством обстоятельств именно в условиях насильственной революции. Ибо эти революции происходят, как правило, в таких странах, где не существует разумных демократических институтов, позволяющих не только выявить волю большинства населения, но и заставить правящее меньшинство подчиняться этой воле.

Впрочем, мы говорим все это отнюдь не для того, чтобы осудить стратегию Ленина в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Условия в России в 1917 г. были таковы, что невозможно было *сначала* спросить у нации мандат на власть, а потом уже браться за управление страной и немедленно передать власть другой партии, когда большинство народа выскажет недовольство властью большевиков. Обстановка в стране была такова, что многие из проблем можно было решить тогда только силой. Можно лишь отметить, что большевики и при Ленине не всегда правильно использовали ту громадную силу государственной власти, которая оказалась у них в руках. Нужно, конечно, сказать, что первый опыт в столь трудном деле нельзя было осуществить без серьезных ошибок. Но нужно хотя бы честно и правдиво проанализировать эти ошибки, чтобы избежать их повторения.

ОПЫТ ОКТЯБРЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДРУГИХ СТРАНАХ

Отношение Ленина и большевиков к проблеме большинства и меньшинства в революции определялось в конечном счете социально-экономическими и политическими условиями царской России. Разработанный Лениным стратегический план социалистической революции был успешно реализован именно потому, что он соответствовал условиям России и международному положению, сложившемуся в 1917—1920 гг. Это обстоятельство и позволило большевикам удержать в своих руках

власть, несмотря на многие ошибки и периодически возникавшие кризисы.

Победа Октябрьской революции произвела огромное впечатление на социалистические и радикальные движения во всем мире и привела к образованию нового, Коммунистического Интернационала. Естественно, что опыт революции и гражданской войны в России был вначале главным источником опыта и для молодых коммунистических партий. И Ленин, стоявший у колыбели Коминтерна, не только охотно передавал его «новичкам», но и предостерегал их одновременно от многих ошибок и увлечений.

На своих конгрессах Коминтерн несколько раз обсуждал проблему большинства и меньшинства в революции. Уже III конгресс (1921 г.) выдвинул перед компартиями задачу распространить коммунистическое влияние среди большинства рабочего класса и вовлечь в борьбу его решающие отряды. IV конгресс (1922 г.) подтвердил необходимость «овладения большинством рабочего класса в Америке и в Европе» и выдвинул задачу создания коммунистических партий в колониальных и полуколониальных странах как «партий, представляющих общие интересы пролетариата». На очередном конгрессе в 1924 г. было принято решение: «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала... решительно отметает, как неправильные, с одной стороны, тенденции правых, которые требуют предварительного завоевания статистического большинства трудящихся масс и полагают, что ни о каких серьезных революционных битвах не может быть и речи, пока коммунисты не завоевали чуть ли не 99% всех трудящихся; с другой стороны, V всемирный конгресс отвергает ошибку «ультралевых», которые до сих пор не поняли решающего всемирно-исторического значения лозунга «к массам!», которые сбиваются иногда на то, что коммунистические партии могут быть партиями пролетарского «террористического меньшинства», и полагают, что коммунистические партии, не ставшие массовыми, могут вести массы в бой в любой момент»[31].

Этот вывод был основан в первую очередь на опыте РКП(б), без изучения которого и сегодня трудно выработать правильную тактику и стратегию коммунистических партий. Однако в 20-е годы не только молодые компартии, но и Ленин порой преувеличивали универсальность этого опыта. Ибо именно Ленину принадлежит формула о том, что «большевизм годится как образец тактики для всех», которую нередко повторяют и сегодня, хотя все чаще приходится слышать более верную формулу о том, что «нет двух похожих революций».

Можно вспомнить, например, что и сам Ленин говорил, что страны Востока с их преобладающим крестьянским населением покажут миру более специфические приемы борьбы за освобождение, чем Россия. Эти слова, казалось бы, сбылись на опыте китайской революции, начало которой приветствовал еще Ленин. Однако мы знаем теперь, что специфика китайского опыта оказалась настолько существенной, что для руководства этой революцией трудно было пользоваться стратегией и тактикой большевиков с их опорой на крупные города и городской пролетариат.

В Китае эта большевистская тактика и стратегия оказалась не слишком подходящей. Там революция начала развиваться успешно уже после поражения в большинстве крупных городов, когда центром революционной национально-демократической борьбы стали как раз наиболее отдаленные сельские районы. Основным средством развертывания революционной борьбы в Китае в 30—40-е годы были не стачки и восстания в городах, а восстания в отдаленных сельских районах, постепенно сливающиеся в настоящую крестьянскую войну против китайской

[31] Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, с. 404.

контрреволюции и империалистической интервенции, опорой которых в первую очередь и стали города. В конечном счете в Китае не город принес освобождение деревне, а деревня освободила города от феодальной реакции и от империализма. Если у большевиков в начале 1917 г. почти не было самостоятельных партийных ячеек в деревне, то в Китае, напротив, у коммунистической партии в деревне не было никаких политических конкурентов типа русских эсеров, и 95% членов КПК были ко времени образования Китайской Народной Республики крестьянами или солдатами — выходцами из тех же крестьян.

Опыт большевиков в вопросе о соотношении большинства и меньшинства в революции не мог быть использован в качестве образца также и во Вьетнаме, в Югославии (в годы антифашистской революции во второй мировой войне), а также на Кубе. Известно, что революционная борьба кубинского народа потерпела поражение в городах и одержала победу позднее именно в сельских районах, где в первые месяцы борьбы отряды революционеров насчитывали лишь несколько десятков человек.

Однако неудачей кончилась и попытка перенести опыт победоносной кубинской революции почти на все другие страны Латинской Америки или на все страны «третьего мира». Вполне возможно, что в некоторых будущих пролетарских революциях в странах «третьего мира» именно большевистская стратегия и тактика в вопросе о соотношении большинства и меньшинства, деревни и города будет наиболее успешной.

В данной работе мы не предполагаем анализировать положение, которое существовало в странах Западной Европы в 1918—1933 гг. Но если иметь в виду современную ситуацию в странах развитого капитализма, то в большинстве этих стран коммунистические партии исходят не из стратегии достижения «решающего большинства» в решающих центрах, а из стратегии достижения парламентского, т. е. «статистического» большинства, завоеванного при посредничестве всех форм политической деятельности, но зафиксированного всеобщим и равным голосованием. В настоящее время в странах Западной Европы рабочий класс и примыкающие к нему работники наемного труда составляют подавляющее большинство населения. В этих странах существуют сложившиеся демократические традиции и демократические институты, пользующиеся всеобщим уважением. Коммунистические партии большинства стран Запада действуют в условиях полной легальности. И они знают, что даже те избиратели, которые постоянно голосуют за коммунистов и которые могут рассматриваться поэтому как политическая армия, выступают в своем большинстве именно за мирный и парламентский переход власти в руки своей партии.

Коммунистические партии в странах Западной Европы существуют уже больше 70 лет. Однако даже там, где эти партии добились наибольших политических успехов, они ведут за собой от 15 до 25% избирателей, и только в Италии за коммунистов голосует обычно около трети избирателей. Это, конечно, больше, чем имели большевики при выборах в Учредительное собрание. Но это пока еще совершенно недостаточно, чтобы прийти к власти и провести социалистические преобразования. Все факты говорят о том, что этого можно добиться не путем ожесточенной политической борьбы с другими более умеренными левыми партиями, как это были вынуждены сделать большевики в 1917 г., а путем образования прочного союза левых сил, который будет существовать как до, так и после прихода к власти левого блока. Это, конечно, не исключает взаимной полемики и дискуссий между партиями, но такой полемики и таких дискуссий, которые не могли бы разрушить блок левых сил.

Несмотря на разгром фашизма, силы империализма в западных странах все еще очень велики, и потому победа социалистической революции в странах Запада должна мыслиться не как единовременный акт, а как длительный процесс структурных реформ, причем на каждом этапе этого процесса союз левых сил должен располагать значительным большинством, что, вероятно, позволит нейтрализовать многие из партий центра. Западные коммунисты должны быть поэтому революционерами и реформистами одновременно, и они должны изучать и использовать не только опыт российских большевиков, но и опыт западноевропейского социалистического движения, с излишней бесцеремонностью отброшенный бывшими теоретиками нашей Коммунистической партии. Для победы союз левых сил должен располагать поддержкой значительной части вооруженных сил.

Выступая на XXII съезде ФКП, Жорж Марше, учитывая условия Франции, заявил: «В борьбе за социализм ничего, абсолютно ничего не может в наше время и в такой стране, как наша, заменить волю народного большинства, демократически выраженную борьбой посредством подобного избирательного права. Каковы бы ни были разновидности путей к социализму в нашей стране, которые невозможно сейчас детально предвидеть, нужно быть убежденным, что на каждом этапе политическое большинство и большинство арифметическое должны совпадать»[32].

В более подробной форме та же позиция была изложена еще в конце 1975 г. в совместной декларации ИКП и ФКП. В ней говорится:

«...Французские и итальянские коммунисты высказываются за множественность политических партий — в том числе за право существования и деятельности оппозиционных партий, за *свободное формирование и возможность демократического чередования большинств и меньшинств,* за светский характер и демократическое функционирование государства, за независимость суда. Они также высказываются за свободную деятельность и независимость профсоюзов...

Это преобразование может быть только результатом великих битв, мощных давлений масс, объединяющих вокруг рабочего класса *большинство* народа. Оно требует существования демократических институтов, полностью представляющих народный суверенитет, гарантирующих расширение власти народа, свободное осуществление всеобщего, прямого и пропорционального избирательного права. Именно в этих рамках обе партии, которые всегда уважали и будут уважать вердикт всеобщего избирательного права, мыслят приход трудовых классов к управлению государством»[33].

Позиция, выраженная в этой декларации, актуальна и сегодня, она лишь углубляется и конкретизируется в ряде пунктов, в том числе и в вопросе о роли большинства и меньшинства в революционных преобразованиях.

---

[32] Цит. по: La Drapeau rouge, 5.02.1976.
[33] L'Humanite. 18.11.1975.

СТАНУТ ЛИ БЕЗОПАСНЕЕ 90-е ГОДЫ?

(Новые реальности в оценках Запада)

Г. М. НЕМИРЯ,
кандидат исторических наук

Сложнейшая диалектика борьбы и сотрудничества в современном мире наиболее выпукло проявляется в сфере безопасности, где наметилась тенденция к постепенному ослаблению военно-силового компонента, замене его политическими, экономическими и иными невоенными параметрами.

Проблема разоружения была в центре внимания на встрече в верхах президентов СССР и США в мае — июне 1990 г. в Вашингтоне. Она продемонстрировала, что «холодная война» остается позади и на смену периоду конфронтации и соперничества приходит время сотрудничества и взаимопонимания. Достигнутые договоренности подтверждают верность линии нового политического мышления, намеченной партией и государством. Выход цивилизации на дорогу мирного развития, свободного от военного противостояния, требует преобразования военных блоков, создания новых структур безопасности. Тем более что на Западе еще немало тех, кто сеет сомнения и подозрения, выступает за продолжение политики с «позиции силы». А безопасность нашей страны мы не можем поставить под угрозу. Так оценил ситуацию Президент СССР М. С. Горбачев, выступая на заседании Верховного Совета СССР и в интервью журналистам [1].

Как сохранить стабильность в условиях перемен? Этот вопрос стал центральным в современной повестке дня. Ответ на него во многом будет зависеть от способности выработать совместную концепцию безопасности.

Насколько мы готовы к радикальному обновлению концептуальных взглядов на себя, на внешний мир, на взаимосвязь того и другого? Такая постановка вопроса может показаться искусственной: ведь именно наша страна и КПСС уловили суть и масштабность происходящих перемен, сформулировали принципы нового политического мышления. Однако сегодня, когда сознание часто не успевает адекватно оценить головокружительную ломку привычного порядка вещей, нельзя не заметить в обществе и признаки примитивизации исторического процесса. С одной стороны — эйфория, иллюзорное видение скорого «бесконфликтного» мира. С другой — боязнь нарушить «идеологическое целомудрие», боязнь увидеть в результатах перестроечной внешней политики крушение идеалов, сдачу позиций.

А готов ли к интеллектуальному прорыву Запад? Как там воспринимаются новые реальности?

Непредвзятый поиск ответов на эти вопросы важен не только для выявления спектра разномыслия, без чего невозможно достижение баланса интересов. «Взгляд со стороны» позволяет также уточнить собственную аргументацию, сделать шаг к созданию теоретических заделов

[1] См. Правда, 5, 13 июня 1990 г.

на будущее. Задача остроактуальная в настоящий момент, когда «явственно проступает дефицит контраргументов, свободных от налета самоцельной «борьбы идей», но исполненных серьезного научного анализа возникающих в мире тенденций и процессов и практических выводов из этого анализа, практических рекомендаций внешней политике»[2].

* * *

Противоречивость и неоднозначность текущих событий побуждают вспомнить, что в прошлом уже бывали моменты, когда достигалось ослабление напряженности, давались импульсы укреплению стратегической стабильности и международной безопасности, но всякий раз эти процессы захлестывала более мощная волна конфронтации. Закономерен вопрос: не повторится ли снова ситуация конца 70-х годов, когда такие, казалось бы, сильные стимулы, как подписание Договора ОСВ-2 и совместное советско-американское заявление о стремлении на будущих переговорах об ОСВ-3 к «значимым и существенным» сокращениям ядерных вооружений и их качественным ограничениям, оказались недостаточными, чтобы выдержать натиск милитаристских кругов?

Как свидетельствует опыт, среди факторов, сокрушивших разрядку, свою роль сыграла беспрецедентная кампания по искажению реального положения в сфере безопасности. Отсюда урок: сегодня, когда появились веские основания говорить об обозначившихся контурах мирного периода, необходим в первую очередь своевременный анализ аргументов его противников, не оставляющих попыток создать теоретический противовес новому политическому мышлению. Пример тому — концептуальная большая (50 страниц) статья «Мавзолей Сталина», опубликованная неким «Z» в американском журнале «Дедалус» и перепечатанная в сокращенном варианте во многих зарубежных изданиях[3].

Ультраправых тревожит перспектива необратимости движения к разоружению. Сознавая заведомо неблагоприятный результат прямых нападок на новое политическое мышление с его общечеловеческими критериями, правоконсервативные круги стремятся посеять недоверие к политической силе, которая впервые выдвинула принципы нового мышления и показала пример их практического применения. Их основной тезис: стремление к разоружению и стабильности не может быть центральным направлением внешней политики КПСС и Советского государства — это тактический прием, вызванный конъюнктурными соображениями[4].

Заслуживает внимания вопрос о концептуальной основе работ западных аналитиков. У большинства представителей консервативного крыла советологии таковой является концепция «легитимности».

Под «легитимностью» понимается способность политической структуры обеспечить себе поддержку народа. В применении к советскому обществу это трактуется как «забота партии о поддержании внутренней стабильности». В основе лежит тезис о «незаконности» советского общественно-политического строя и «необоснованности» положения КПСС как авангардной политической партии.

Источниками стабильности, укрепления «престижа и власти» называют якобы искусственно создаваемый партией «образ враждебного,

---

[2] Шеварднадзе Э. Дипломатия и наука: союз во имя будущего.— Коммунист, 1990, № 2, с. 18.

[3] См. The Soviets Terminal Crisis: All Roads Lead to Impasse.— International Herald Tribune, 5.I.1990.

[4] См. Vigor P. The Soviet View of Disarmament. L., 1986, p. 21, 110, 169; Wettig G. A New Soviet Approach to Negotiating on Arms Control. Köln, 1987, p. 11, 22; Odom W. Soviet Military Doctrine.— Foreign Affairs, 1988, vol. 67, No. 2, p. 126; Haig A. A Whole and Free Europe Must Be Anchored in the West.— The New York Times, 18.I.1990.

агрессивного капиталистического окружения», «манипуляции опасностью войны». Отсюда делается вывод, что разоружение не может занимать центрального места во внешнеполитической стратегии КПСС, так как оно противоречит требованиям «легитимности»[5].

Размышление над историческими корнями рассматриваемой системы аргументации позволяет сделать вывод, что возникновение ее имело свои предпосылки. Сегодня мы признаем, что командно-авторитарные методы не обошли и внешнеполитическую область, особенно в годы культа личности Сталина. Многие советские авторы возвращаются ныне к положению, впервые высказанному еще в 1947 г. классиком американской политологии Дж. Кеннаном[6], об отсутствии у Сталина подлинной заинтересованности в ослаблении международной напряженности. Эта напряженность нужна была ему для «поддержания своей авторитарно-репрессивной власти внутри страны и для распространения ее на другие страны социалистической системы»[7].

Проблема взаимосвязи внутренней и внешней политики применительно к сталинскому внешнеполитическому курсу еще ждет своих исследователей[8]. Вместе с тем, давая оценку мнениям многих консервативных советологов, следует сказать, что у них нет никаких оснований переносить ее на нынешнюю международную деятельность КПСС.

Коренное изменение ситуации в мире связано с новым политическим мышлением, которое вырабатывалось по мере освобождения от догматических представлений, переставших соответствовать реалиям наших дней. По мере углубления и развития его была всесторонне обоснована концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности, включающая не только военно-политический, но и экономический, экологический, гуманитарный аспекты. Правильность же самой концепции проверяется не только безукоризненностью ее научного обоснования, но и самим ходом событий на международной арене, где с 1985 г. инициативой прочно владеет Советский Союз. Это признают сегодня на Западе многие политологи[9]. Отсюда возникает вопрос: как можно совместить столь очевидный факт с тезисом о «заинтересованности» КПСС в «искусственном нагнетании напряженности»?

Обвинение партии во «всевозрастающей опоре на военную силу» как средстве выхода из кризиса и компенсации «утраты привлекательности системы» было доминирующим мотивом в дискуссии о перспективах безопасности в конце 70-х — начале 80-х годов. Абсолютизируя реально существующие трудности и противоречия в развитии социализма, неоконсервативные советологи выводили их из самой сущности строя, проецируя, таким образом, и на будущее «неизбежность опоры социализма на военную силу». Тем самым прогнозировалась и «невозможность» далеко идущих соглашений в области разоружения с Советским Союзом.

Насколько изменились акценты в аргументации советологов за время, прошедшее после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС? Как

---

[5] См. Daniels R. Russia. The Roots of Confrontation. Cambridge, 1985, p. 360; Rowny E. Ten Commandments for Negotiating with the Soviet Union.— In: A Game for High Stakes. Cambridge, 1986, p. 51.

[6] Полный текст статьи «Истоки советского поведения», оказавшей едва ли не определяющее влияние на формирование американского общественного мнения и отношение политических кругов к Советскому Союзу в послевоенный период, опубликован в журнале: «США: экономика, политика, идеология», 1989, № 12, с. 42—52.

[7] Дилигенский Г. О пользе ясности.— Мировая экономика и международные отношения, 1988, № 6, с. 56.

[8] Подробнее см. Адибеков Г. М. Три крутых поворота (О взаимосвязи внешней и внутренней политики КПСС).— Вопросы истории КПСС, 1990, № 3.

[9] См. Allison G. Testing Gorbachev.— Foreign Affairs, 1988, vol. 67, No. 1, p. 18; Talbott S. Back in Bussiness.— Time, 12.VI.1989, p. 12.

интерпретируется связь фактора перестройки с проблемами международной безопасности и перспективами разоружения?

Хотя дебаты на Западе еще далеко не завершены, некоторые выводы сделать уже можно. Если прибегнуть к допустимому упрощению, то можно сказать, что в центре практической стороны дискуссии находится, по существу, один вопрос: «Должен ли Запад помогать Горбачеву?» [10]. Ответы на него даются различные, в зависимости от того, как понимаются природа и цели перестройки, возможные ее внутренние и международные последствия. Здесь прослеживаются три направления.

Первое направление представляет крайний фланг консерватизма — «новые консерваторы» и «новые правые» (Р. Пайпс, Н. Подгорец, Ю. Ростоу, Р. Перл и др.). По их мнению, перестройка — это «очередная передышка». И если капиталистические государства будут «помогать Горбачеву», то может случиться так, что через 10—15 лет Западу придется иметь дело с более сильным Советским Союзом, «отремонтировавшим» с помощью иностранного капитала и технологий свою экономику, модернизировавшим свои вооружения и готовым для «нового этапа идеологического наступления и территориальной экспансии» [11].

Отсюда и отношение к инициативам СССР в области разоружения. «Предложения Горбачева об ограничении вооружений,— заявляет бывший заместитель министра обороны Р. Перл,— в любом случае увеличат мощь Советского Союза и приведут к продолжению массивных военных расходов» [12]. В том же духе на страницах своей новой книги «1999. Победа без войны» высказывается бывший президент США Р. Никсон: «Было бы крайне глупо делать уступки на переговорах по контролю над вооружениями, чтобы помочь Горбачеву добиться успехов дома» [13].

«Тревожная ностальгия» по жесткой определенности времен «холодной войны» звучит в прогнозе П. Нитце, который говорит о выборе между «коммунистической дисциплиной» и «хаосом и разрушением» в Советском Союзе. «Лучше хаос, чем коммунизм» [14],— советует он правительству США. Как идеологическую уловку коммунистов расценивает призывы КПСС к стабильности и предсказуемости У. Сэфайр. Ради победы «свободы», по его мнению, Запад «должен пойти на риск нестабильности» [15].

Авторы, рассматривающие перестройку как более утонченную форму агрессии, выдвинули идею новой «позитивной стратегии», представляющую собой «долгосрочный план, нацеленный на перманентное изменение природы Советского государства». Новая стратегия «выходит за пределы сдерживания, она **ищет победы»** (выделено мною.— *Г. Н.)*, «свободный мир должен попытаться сместить фокус международной дипломатии с вопроса о мире на Земле к вопросу о мировом порядке» [16]. Как видим, школа «абсолютистской советологии» не собирается без боя сдавать свои позиции, предпринимаются настойчивые попытки

---

[10] См. Киссинджер Г. США — СССР: конфронтация или сотрудничество? — Проблемы мира и социализма, 1988, № 2, с. 46; Zuckerman M. Should the West Help Gorbachev? — U. S. News and World Report, 19.X.1987, p. 57—58.

[11] Mandate for leadership III: Policy strategies for the 1990 s / Heritage Foundation. N. Y., 1989, p. 469—470.

[12] Perle R. The Dangers of Detente II.— U. S. News and World Report, 23.XI.1987, p. 38.

[13] Nixon R. 1999. Victory without War. N. Y., 1988, p. 33.

[14] Nitze P. Communism: The Believers in Party Power Arent Giving Up.— International Herald Tribune, 11.I.1990.

[15] Safire W. Heres to Unpredictability, That Essence of Freedom.— International Herald Tribune, 27.II.1990.

[16] Цит. по: Янов А. Новое мышление и американский «брежиевизм».— Международиая жизнь, 1989, № 1, с. 36, 37.

возродить консервативное движение [17]. И хотя их сегодняшние позиции в американском истэблишменте не выглядят убедительными, недооценивать это крыло, учитывая опыт «Комитета по существующей опасности», нельзя.

Второе направление представлено взглядами умеренных консерваторов и частично либеральными историками и политологами (У. Хайленд, А. Улам, Г. Аллисон, С. Биалер и др.). Выступая с критикой ультраправых, признавая положительное влияние перестройки на снижение угрозы ядерного столкновения, они рассматривают ее и как «время необыкновенных возможностей для американской политики» [18], рассуждают о возможности Соединенных Штатов «повлиять на направление, глубину и прочность советских реформ и процесс перемен в советском международном поведении с помощью соглашений об ограничении вооружений, экономических стимулов и политических шагов» [19].

Эти взгляды очень напоминают концепцию «детанта» Никсона — Киссинджера с их политикой «кнута и пряника», «увязок» и поисками лучшего «рычага давления» на Советский Союз с целью изменения его политики в «нужном» направлении.

Некоторые западные исследователи пытаются доказать, что между прежней и нынешней политикой нашей партии лежит пропасть. С. Биалер, например, утверждает: «Вплоть до нынешних реформ Советский Союз оставался экономически, политически, психологически в состоянии войны в мирное время...» [20]. Было бы неправильным не отметить стремления к преодолению стереотипов, проявившегося в опубликованных в 1987—1989 гг. в советской прессе статьях этого авторитетного американского ученого, поляка по происхождению, которого, как он сам говорит, 9 мая 1945 г. Советская Армия освободила из концлагеря [21]. Вместе с тем вызывает возражение тенденция преуменьшать значение фактора позитивной преемственности во внешнеполитическом курсе КПСС, что просматривается в последних работах С. Биалера. Вырабатывая новые подходы в духе нового мышления, партия опиралась именно на результаты своей миролюбивой политики. Эта политика — хотя в ней и были ошибки и акции, которые нельзя оценить однозначно,— «держалась генерального направления, которое выработал и проложил Ленин, то есть в соответствии с природой социализма, с его принципиальной ориентацией на мир» [22].

В работах советологов рассматриваемого направления часто можно встретить пожелания успеха перестройке. Ни в коей мере не ставя под сомнение искренность подобных пожеланий, стоит все же пристальнее присмотреться к тому, какой смысл вкладывается в понятие «перестройка». Не имеем ли мы здесь в отдельных случаях дело с ситуацией, когда создается эффект завышенных ожиданий, с тем чтобы некоторое время спустя высказать закладывающееся уже сейчас «разочарование» достигнутыми результатами? Ведь определенно можно сказать, что, например, надеждам на «либерализацию», как ее часто понимают на Западе, не суждено сбыться.

Еще один вариант зарезервированных «разочарований» находим у редактора солидного журнала «Форин Афферс» У. Хайленда: «В определенный момент, скажем, в течение следующих 2—4 лет, он

---

[17] См. An A to Z of Inequity: Editorial.— The Guardian, 12.I.1990; The Washington Times, 16.X.1989.

[18] Hyland W. Reagan—Gorbachev III.— Foreign Affairs, 1987, vol. 66, No. 1, p. 11.

[19] U. S. News and World Report, 19.X.1987, p. 58.

[20] Bialer S. Marx Had it Wrong. Does Gorbachev? — U. S. News and World Report, 19.X.1987, p. 41.

[21] См. Биалер С. Поворотный момент.— Известия, 29 октября 1987 г.; Биалер С. Гласность: взгляд изнутри.— За рубежом, 1988, № 25, с. 6—8.

[22] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988, с. 421.

(М. С. Горбачев.— *Г. Н.*), вероятно, столкнется с внутренним кризисом... Если он почувствует, что терпит неудачу... то это будет опасный период для Соединенных Штатов, так как соблазн компенсировать внутренние неудачи внешнеполитическими авантюрами может оказаться непреодолимым» [23]. В этом вйдении будущего проглядывается одна из сторон аргументации У. Хайленда в пользу смещения приоритетов, умаления ключевой роли процесса разоружения в ослаблении международной напряженности: можно ли приветствовать быстрые темпы в деле разоружения, если впереди, «вероятно», поджидает такой «опасный период»? Осторожность американского ученого можно понять: кризисные процессы в советском обществе еще далеко не преодолены. Можно также предположить, что с радикализацией перестройки в экономической сфере могут появиться новые элементы социальной напряженности и нестабильности, что в той или иной мере отразится и на политических структурах. Но если Запад действительно не заинтересован в подрыве «власти в стране, которая обладает десятками тысяч ядерных боезарядов и десятками ядерных реакторов» [24], то разве не была бы более логичной иная стратегия— ускорение процессса разоружения и многостороннее конструктивное деловое сотрудничество?

Есть признаки, что мышление либеральных критиков приближается именно к такому «конструктивному реализму». Не отбрасывая окончательно возможности возрождения консерватизма в СССР, они тем не менее считают, что активная позитивная реакция США может помочь советскому руководству продолжить позитивные перемены. Как отмечает в статье «Надлежащий ответ Горбачеву» профессор Иллинойсского университета Р. Поуп, «риск оказаться в худшем положении по отношению к новому консервативному советскому руководству перевешивают колоссальные преимущества, вытекающие из продолжения либерализации СССР. Консервативным советским лидерам будет чрезвычайно сложно утвердиться у власти в «позитивной» международной обстановке, в которой Вашингтон недвусмысленно продемонстрировал свою готовность сотрудничать с Москвой» [25].

Четкую позицию занимают представители третьего направления в дискуссии — историки и политологи последовательно либеральной ориентации (Дж. Кеннан, М. Шульман, С. Коэн, Р. Улман, А. Кокс и др.), консолидирующиеся на требованиях более адекватного учета реальностей стратегического паритета и отказа от «политики силы». Их методологические подходы и конкретно-политические рекомендации в наибольшей степени характеризуются склонностью к компромиссам и невоенным методам соперничества. Именно в этом духе оцениваются и «фактор перестройки», и ее влияние на процесс разоружения [26].

Стандартная для работ советологов первой половины 80-х годов тема «равной вины» СССР и США в срыве разрядки сейчас уступает место конструктивным призывам к радикальным шагам в области разоружения и отказу от «идеологического» подхода к Советскому Союзу, что, в частности, перекликается с проблемой освобождения политики от «идеологических предубеждений», о которой говорит советское руководство: «В нашей политике мы предприняли необходимые шаги с целью освобождения ее от идеологических предубеждений. И Западу нужно это сделать. В первую очередь отказаться от заблуждения, что

---

[23] Foreign Affairs, 1987, vol. 66. No. 1, pp. 10, 11.

[24] Киссинджер Г. Бойтесь краха Советского Союза.— За рубежом, 1990, № 15, с. 6 (статья из газеты «Нью-Йорк пост»).

[25] The Christian Science Monitor, 19.I.1990.

[26] См. Ullman R. Ending the Cold War.— Foreign Policy, Fall 1988; Friedman T. To Kennan, Risks Shield Gorbachev.— International Herald Tribune, 19.I.1990.

Советскому Союзу разоружение нужно больше, чем Западу, что стоит на нас надавить, нажать, и мы откажемся от принципа равенства. Этого не будет никогда»[27].

* * *

Процессу осмысления идей, связанных с перестройкой самого подхода к проблемам безопасности, мощный импульс придали выступление М. С. Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г., последующие крупномасштабные инициативы СССР.

Содержание появившихся на Западе аналитических комментариев позволяет выделить следующие характерные моменты: **во-первых,** признание серьезности намерений советского руководства и весомости выдвинутых инициатив; **во-вторых,** констатацию дефицита теории в НАТО; **в-третьих,** опасения углубления существующих в НАТО трений как в отношении военных программ, так и в отношении стратегии блока на переговорах по разоружению.

События 1989 г. в странах Восточной Европы внесли качественно новые черты в геостратегический рисунок послевоенного мира. «В условиях, когда Варшавский Договор начал таять, как кусок льда под горячими лучами солнца, руководители Пентагона неожиданно обнаружили, что у них нечем оправдать существование вооруженных сил, ежегодно поглощающих 300 млрд. долларов, причем 60 процентов этой суммы предназначено для ведения войны в Европе» [28],— отметила «Вашингтон пост».

Конкретные меры, предпринятые КПСС для поворота от принципа сверхвооруженности к принципу разумной достаточности, создали ситуацию, когда, по выражению газеты «Уолл-стрит джорнэл», «вооруженным силам США приходится приспосабливаться к новой, и очень отличной от прежней, угрозе — миру» [29].

Осознание новых реальностей, несомненно, стало одним из главных стимулов призыва к поискам ответа на «вызов Горбачева». Причем в отличие от недавнего прошлого эти поиски страны социализма намерены вести отнюдь не только в направлении отдельных ответных предложений. В мае 1989 г. на юбилейной сороковой сессии совета НАТО была одобрена «всеобъемлющая концепция» контроля над вооружениями [30]. Но, как замечает «Файнэншл таймс», «еще больше, чем концепция контроля над вооружениями, союзу сейчас нужна общая политическая концепция, указывающая, как реагировать на новую ситуацию, возникшую в результате «нового мышления» Горбачева» [31].

Указанные элементы новизны в реакции на «мирное наступление Советов» проявляются в тенденции многих западных аналитиков рассматривать политику КПСС в области разоружения и безопасности в гораздо более широком, чем прежде, политико-стратегическом контексте. В сущности, речь идет об оценке влияния разоруженческого вектора на характер, а также формы существования и соперничества разных социально-экономических и политических систем на пороге XXI века.

З. Бжезинский считает, что М. С. Горбачев, «повторяя во многом ход В. И. Ленина в Брест-Литовске в 1918 году... просит перемирия в«холодной войне». Именно в этом состоял реальный смысл его выступ-

---

[27] Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 265.
[28] The Washington Post, 26.XI.1989.
[29] The Wall-Street Journal, 15.XI.1989.
[30] См. A Comprehensive Concept of Arms Control and Disarmament.— NATO Review, 1989, No. 3.
[31] Financial Times, 20.XII.1988.

ления в декабре 1988 года на Генеральной Ассамблее ООН»[32]. По мнению авторов книги «Мандат руководству — III», подготовленной ультраконсервативной исследовательской организацией «Фонд наследия», администрации Дж. Буша следует исходить из посылки, что «СССР и его государственная система по-прежнему представляют собой самую значительную угрозу миру, свободе и процветанию». Президенту советуют всеми средствами способствовать такому развитию событий, которые могли бы привести к созданию «России без коммунизма»[33]. Правоконсервативные аналитики достаточно четко формулируют идею использования экономических затруднений Советского Союза для получения уступок на переговорах по разоружению и в политической сфере[34].

Твердое противодействие администрации Буша подобным нападкам со стороны правых, по словам крупного политолога профессора Гаррimановского института по изучению Советского Союза Маршалла Шульмана, имело большое значение для укрепления доверия между сторонами и развития конструктивного диалога. Как он отмечает в статье, опубликованной 7 июня в газете «Лос-Анджелес таймс», «советская сторона, конечно же, осознает, что в Соединенных Штатах существует давление правых кругов, стремящихся провозгласить победу в «холодной войне» и путем давления добиться от СССР максимальных уступок, а может быть, и ускорить крах Советского Союза. У советской стороны вызвало облегчение то, что президент Буш не поддался такому давлению и объявил, что интересам США отвечает продолжение реформ в СССР». «Кроме того,— продолжает Шульман,— Советы также поняли, что только стоящая на центристских позициях и пользующаяся доверием консерваторов администрация может успешно сдерживать давление правых кругов Соединенных Штатов. Нападки обозревателей и политиков правого толка последовали стремительно — по вопросу Литвы, торговли, еврейской эмиграции и якобы сделанных американской стороной уступок в области контроля над вооружениями»[35].

Однако меняющаяся расстановка сил в советологии характеризуется все более заметным сдвигом к центру, к более прагматичному, лишенному идеологических ярлыков анализу обновленной политики КПСС в области разоружения. Правоконсервативная лоббистская организация «Американский совет безопасности», например, за период с 1985 г. потеряла половину из 300 тыс. своих членов[36].

В целом мнения американских специалистов укладываются в основном в рамки, очерченные профессором Ч. Гати из Юнион-колледжа: «Курс американской политики должен пролегать между двумя противоречащими друг другу предпосылками. Одна из них состоит в том, что в Советском Союзе и Европе действительно происходят исторические перемены. Другая — в том, что эти перемены носят обратимый характер»[37].

Подобный подход нашел отражение и в официальной политике. В мае 1989 г. президент Дж. Буш выдвинул концепцию «выхода за рамки сдерживания»[38], опирающуюся на перспективу конструктивного взаимодействия, стабильности и безопасности. В Соединенных Штатах процесс разоружения стал все более связываться не только с вопросами безопасности, но и с перспективами значительного экономического выиг-

[32] Бжезинский З. Окончилась ли «холодная война»? — Международная жизнь, 1989, № 10, с. 36.
[33] Mandate for leadership III, p. 493.
[34] Foreign Affairs, 1988, vol. 67, No. 2, p. 134.
[35] Los Angeles Times, 7.VI.1990.
[36] International Herald Tribune, 13.II.1990.
[37] The New York Times, 19.XI.1989.
[38] См. The New York Times, 13.V.1989; Blacker C. The New United States — Soviet Detente.— Current History, 1989, vol. 88, No. 540 p. 321.

рыша. Заговорили о смене национальных приоритетов, то есть о смещении акцентов с оборонных расходов на внутриэкономические и социальные [39], спорят о том, как эффективнее использовать «дивиденды мира». В представленном Бушем в конгресс проекте федерального бюджета на 1991 год на все военные программы запрашивается 303,3 млрд. долларов против 296,3 млрд. в текущем году. С учетом инфляции это означает сокращение в реальном исчислении на 2% [40].

Заметное место в дискуссиях занимает тема будущего Европы. Помимо концепций «общеевропейского дома» М. С. Горбачева, «европейской конфедерации» Ф. Миттерана, «нового атлантизма» Дж. Бейкера, много внимания уделяется судьбе НАТО и ее военных концепций. К сожалению, несмотря на признание необходимости усиления политического акцента в деятельности НАТО, стратегия «гибкого реагирования» (возможность нескольких вариантов ответа на агрессию вплоть до использования первыми ядерного оружия) и «оборона на передовых рубежах» по-прежнему остаются «альфой и омегой» атлантической мудрости. Не наблюдается и отказа от тактического ядерного оружия в Европе и стратегии «нападения на противника далеко за фронтовыми линиями европейского конфликта» [41]. Тревожным диссонансом в поиске постоянных общеевропейских структур безопасности выглядят попытки увековечить Североатлантический альянс. «НАТО,— заявляет А. Хейг,— в гораздо большей степени, чем громоздкое Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкский процесс) с неотъемлемым советским вето, обладает сильными мускулами, которые поддерживают европейскую безопасность» [42].

И все же, хотя бастионы старого мышления еще сильны, тенденция к упрочению политических основ безопасности получает все большую общественную поддержку. Появились признаки преодоления слабости антивоенных сил прежних лет — недостаточной организованности и сплоченности. В январе 1990 г. в Вашингтоне было объявлено о создании неправительственной организации «Комитет по всеобщей безопасности» [43]. Политическая платформа комитета сформулирована в документе «Призыв к действиям. Всеобщая безопасность и наше общее будущее», который поддержали 36 других антивоенных групп.

По мнению авторов документа, в числе приоритетов внешней политики США в 90-е годы должны быть радикальное сокращение вооружений до уровня разумной достаточности, прекращение ядерных испытаний, публичный отказ от попыток нанесения первыми ядерного удара, создание безъядерных зон, ликвидация военных баз на территориях стран «третьего мира». «Что касается Советского Союза,— говорится в рекомендациях комитета администрации Дж. Буша,— не может быть сомнений в эффективности действий президента Горбачева как политического лидера и человека, способного определить болезни советской

[39] Дефицит федерального бюджета США в 1989 финансовом году составил 152 млрд. долл., а государственный долг превысил 2 трлн. 188,8 млрд. долл. В последние три года США тратили в среднем на душу населения 1155 долл. из валового национального продукта на военные приготовления, тогда как их союзники — лишь 318 долл. (The New York Times, 9.I.1990).

[40] См. The New York Times, 9.II.1990.

[41] См. Financial Times, 17.I.1990.

[42] The New York Times, 18.I.1990.

[43] В состав руководящих органов комитета вошли 128 видных политических и общественных деятелей США, представители академических, деловых, религиозных кругов, руководители ряда крупных общенациональных профсоюзов. Среди них — профессор Дж. Гэлбрейт, бывший председатель сенатского комитета по иностранным делам У. Фулбрайт, известный историк А. Шлессинджер, политолог, в прошлом один из ведущих сотрудников разведывательного управления министерства обороны США П. Уокер, директор Института экономической политики Дж. Фаукс, бывший директор ЦРУ У. Колби, знаменитый врач Б. Спок.

экономики. В долгосрочной перспективе успех президента Горбачева отвечает интересам международного сообщества. ...И, конечно, перестройка нуждается в широкой политической поддержке американского народа» [44].

Такая позиция отражает значительные изменения в подходе большинства американцев к вопросам безопасности. В 1981 г. 58% опрошенных высказывалось за увеличение военных расходов. Ныне — только 10%. Показателен тот факт, что около 70% американцев рассматривают экономическое соперничество с Японией как «бо́льшую угрозу безопасности Соединенных Штатов, нежели соперничество в военной области с Советским Союзом» [45].

Перестройка подстегнула перемены в настроениях на Западе, стимулировала рационалистический поворот в американской и западноевропейской политической мысли. Возросший уровень взаимного понимания, продвижение на переговорах по разоружению — подтверждение правильности выбранного пути.

* * *

Важной характеристикой нового политического мышления является требование постоянного ви́дения перспективы, своевременной оценки возможных вариантов будущего развития. Что нового можно ожидать в подходах и аргументации наших оппонентов в ближайшей перспективе? Какие тенденции, вероятнее всего, получат дальнейшее развитие?

Можно предположить последовательное расширение диапазона затрагиваемых в полемике вопросов. Помимо очевидной уже сейчас концентрации внимания на подходе КПСС к проблеме взаимосвязи между ядерными и обычными, наступательными и оборонительными вооружениями, одной из центральных станет тема отношения КПСС к вопросу о том, в чем состоит разумная достаточность при снижении уровней военных потенциалов.

В этой связи нельзя не обратить внимания на активизацию попыток вызвать крайне пацифистские настроения у советских людей, прежде всего у молодежи, что проявляется в призывах к одностороннему разоружению.

Безусловно, односторонние меры в ограничении и сокращении вооружений и вооруженных сил ни в коей мере нельзя исключать из арсенала методов борьбы за разоружение. Как показывает опыт, их использование, не ослабляя безопасности Советского Союза, в то же время способствует росту его внешнеполитического престижа, созданию благоприятной международной атмосферы для ведения переговоров. Однако это совсем не означает априорного предпочтения односторонних мер и жесткой привязки их к принципу оборонной достаточности. Даже будучи в своей сути уступкой здравому смыслу, односторонние асимметричные меры при определенных обстоятельствах могут быть расценены другой стороной как признак «стратегической слабости» и как «национальное унижение», что может создать непредвиденные трудности при ратификации перспективных договоров в нашем парламенте.

По мере продвижения к радикальным сокращениям стратегических ядерных вооружений СССР и США все более заметной будет «европеизация» дебатов о разоружении. В повестку дня встанет вопрос о ядерных потенциалах Англии и Франции, что неизбежно активизирует полемику относительно ценности «ядерного сдерживания», учитывая извест-

[44] The Washington Post, 10.I.1990.
[45] Ibidem.

ную позицию правительств этих государств[46]. По-видимому, далеко не последнюю роль в этой полемике будет играть аргумент об относительной дешевизне ядерного оружия по сравнению с содержанием сил общего назначения и обычных вооружений. А учитывая существующее представление о стране, обладающей ядерным оружием, как о «великой державе», можно предположить, что призывы Советского Союза к безъядерному миру все чаще будут пытаться изобразить как замаскированное стремление к гегемонии, ссылаясь на размеры его территории, численность населения и «исторические традиции».

Естественно, приведенные примеры возможных узлов полемики не исчерпывают их полностью. Приступая к строительству общеевропейского дома, мы чистим свой дом, освобождаемся от стереотипов. Протяженность этого процесса во времени объективна и создает возможность для сторонних наблюдателей, с одной стороны, указывать на не убранный еще хлам, а с другой стороны, рассуждать о неясности, неразработанности новых идей. Так, кстати, некоторые авторы и поступают, ставя под сомнение искренность новых подходов КПСС. Те же, кто пытается непредвзято анализировать происходящие перемены в СССР, отмечают укрепление позитивных тенденций, видят главное: новые подходы КПСС, устраняя элементы нестабильности, создают предпосылки для преодоления конфронтационных начал в мировой политике. Важным подспорьем для укрепления таких взглядов должно стать решение вопроса о существенном расширении информации по военно-политическим проблемам.

Трудно понять, например, что помешало нам в свое время опубликовать такие документы, как согласованные советско-американские заявления, принятые в связи с подписанием Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и Договора по ограничению систем противоракетной обороны, а также ряд документов, относящихся к Договору ОСВ-2[47]. Между тем этот факт охотно использовался для всякого рода домыслов и искажений политики КПСС. Он идеально вписывался в гиперболизированный тезис о «вечной скрытности» Советов[48].

По-видимому, назрела необходимость разработки целостной программы информационного обеспечения военно-политической проблематики. В этой связи представляется целесообразным ввести в практику представление в Верховный Совет ежегодного доклада министра обороны СССР, содержащего отчет о деятельности Вооруженных Сил, исполнении бюджета Министерства обороны, а также обоснование запроса о выделении средств на военные расходы. Такая практика, устраняя имеющиеся еще в военно-политической сфере нерациональные запреты в области информации, стимулировала бы процесс размывания «образа врага», позволила бы адекватно реагировать на международные и внутренние факторы, находящиеся в постоянной динамике. Необходимо разработать законодательный механизм перспективного и текущего строительства Вооруженных Сил СССР, включая основные военные программы.

Чрезвычайно актуальным в рамках большой работы по обновлению концепции авангардной роли КПСС является углубленное изучение ме-

---

[46] И Париж, и Лондон планируют увеличение своих военных бюджетов. Великобритания увеличивает его в течение двух лет на 2 млрд. фунтов стерлингов и доведет до 22 млрд. Политические деятели двух стран поддерживают идею создания англо-французской ракеты класса «воздух — земля», которая могла бы иметь дальность действия, превосходящую пределы Восточной Европы (Financial Times, 17.I.1990).

[47] См. Борьба СССР против ядерной опасности, гонки вооружений и за разоружение. Документы и материалы. М., 1987, с. 6, 362, 367, 409, 411.

[48] См. Brzezinski Z. The Danger of Disarming.— The New York Times Magazine, 1987, April 5, p. 51—52.

ханизма партийного влияния на процесс принятия решений в сфере внешней политики как на теоретическом уровне, так и в плане исследования конкретных ситуаций (Карибский кризис, Афганистан, переговоры об ОСВ и др.). Пока таких исследований нет, соответствующим образом ориентированные советологи будут продолжать использовать эти «белые пятна», предлагая собственные, построенные на домыслах варианты.

С другой стороны, более четкое представление о процессе принятия решений позволит реально, а не на словах, задействовать систему общественного контроля, «действенный конституционно-полномочный механизм делового и квалифицированного обсуждения вопросов международной политики», о котором говорилось на XIX Всесоюзной партийной конференции [49]. Это поможет также избавиться от обезлички и уравниловки в сфере внешней политики, так как ответственность будет гласной и персонифицированной.

Учитывая, что в современном мире сохраняются государства, не готовые в обозримом будущем отказаться от ядерного оружия, что все большим перегрузкам подвергается режим нераспространения ядерного оружия и военной ракетной технологии [50], необходимо, сохраняя в качестве конечной цели ликвидацию этого оружия, разработать концепцию минимального ядерного сдерживания, которая обеспечивала бы национальную безопасность СССР.

Нынешнее состояние международных отношений и экономическое положение Советского Союза требуют анализа состояния нашего военного сотрудничества с другими государствами. В этих целях было бы целесообразно поручить Министерству обороны совместно с МВЭС и МИД СССР, другими заинтересованными ведомствами представить Верховному Совету СССР доклад («Белую книгу») о военной помощи СССР другим странам, включая торговлю и поставки оружия. Необходимо обобщить порядок предоставления военной помощи и продажи оружия и технологий другим странам.

В связи с необходимостью последовательного воплощения в жизнь принципов гласности, открытости в военно-политической сфере следует на основе взаимности пересмотреть действующие нормы в отношении секретности. Извлекая урок из истории с Красноярской станцией РЛС [51], надо подумать о разработке более надежного механизма интеграции военных и дипломатических усилий.

В мире утверждается тенденция к многополюсности, повышению активности малых и средних держав, их самостоятельности. Проявляются разногласия в восприятии угрозы и в «разделении бремени». Все это может негативно повлиять на процесс демонтажа системы конфронтации. Следовательно, чтобы избежать этого, управление разоруженческим процессом должно осуществляться на все более широкой основе, с тем чтобы оно отражало интересы всех стран и чтобы разрабатываемая политика позволяла рассчитывать на всеобщую поддержку. Это неизбежно должно вести к усилению роли ООН.

---

[49] См. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. В 2-х т. Т. I. Стенограф. отчет. М., 1988, с. 45.

[50] Имеется восемь государств, осуществляющих значительную ядерную деятельность, которые не являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия: Аргентина, Бразилия, Израиль, Индия, Куба, Пакистан, Чили и ЮАР. В пяти из них действуют не находящиеся под гарантиями МАГАТЭ ядерные установки и накапливаются материалы, пригодные для создания ядерных взрывных устройств. К концу 80-х годов около 20 стран имели на вооружении баллистические ракеты. Эти процессы разворачиваются в условиях, когда примерно 40 стран охвачены военными конфликтами, служат ареной тайных переходов границ и терроризма. (См. Разоружение и безопасность. Ежегодник ИМЭМО. 1988—1989. М., 1989, с. 602, 615; Financial Times, 5.IX.1989).

[51] См. Разоружение и безопасность, с. 102—104.

Важное значение приобретает синхронизация процессов демилитаризации по регионам. Созрела обстановка для того, чтобы и в Азии — втором по важности театре советско-американской конфронтации — созвать форум для обсуждения проблем безопасности и разоружения.

Для того чтобы успешно решить задачу обеспечения национальной безопасности, выявить отвечающие реальностям подходы к проблемам военного строительства, необходимо всесторонне исследовать уровень сегодняшних и завтрашних угроз и вызовов национальной безопасности СССР. Традиционные представления об угрозах, по-видимому, нуждаются в существенном обновлении, с тем чтобы они включали такие проблемы, как ухудшение состояния окружающей среды, терроризм, беженцы, торговля наркотиками.

В условиях демократизации политики безопасности важный резерв видится в создании независимых, хозрасчетных политологических центров и институтов [52]. Первым шагом к этому явилась проходившая в январе нынешнего года «Независимая общественная экспертиза состояния военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР». В ней приняли участие ответственные сотрудники ЦК КПСС, представители Министерств обороны, иностранных дел, внутренних дел, ученые ряда академических и ведомственных институтов, преподаватели военных и гражданских вузов, представители различных общественных организаций и движений, а также народные депутаты СССР. Было бы полезно и в дальнейшем регулярно использовать эту многообещающую форму коллективного исследования жизненно важных проблем.

* * *

Перестройка вывела внешнюю политику КПСС на новые рубежи. Это значит, что и от науки требуется сегодня новый уровень глубины. Избавление от стереотипов должно помочь быстрее выйти на восприятие не только прошлого, но и современных реалий во всей их полноте, сложности и противоречивости, что означает критическое осмысление как накопленного опыта, так и современных акций, текущей внешней политики.

Первая половина года насыщена многочисленными встречами М. С. Горбачева с лидерами ведущих стран Запада: Бушем, Миттераном, Тэтчер и др., из них особо выделяется советско-американская встреча в верхах в Вашингтоне. Что же конкретно можно ждать от вашингтонской встречи в 90-х годах? Произошли сдвиги на главном направлении — в области разоружения, установления мостов взаимопонимания и доверия между Востоком и Западом, уходит в прошлое «образ врага», спадают идеологические шоры, цивилизация заметно продвинулась к мирному периоду в своей тысячелетней истории. Но нельзя забывать и о другом. Как заметил М. С. Горбачев на приеме в честь президента США Дж. Буша, пока еще «сохраняются разногласия относительно оптимальной конструкции наших отношений» [53]. Ведь демонтаж такого грандиозного по своим масштабам монумента «холодной войны» — далеко не простое и не безопасное дело: требуются глубокая осторожность, выверенный баланс в разборке этого монумента. Нужны внимательность в отношении к позициям друг друга, иные структуры, иные гарантии безопасности, новые идеи в деле всеобщего развития и общечеловеческого единения. И тогда можно надеяться, что мир будет более спокойным и безопасным.

[52] См. Яновский Р. Г.— Мы — граждане.— Международная жизнь, 1989, № 10, с. 32.

[53] Правда, 3 июня 1990 г.

ИЗ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТАЛИНИЗМА

(Как готовилось постановление ЦК «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса итории ВКП(б)»)

Н. Н. МАСЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор

Выход в свет учебника «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (1938 г.) повлек за собой переделку всей пропагандистской машины в соответствии с условиями административно-командной системы и культа личности. Завершающим аккордом в процессе внедрения в сознание советского народа чуждой марксизму-ленинизму идеологии сталинизма явилось постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)».

Это постановление предполагало превращение «Краткого курса истории ВКП (б)», объявленного гениальным творением самого Сталина, в средство окончательного утверждения «теории» двух вождей партии и революции, умалявшей на деле великие исторические заслуги Ленина.

И. В. Сталин предпочитал открыто не критиковать В. И. Ленина. Однако, превращая ленинизм в «икону», на словах канонизируя те или иные его положения, изображая себя в качестве единственного верного ученика и последователя Ленина, он изгонял из ленинизма творческий дух, диалектический метод и реалистическое содержание. Формула «Сталин — это Ленин сегодня» означала не только попытку поднять Сталина на недосягаемый уровень, но и, по сути дела, свести ленинизм к его вульгаризированному изложению в сталинских трудах. Следует подчеркнуть, что к концу 30-х годов Сталин расправился со всеми инакомыслящими и соперниками в борьбе за власть и его мнение в ЦК ВКП (б), по сути, стало непререкаемым.

Защищая сейчас Ленина от тех, кто пытается представить его в качестве основоположника доктрины, якобы реализованной Сталиным в форме насильственно насаждавшегося «казарменного социализма», необходимо доказать несовместимость сталинизма и ленинизма. Первый означал отнюдь не развитие второго, а полный разрыв с ним, прикрываемый фарисейскими утверждениями о «верности» марксистско-ленинскому учению. Все это с особой ясностью высвечивается как при анализе содержания постановления ЦК ВКП (б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)», так и при выяснении истории его подготовки и публикации. Это особенно важно потому, что с момента принятия этого документа концепция «Краткого курса» несколько десятилетий являлась доминирующей в историко-партийной науке, а ее рецидивы проявляются и поныне.

Следует отметить, что если «Краткий курс» многократно подвергался критике — и в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, и на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г., и в научной и научно-

популярной литературе 1956—1965 гг. и 1986—1989 гг.[1], то названное постановление ЦК ВКП(б) до сих пор еще не стало объектом специального критического рассмотрения.

Интересно, что это формально не отмененное постановление, опубликованное в последний раз в 1954 г. в 7-м издании многотомного сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»[2], не вошло (без объяснения причин) в последующие, 8-е и 9-е, издания. Похоже, что составители этих изданий, выходивших в период попыток реабилитации сталинизма, решили «избавиться» таким способом от одиозного документа, сделать вид, что его как бы вовсе не существовало.

Тем более важно сейчас, в условиях восстановления ленинской методологии социального исследования, решительного преодоления идейных последствий сталинизма, раскрыть историю подготовки и публикации названного документа и определить его подлинное историческое значение. Настоящее сообщение посвящено этой цели.

* * *

Впервые постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» было опубликовано в «Правде» 15 ноября 1938 г. Оно состояло из четырех частей и короткого заключения, в котором формулировались основные задачи партийной пропаганды.

Остановимся вкратце на содержании этого полузабытого документа, который сегодня мало известен даже специалистам.

Первая часть постановления содержала оценку значения выхода в свет, содержания и главных задач изучения «Краткого курса». «Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)»,— отмечалось в документе,— является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б)» партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии — научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт Коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире». В этом пассаже — что ни слово, то искажение истины.

«Краткий курс» отнюдь не был ни «научной историей» большевизма, которая подверглась в нем беспощадной фальсификации, ни «энциклопедией марксизма-ленинизма», ни «могучим идейным оружием большевизма». Эта книга была, как уже отмечалось, энциклопедией культа личности Сталина, идеологии сталинизма.

Тем не менее постановление канонизировало «Краткий курс», вычеркнув при этом из обращения практически всю ранее изданную историко-партийную литературу. «Необходимо было,— утверждалось в нем,— дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории

[1] Подробно см. Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука.— Вопросы истории КПСС, 1988, № 5; Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина.— Там же, 1988, № 11.

[2] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 3. 7-е изд. М., 1954, с. 316—332.

партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии»[3]. Это превращало «Краткий курс» в большевистский катехизис, окончательно догматизировало историко-партийное знание, являлось тормозом на пути творческого развития марксизма-ленинизма.

В постановлении констатировалось, что издание «Краткого курса истории ВКП(б)» ликвидирует разрыв между марксизмом и ленинизмом, восстанавливает единство всех частей марксистско-ленинского учения, позволяет изучать историю партии не на базе лиц и их биографий, а на базе «развертывания основных идей марксизма-ленинизма»[4]. Утверждение об установлении такого единства, как уже не раз свидетельствовали советские историки, не соответствовало действительности, впрочем, так же, как и дальнейшие заверения, содержащиеся в документе, будто «Краткий курс» кладет конец вульгаризации и фальсификации истории партии, опошлению марксизма-ленинизма, антиисторическому освещению прошлого. Наоборот, именно эти отрицательные свойства были в полной мере присущи самому «Краткому курсу», авторы и редакторы которого, и прежде всего Сталин, принимавший активное участие в подготовке учебника, подчинили его антинаучному и, следовательно, антимарксистскому изложению истории большевизма.

Что же касается изучения прошлого партии «не на базе лиц», то с легкой руки авторов книги действительно длительное время происходило обезличивание истории партии, что, однако, никак не являлось ее достоинством, а, напротив, серьезным недостатком, который преодолевается лишь сегодня.

Вторая часть постановления ЦК ВКП(б) была посвящена вопросам организации партийной пропаганды. Здесь отмечался коренной недостаток руководства ею — отсутствие должной централизации, что вело якобы к кустарничеству и неорганизованности. Типичное проявление «кустарщины» постановление усматривало в том, что основной формой партийной учебы стала устная пропаганда через кружки[5]. В связи с этим указывалось, что «в пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место»[6].

Требование унифицировать идеологическую обработку общества выводилось из признания запущенности идейного воспитания кадров, в особенности интеллигенции. «Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции,— демагогически провозглашало постановление,— является диким, хулиганским и опасным для Советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишенная идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры»[7]. Эти утверждения вполне соответствовали укоренившейся в то время политике массовых необоснованных репрессий. Постановление подчеркивало, что средством воспитания советской интеллигенции в духе марксизма-ленинизма является «Краткий курс истории ВКП(б)».

В третьей, постановляющей, части документа излагались конкретные задачи «тотальной» организации и содержания партийной пропаганды. Ее основой должен был стать «Краткий курс», изучение которого

[3] Там же, с. 316.
[4] Там же, с. 317.
[5] См. там же, с. 319—320.
[6] Там же, с. 322.
[7] Там же, с. 324.

следовало дифференцировать в зависимости от уровня подготовки слушателей: для низшего звена, где имелась значительная часть недостаточно подготовленных людей, его предлагалось изучать в сокращенном объеме; для среднего звена — полностью по главам; для высшего, наиболее подготовленного звена — по подразделам глав «Краткого курса» с привлечением первоисточников — произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Намечалось также резко сократить количество кружков и шире практиковать лекции, «являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма», усилить подготовку пропагандистов и широко распространять опыт лучших из них [8].

Характерно, что один из пунктов постановления содержал формулировку, ставшую на многие годы штампом критической оценки идеологической подготовки кадров. Отмечалось серьезное отставание работников теоретического фронта, «проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении начетничества и буквоедства, в вульгаризации и опошлении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства» [9]. Время показало, что «Краткий курс» не только не помог ученым-обществоведам и пропагандистам избавиться от этих недостатков, но, напротив, активно способствовал их укоренению.

ЦК ВКП(б) отмечал также неудовлетворительную работу Института Маркса — Энгельса — Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на русский язык Сочинений Маркса и Энгельса, а также — далее следовали сакраментальные выражения — «грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам Сочинений Ленина» [10]. Такая квалификация попстине леденила творческую мысль.

Последняя часть этого раздела посвящалась вопросам организации партийной учебы и преподавания марксизма-ленинизма в высшей школе. В частности, предписывалось «взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма»...

Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)» с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма» [11]. Это привело к тому, что шаблон и единообразие в преподавании общественных наук остались в высшей школе на долгие годы.

Четвертый раздел постановления содержал решения по структуре партийных органов (объединение отделов партийной пропаганды и агитации и отделов печати и издательств ЦК ВКП(б) и других партийных комитетов в единые отделы пропаганды и агитации, и реорганизация культпропов горкомов и райкомов партии в отделы пропаганды и агитации) и по совершенствованию их работы.

В заключение постановления говорилось: «ЦК ВКП(б) подчеркивает, что выход в свет «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» должен стать началом поворота наших кадров... к ликвидации своей теоретической отсталости. «Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа» [12]. Подобная фразеология укоренилась в идеологической работе на десятилетия. «Мощный подъем»,

[8] См. там же, с. 324—326.
[9] Там же, с. 328.
[10] Там же, с. 329.
[11] Там же, с. 330.
[12] Там же, с. 332.

«крутой поворот», «коренной перелом» — сколько раз читали мы эти слова, за которыми очень часто ничего не следовало...

Сейчас можно только удивляться двойственности этого документа, в котором, с одной стороны, лицемерно провозглашалось немало правильных общих мыслей о марксистско-ленинской учебе кадров, осуждались недостатки в пропагандистской и научно-теоретической работе, выдвигалось требование их совершенствования, но, с другой стороны, делалось это во имя распространения и внедрения в сознание масс антимарксистских идей, фальсифицированной истории и культа личности Сталина.

* * *

Появление газетного варианта «Краткого курса истории ВКП(б)», публиковавшегося отдельными главами в «Правде» с 9 по 19 сентября 1938 г., сопровождалось помпезной пропагандистской кампанией, охватившей периодическую печать, партийные органы и организации, учебные заведения, воинские учреждения и т. д. Уже 9 сентября 1938 г. «Правда», поместившая на своих страницах введение и I главу «Краткого курса», в передовой статье «Глубоко изучать историю партии Ленина — Сталина» писала: «В результате громадной теоретической работы, проделанной Комиссией ЦК ВКП(б), лично товарищем Сталиным,— наша партия, комсомол, все трудящиеся получили научный труд, запечатлевший со всей глубиной славную историю борьбы и побед партии Ленина—Сталина. ...Долг каждого большевика, партийного и непартийного, приступить к серьезному, внимательному, настойчивому изучению краткого курса истории ВКП(б), являющегося незаменимым руководством по овладению большевизмом». 11 сентября «Правда» наряду с III главой «Краткого курса» публикует постановление ЦК КП(б) Украины о его изучении. В этом документе говорилось: «ЦК КП(б)У приветствует выход в свет величайшего исторического документа мирового значения... научной истории ВКП(б), который является результатом громадной теоретической работы, проделанной комиссией ЦК ВКП(б), лично вождем партии, гением человечества товарищем Сталиным». В том же номере «Правды» сообщалось, что в частях и подразделениях Красной Армии проходят читки «Краткого курса», публикуемого газетой. В последующем почти в каждом ее номере, где печатались соответствующие главы учебника, помещались и передовые статьи, безудержно восхвалявшие как саму книгу, так и «ее творца» — Сталина.

Наконец, в «Правде» 19 сентября 1938 г. вместе с последней, XII главой и Заключением появилась передовая «Непобедимая сила марксизма-ленинизма». В ней, в частности, отмечалось, что Заключение к «Краткому курсу», которое заканчивается «ярким художественным образом знаменитого героя греческой мифологии — Антея», символизирующего партию большевиков, принадлежит самому Сталину [13].

Таким образом, еще в период газетной публикации «Краткого курса» велась соответствующая идеологическая подготовка, в стране нагнеталась обстановка всеобщего истерического восторга вокруг нового учебника истории партии, формулировалось требование необходимости его немедленного изучения всеми как последнего и высшего слова марксистско-ленинской науки, сказанного самим Сталиным.

В конце сентября — начале октября 1938 г. ЦК ВКП(б) провел совещание пропагандистов Москвы и Ленинграда по вопросу изучения истории ВКП(б). Открыл его секретарь ЦК А. А. Жданов. Дважды перед

[13] См. Правда, 19 сентября 1938 г.; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, с. 346.

собравшимися выступил Сталин. Кроме того, он многократно вмешивался репликами и вопросами в выступления других ораторов.

Совещание, по мысли его организаторов, должно было одобрить «Краткий курс», определить формы его изучения широкими слоями народа. Здесь оттачивались формулировки будущего постановления ЦК ВКП(б) о задачах партийной пропаганды в связи с выходом этой книги и решительно пресекались попытки отнестись к ней сколько-нибудь критически [14].

Во вступительном слове Жданова была дана прямо-таки фантастически высокая оценка новому учебнику. «Появление «Краткого курса истории ВКП(б)»,— сказал он,— являющегося сокровищницей большевизма, являющегося энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма, знаний теоретических, организационных, философских, военных, экономических», есть событие всемирного значения. Поэтому, продолжал Жданов, задача «связана с тем, чтобы овладели большевизмом не только кадры пропагандистов, но кадры советские, кадры хозяйственные, кадры организационные, кооперативные и учащаяся молодежь». «Служащие!» — бросил реплику Сталин. «Люди,— подхватил Жданов,— которые имеют непосредственное отношение к управлению государством, ибо нельзя управлять таким государством, как наше, не будучи в курсе дела, не будучи подкованным в отношении теоретических знаний» [15].

Иными словами, «Краткий курс истории ВКП(б)» должен был стать пособием для идейного воспитания прежде всего работников аппарата. Создание к этому времени административно-бюрократической системы, охватившей своим влиянием и воздействием все сферы жизни общества, требовало идеологического единства и политического единомыслия. Она должна была действовать как один человек, выполняя предначертания и указания «великого вождя и учителя всех народов». Что это было именно так, что выпуск нового пособия по истории партии не случайно совпал с завершением в основном создания командно-административной системы, подтвердил, не подозревая этого, сам Жданов. «Вы знаете,— сказал он,— что партия занималась в практической работе строительством социализма... Все эти вопросы (коллективизация, индустриализация, реконструкция, усиление обороны.— *Н. М.*) не давали возможности вплотную подойти к вопросам пропаганды, к вопросам повышения теоретического уровня партии. Теперь партия вплотную добирается до вопросов нашей теоретической и пропагандистской работы... Теперь уже от вас (пропагандистов и организаторов пропагандистского дела.— *Н. М.*) зависит, чтобы то величайшее оружие, которое вложено в руки нашей партии и в руки международного коммунистического движения — эта замечательная книжка истории ВКП(б),— чтобы это оружие в ваших руках било прямо в цель, поднимало массы на дальнейшую борьбу, обучало кадры большевизму и тем самым давало кадрам соответствующую закалку для грядущих боев» [16].

Заметим, однако, что еще в 1929 г. руководство ВКП(б) начало массированное наступление на идеологическом фронте в направлении политизации общественных наук, подчинения их «новому» (то есть сталинскому) пониманию проблем, ограничения свободы научной мысли, внедрения командования и диктата в науке. Последовательно — сначала политэкономию, затем философию, наконец, историю партии — Сталин

---

[14] Материалы этого совещания и тексты выступлений на нем Сталина ранее не публиковались и хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 17, оп. 120, д. 307, 308, 310, 311). В ряде случаев не удалось восстановить инициалы и место работы выступавших на совещании, так как они не указаны в стенограмме.

[15] Там же, д. 307, л. 2, 3.

[16] Там же, л. 4—5.

превратил в инструмент создания культа своей личности и оправдания командно-административной системы. Это сопровождалось проработкой ученых, наклеиванием многим из них политических ярлыков и обвинениями в меньшевистской, троцкистской или правооппортунистической «контрабанде», за которыми следовали оргвыводы, а затем и репрессии.

Репрессии 1937—1938 гг. привели к уничтожению ленинской партийной гвардии, значительной части передовой интеллигенции, многих рядовых тружеников из среды рабочих и крестьян. В стране была создана обстановка страха, тотальной подозрительности, доносительства, причудливо сочетавшаяся с искренней верой масс в успехи социализма, в близость построения коммунизма, с порожденным этой верой неподдельным энтузиазмом народа. Сталин цинично эксплуатировал эту веру, насаждая в стране свою «казарменную модель» социализма, и в то же время постоянно ссылался на Маркса и Ленина, утверждая, что сам он достойный ученик Ленина, неуклонно следующий его заветам [17].

Заменив старых партийных и государственных деятелей новыми, лично преданными ему кадрами, Сталин счел необходимым вооружить их и новой идеологией, подлинное имя которой — сталинизм. Ее особенность заключалась в том, что она покоилась на догматизме и схоластике, предполагала не творческое освоение марксистской теории, а заучивание ее положений как неизменных постулатов, не убеждение, а слепую веру в ее правильность. «Марксизм (а точнее — сталинская интерпретация марксизма.— *Н. М.*),— обронил однажды Сталин в разговоре с П. Н. Поспеловым,— религия класса, его символ веры» [18]. И это представление, усиленно внедрявшееся в идеологическую практику, целиком подтверждается имеющимися материалами совещания. Его участники взахлеб хвалили «Краткий курс», соревнуясь между собой в яркости характеризующих его эпитетов. Вот как это выглядело. «Товарищ Жданов дал совершенно правильную, выражающую настроение всех нас оценку этой сталинской книжки, которая является действительно энциклопедией всех знаний и вопросов марксизма-ленинизма» [19],— заявил ленинградский пропагандист Шленский.

«Я должен сказать о своем личном впечатлении,— заметил другой участник совещания, Каганов.— Когда я прочел эти главы, особенно когда я прочел четвертую главу этого учебника (именно в ней содержался написанный Сталиным параграф о диалектическом и историческом материализме— *Н. М.*), я сказал: «Это то, что нужно, это то, куда тянутся сотни тысяч, миллионы наших людей, рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции» [20].

«Когда я раскрыл первую главу учебника, то прежде всего наряду с глубоким содержанием, со сжатостью, конкретным изложением принципиальных вопросов... я сразу почувствовал, что это стиль, форма, метод глубокого изложения, который присущ нашему руководителю товарищу Сталину,— восторженно заявил представитель Октябрьского района Ленинграда Шварев... — Мне думается, что этот курс является научным трудом, а не учебником обычного типа. ...Этот учебник вскрывает то новое, что внес товарищ Сталин в марксизм в обстановке социализма» [21].

Но всех превзошел, пожалуй, философ М. Б. Митин, заявивший: «Выход в свет курса истории партии является настоящим праздником для всей нашей партии. Сокровищница марксизма-ленинизма обогатилась еще одним произведением, которое, несомненно, стоит в первом ря-

---

[17] См., например: Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 105.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 629, оп. 1, д. 54, л. 29.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 307, л. 7.
[20] Там же, л. 31.
[21] Там же, л. 47, 48.

ду с такими произведениями классической мысли, какими являются «Коммунистический манифест», «Капитал», «Империализм и капитализм»[22].

Наиболее трезвая оценка, хотя и выраженная в весьма осторожной форме, принадлежала известному историку, старому большевику В. А. Быстрянскому. Он сказал в своем выступлении: «...Пока еще трудно охарактеризовать в полной мере все значение краткого курса для теоретической... и практической работы нашей партии... Пока еще не было времени ни у кого из нас, чтобы достаточно изучить эту книгу...»[23].

Вместе с тем в адрес «Краткого курса» наряду с неудержимым славословием были высказаны и некоторые критические замечания: о недостаточном освещении истории ряда местных партийных организаций, в том числе закавказских; о слабом раскрытии аграрного и национального вопросов в деятельности партии; о неполном определении международного значения революции 1905 г.; о невнимании к деятельности Коминтерна.

В ответ на это Сталин уже в первый день совещания заявил, что выступавшие товарищи не поняли его задачи. «Я думал,— сказал он,— что собравшиеся товарищи дадут что-либо серьезное. Но местами критика была мелкотравчатой. Объединения опыта верхов и низов не получилось. ...Товарищи не поняли задачи, которую ставил «Краткий курс истории ВКП(б)»[24]. Отдавая на словах дань самокритике, Сталин признал неуместным восхваление «Краткого курса»[25]. Однако при этом отметил, что критические замечания не учитывали особенностей и назначения книги, адресованной огромной, подчас не искушенной в марксизме аудитории[26]. «Краткий курс», сказал он, это не сборник очерков революционного движения в отдельных областях, не учебник об истории Коминтерна: «Мы занимались вопросом об истории ВКП(б)»[27]. Отвел Сталин и критику по поводу недостаточного освещения в книге аграрного и национального вопросов, указав, что о первом из них сказано в связи с дискуссией на IV съезде РСДРП, а о национальной программе партии — в связи с резолюцией Апрельской (1917 г.) конференции большевиков[28].

В результате все замечания относительно содержания «Краткого курса» были отвергнуты, критика иссякла, в то время как безудержное восхваление продолжалось. Книга стала, по существу, недоступной для критики. Вместе с тем Сталин поставил вопрос «о совершенном неблагополучии с нашим идеологическим хозяйством»[29] и выдвинул требование его коренной реорганизации. Совещанию было дано другое направление. Развернулась критика состояния «идеологического хозяйства», сопровождавшаяся разоблачением в духе времени «вредителей» и «оппортунистов». Характерно в этом отношении высказывание одного из участников совещания — Игнатьева: «Как у нас вообще дело (с изучением истории партии в вузах.—*Н. М.*) обстояло? Я считаю, что это вредная установка. Вредительское руководство Наркомпроса сняло историю партии, которая была в вузах в 1933—34 годах. Приходилось становиться на путь протаскивания, каким-то образом давать историю партии в институтах. Причем буквально приходилось иногда обманывать Наркомпрос. ...История партии, в трактовке врагов, не является предметом учебным...»[30].

---

[22] Там же, л. 108 (так в стенограмме. Имеется в виду работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»).
[23] Там же, л. 166.
[24] Там же, д. 313, л. 1.
[25] Там же, д. 307, л. 231.
[26] Там же, л. 108.
[27] Там же, д. 313, л. 2.
[28] Там же, л. 1.
[29] Там же, д. 307, л. 114.
[30] Там же, л. 74.

Поскольку в вузах, как известно, в то время преподавался курс «Ленинизм», то по логике этого, да и других ораторов получалось, что его изучение, включение в учебный план высшей школы было вражеской диверсией. Сталин, полностью соглашаясь с Игнатьевым, ответил ему такой репликой: «Когда говорят о ленинизме, приходится преподавать несколько в книжном порядке, в отрыве (от практики.— *Н. М.*), а по истории партии, если она хорошо составлена, значит преподавать ленинизм в действии, с фактами, которые не выдуманы, а которые имели место. Если история партии хорошо составлена, история партии и есть ленинизм»[31]. Не случайно поэтому П. Н. Поспелов, сам причастный к созданию «Краткого курса», желая угодить Сталину как главному его творцу, расхваливал учебник за «удачное» сочетание фактов и теории: «Возьмите вы борьбу партии за ликвидацию кулачества как класса, это тоже ленинизм, ленинизм в действии, ленинизм действенный, творческий марксизм-ленинизм»[32]. Иначе говоря, преступный сталинский поход против крестьянства был обозначен (и Сталин молчаливо согласился с этим) как «ленинизм в действии» и даже «творческий марксизм-ленинизм».

Многие ораторы буквально обрушились на Институт Маркса — Энгельса — Ленина, указывая на наличие в нем «вредительских сил и действий». Так, М. Б. Митин сказал: «В работе Института Маркса и Энгельса имеются большие недостатки. ИМЭЛ недостаточно развертывал за эти годы борьбу с последствиями (деятельности.— *Н. М.*) вредительской рязановской банды, которая долго орудовала в ИМЭЛ. ...В этом институте существует кастовая замкнутость и отсутствие самокритики»[33]. В. В. Адоратский, директор ИМЭЛ, буквально бичевал себя и руководимый им коллектив: «Надо прямо сказать, что с рядом задач, стоящих перед ИМЭЛ, мы не справились или выполнили их не так, как надо, плохо... Во-первых, не сумели своевременно очиститься от тех сволочей, которые были в институте, остались в наследство отчасти от Рязанова, отчасти после этого набрали и не сумели вовремя их раскусить и вышибить. Во-вторых, мы виноваты в том, что не выращивали достаточно кадров из молодежи... И третий недостаток — неумелое руководство планированием работ, неумение сосредоточить силы, которые у нас все же имеются, на главнейших задачах»[34]. Обращает внимание весьма характерная для того времени терминология этой «самокритики».

Е. М. Ярославский, в свою очередь, указал на недостатки работы Института истории АН СССР. «Институт истории,— заявил он,— с самого начала оказался в ненадежных руках и руководство там очень слабое. (Там сидит, кажется, беспартийный профессор Греков[35] и руководит институтом.) ...Надо создать сильную кафедру истории ВКП(б) в институте истории»[36].

Тот же Ярославский, подчеркнув необходимость издания для изучающих «Краткий курс» собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также хрестоматий и массовых брошюр, заметил: «У нас сейчас ощущается недостаток такой литературы». Вмешался Сталин: «У нас много книг, но не все они подходящие». «Верно,— тут же согласился Ярославский. — Мы должны будем целый ряд книг заново создавать»[37].

Резкой критике подверглись на совещании также пропагандисты и преподаватели вузов, не готовые, как говорили ораторы, к работе с

[31] Там же, л. 76.
[32] Там же, л. 132.
[33] Там же, л. 115.
[34] Там же, л. 211—212.
[35] Б. Д. Греков — выдающийся советский историк, академик, директор Института истории АН СССР (1937—1953), специалист по истории древней Руси.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 307, л. 232.
[37] Там же, л. 234—235, 236.

«Кратким курсом». Наиболее рельефно эту мысль выразил пропагандист из Красногвардейского района г. Москвы Братановский. «Здесь на совещании отдельные товарищи выступали с указанием на те или иные недостатки в «Кратком курсе»,— говорил он. — Мне думается, что с гораздо большим основанием можно было сказать о крупнейших недочетах в нашей собственной теоретической подготовленности, о крупных пробелах в знании марксизма-ленинизма, которые имеются у многих из нас. Это показывает первое предварительное ознакомление с «Кратким курсом» [38].

О действительно слабом составе преподавателей общественных наук в вузах, связанном, по-видимому, с прокатившимся по ним катком репрессий, говорили и другие ораторы. Так, т. Войнов, секретарь парткома Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, сказал, что из 12 коммунистов, работавших на социально-экономических кафедрах академии, нет ни одного человека с ученой степенью или званием. Кроме того, из этих 12 коммунистов «мы имеем 10 человек, которые имеют партийные взыскания по тем или иным проступкам». «Что так мало?» — спросил Сталин под смех зала. «Я не знаю, товарищ Сталин» [39],— ответил Войнов. О другом случае рассказал Е. М. Ярославский: «У нас в Партколлегии недавно разбиралось дело. Помощник начальника политотдела объяснил на кружке, что слово «фашизм» происходит от (имени. — *Н. М.*) французского генерала Фоша, и даже не знал, что «фашизм» пишется не через «о», а через «а». — «Нашелся парень все-таки» [40],— опять-таки под смех присутствующих бросил реплику Сталин.

Выступавшие отмечали и некоторые другие моменты, характерные для состояния пропаганды. Сталин рассказал о таком случае. «В одном кружке в Красной Армии слушатель не согласился с преподавателем, его привлекли к суду и дали 5 лет. Вот такая пропаганда. ...Это отменили, конечно, но все-таки...» И справедливо ответил Сталину выступавший в этот момент Игнатьев: «На такой пропаганде далеко не уедешь» [41].

Но дело было, конечно, не только в вопиющей политической и теоретической безграмотности отдельных пропагандистов и преподавателей. Главное заключалось в том, что с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)», содержащего «новую», полностью фальсифицированную историю партии, «неграмотными» оказались все работники идеологического фронта, воспитанные на изданных в 20-е годы трудах и учебниках по истории партии, учившиеся истории РСДРП, РКП(б) и ВКП(б) по ленинским произведениям.

Не случайно в выступлениях довольно значительного числа участников совещания часто упоминалась фальсификаторская книга Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», которая, раздувая заслуги Сталина, дала толчок созданию ложной «теории» двоецентрия образования партии и двух вождей партии и революции [42]. Позднее эта книга была включена в официальный «Указатель основных первоисточников в помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» (М., 1940) наряду с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, партийными документами.

Работы же историков партии, вышедшие в 20-е — начале 30-х годов, полностью отвергались из-за наличия в них разных, неоднозначных подходов к оценке исторических событий. «ЦК знал,— заявил Сталин на совещании,— что существует масса пособий, курсов, хрестоматий, по-

---

[38] Там же, л. 282.
[39] Там же, л. 195.
[40] Там же, л. 237.
[41] Там же, л. 78.
[42] Там же, л. 8—9, 35 и др. Подробнее об этом см. Сухарев С. В. Лицедейство на поприще истории.— Вопросы истории КПСС, 1990, № 3.

литграмот. Люди не знали, за что взяться. За кого лучше взяться? За Ярославского, Поспелова, Попова, Бубнова? Отсутствовало единое руководство. Не знали, за что взяться. Ни одно из пособий не имело согласия (и одобрения) ЦК. Перегрузка не давала возможности посмотреть и дать визу, чтобы не было никаких сомнений, чтобы выбраться из многообразия и обилия курсов, учебников, политграмот и дать партийному активу единое руководство, насчет которого не было бы сомнения, что это есть то, что нам ЦК официально рекомендует как выражение мысли, взглядов партии. Создание такого единого, унифицированного, официально одобренного пособия по истории партии — это была,— подчеркнул Сталин,— первая задача, которую ставил ЦК, организуя подготовку «Краткого курса истории ВКП(б)»[43].

Но унификация преподавания истории партии зависела также и от состава лекторов и пропагандистов, от их способности и желания преподать слушателям именно эту, официальную версию. Не случайно, когда на совещании заговорили о преподавании истории ВКП(б) в вузах «на основе сталинского учебника истории ВКП(б)», Сталин заметил: «Встает вопрос о преподавателе-марксисте по истории партии. Ведь беспартийный слушатель, он не будет на веру все принимать (видимо, подразумевалось, что партийный слушатель должен все принимать на веру.— *Н. М.*). ...Надо, чтобы преподаватель умел объяснить ему все. Он (учебник.— *Н. М.*) потому называется кратким курсом, что он всего не даст, он даст только заправку * по ряду вопросов, и тот, кто хочет заниматься, он должен заниматься по первоисточникам, а преподаватель должен помогать»[44].

Сталин опасался, что в ходе занятий любознательность может увести слушателей в сторону, породить нежелательные вопросы. Он перебил, например, выступление пропагандиста Шварева из Октябрьского района Ленинграда вопросом и вступил с ним в следующий диалог:

«*Сталин*: На семинарах у вас как обсуждают вопросы — полемизируют?

Шварев: Нет.

Сталин: А что они там делают?

Шварев: Пропагандист или руководитель семинара...

Сталин (перебивает): Один защищает, другой возражает? Нет этого или было?

Шварев: Раньше в практике это бывало. Бывали дискуссии по ряду вопросов, но сейчас еще мы к этому не приступили...

Молотов: Вопросы-то задают на семинарах? Споры бывают на этой почве?

Шварев: Конечно, бывают.

Сталин: Троцкисты не попадаются при этом? (Смех в зале).

Шварев: Нет, товарищ Сталин, у нас не было таких»[45].

Выражая явное желание освободиться от большей части пропагандистов при организации занятий по «Краткому курсу», Сталин настойчиво ставил вопрос о сокращении сети кружков и расширении числа самостоятельно изучающих книгу[46]. Для оказания им помощи он предлагал переориентировать партийные журналы, и в первую очередь «Большевик», на публикацию консультаций по курсу истории партии[47]. «В старое время, когда мы были в оппозиции в партии, в полулегальном состоянии, мы кружками занимались здорово, потому что не было трибуны,— сказал Сталин в одной из своих реплик. — Теперь у нас власть...

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 313, л. 2.
* Так в документе (видимо, «затравку».— *Н. М.*).
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 307, л. 25.
[45] Там же, л. 55.
[46] Там же, л. 58.
[47] Там же.

и печать наша; это близорукость наша, что так много кружков и так плохо организована пропаганда в масштабах страны... Очень много местного, личного, индивидуального. ...Ну как же, печать наша, книги наши, власть наша, вот теперь учебник единообразный пойдет. Надо сейчас единообразие (проводить.— *Н. М.*) через печать, а кружков поменьше надо»[48]. И когда один из ораторов заметил: «Все-таки люди, которые будут индивидуально заниматься, потребуют помощи, консультаций»,— Сталин раздраженно бросил: «Дайте вы им спокойно пожить!»[49].

Однако вопрос о переподготовке пропагандистов, а главное, о подготовке новых кадров пропагандистов неоднократно вставал на совещании. В частности, Е. М. Ярославский предложил расширить высшие курсы пропагандистов при ЦК ВКП(б) и создать по их образцу соответствующие курсы при Московском комитете партии. Эти моменты вошли потом в постановление ЦК ВКП(б).

Итоги совещания подвел Сталин 1 октября 1938 г. Нет смысла полно излагать содержание его речи. Значительная часть ее изложена в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. (комиссия по подготовке этого документа не только руководствовалась сталинским выступлением, но и включила в текст ряд его формулировок). Вторая часть речи — «О некоторых теоретических вопросах» — предваряла соответствующий раздел позднее опубликованного Отчетного доклада ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии[50], в котором шла речь о развитии Советского государства — трех его функциях и трех фазах.

Остановимся кратко лишь на той части выступления Сталина на совещании пропагандистов, которая в соответствии с темой статьи касается оценки значения «Краткого курса истории ВКП(б)» и задач, преследовавшихся при подготовке этой книги. Сталин в присущей ему манере указал на шесть таких задач.

Первая из них — дать «единое руководство», которое отразило бы, как он выразился, «основные узлы, основные этапы» истории ВКП(б)[51]. Это следующие «три узловых этапа»: «1. Борьба за образование большевистской партии (четыре первых главы... до Пражской конференции...)»; 2. «Борьба большевистской партии за завоевание диктатуры пролетариата... (конец IV главы, V, VI, VII главы)...»; 3. «Партия большевиков у власти... (часть VII главы, VIII, IX, X, XI, XII главы)»[52].

Вторая задача — «ликвидировать разрыв между марксизмом и ленинизмом, который создался в *последние годы*»[53]. Любопытно, что вопрос об изучении марксизма и ленинизма в их связи дан Сталиным через призму собственной работы «Об основах ленинизма». «Книга Сталина,— говорил он,— изображает новое и особенное, что Ленин внес в сокровищницу марксизма... Я не хочу сказать, что в книге Сталина (он любил говорить о себе в третьем лице.— *Н. М.*) все подробно сказано... Но все-таки книга Сталина представляет попытку изложить основные новые мысли, внесенные Лениным в сокровищницу марксизма, и в этом смысле книга более или менее удовлетворительная. Но это еще не значит, что для изучения ленинизма достаточно изучить «Основы ленинизма» по Сталину. Ничего подобного... Для того, чтобы ленинизм понять, надо Маркса изучить, Энгельса изучить»[54].

Третья задача — показать марксизм-ленинизм в действии на фактах истории ВКП(б)[55] — являлась откровенной пропагандой сталинизма,

[48] Там же, л. 205.
[49] Там же, л. 253.
[50] См. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. с. 640—649.
[51] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 313, л. 2.
[52] Там же, л. 3.
[53] Там же, л. 4.
[54] Там же.
[55] Там же, л. 5.

паразитировавшего на марксизме-ленинизме, истолковывавшего факты истории в своих интересах, в своем духе, одновременно догматизируя и примитивизируя марксистско-ленинскую теорию.

Четвертая задача заключалась в том, чтобы «на этой небольшой книге... продемонстрировать силу и значение *знания теории, знания законов развития общества*»[56]. Говоря об овладении теорией марксизма-ленинизма, Сталин утверждал что «ничего серьезного, трудного это дело не представляет. Теория дело наживное, и ею овладеть можно спокойно и просто»[57]. Тут, как говорится, можно только удивиться.

Смысл пятой задачи — «освободить марксистскую литературу от упрощенчества, *от вульгаризации*»[58]. И об этом говорил человек, который внес в «Краткий курс» лично, своей рукой и вульгаризацию, и упрощенчество, и грубое искажение исторических фактов и событий![59]

Наконец, шестая задача, на которую указал Сталин, заключалась в том, чтобы помочь партийным пропагандистам перестроиться, поднять качество пропаганды, углубить и усовершенствовать ее на базе нового учебника[60]. На деле же такое требование означало переход на новые идеологические рельсы, на рельсы сталинизма.

* * *

Вскоре после указанного совещания развернула работу комиссия ЦК ВКП(б), созданная для подготовки постановления о задачах партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Ее председателем был А. А. Жданов. В работе комиссии участвовали, в частности, Г. М. Маленков, Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов, представители Комитета по высшей школе (С. В. Кафтанов), ЦК ВЛКСМ (А. В. Косарев). Обсуждался уже подготовленный вариант текста постановления, причем предложения, кем бы они ни вносились, постоянно обосновывались ссылками на выступление и указания Сталина на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. Однако анализ сделанных поправок и дополнений свидетельствует о том, что первоначальный вариант документа остался без существенных изменений[61]. Назначенная затем редакционная комиссия также не внесла в документ ничего нового.

В результате утвержденное и опубликованное под грифом ЦК ВКП(б) постановление явилось от начала до конца сталинским документом: его первый раздел, по существу, повторял первую часть речи Сталина; второй раздел излагал содержание второй части речи Сталина, трактовавшей некоторые вопросы теории, а постановляющие (третий и четвертый) разделы опирались на «указания» Сталина, содержавшиеся в его репликах и замечаниях, высказанных по ходу совещания и частично резюмированных в его речи.

Важно, однако, не только это обстоятельство, позволяющее установить авторство данного документа. Показательно то, что ни ЦК ВКП(б), от имени которого он был опубликован, ни созданная ЦК комиссия и образованная ею редакционная комиссия, иначе говоря, ни один коллегиальный орган не оказал влияния на содержание документа, определившего на долгие пятнадцать лет задачи, формы и сущность партийной пропаганды среди советских людей. И если какие-то изменения вносились в этот процесс (например, широчайшее внедрение в систему партийного просвещения в 1947 г. изучения «Краткой биографии»

[56] Там же.
[57] Там же, л. 15.
[58] Там же, л. 6.
[59] См. Вопросы истории КПСС, 1988, № 11, с. 51—67.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 313, л. 7.
[61] Там же, д. 308, л. 12, 19, 21, 22, 33, 53 и др.

И. В. Сталина[62]), то они исходили от того же «великого вождя». Порожденное системой культа личности Сталина, это постановление было направлено на его развитие и пропаганду, на «утверждение» гениальности и непогрешимости вождя, на внедрение идеологии сталинизма в сознание народа.

Нельзя также не отметить фарисейский характер содержания этого постановления. Ратуя якобы за развитие творческого марксизма-ленинизма, оно предлагало изучать его по целиком сфальсифицированной истории, каждая буква которой была канонизирована и, следовательно, превращена в «священную» догму. Слова постановления о том, что новый учебник не допускает никаких произвольных толкований, выполнялись буквально. Никакие, даже мельчайшие исправления в нем не допускались.

В фонде А. А. Жданова хранится письмо известного историка М. С. Волина, адресованное П. Н. Поспелову (и переданное последним Жданову), о фактических неточностях, имеющихся в «Кратком курсе истории ВКП(б)»[63]. М. С. Волин справедливо отмечал, что выборы в Учредительное собрание происходили не до, как сказано в книге, а после Октябрьской революции; что статья Ленина «Несчастный мир» написана не после, а до соответствующего решения VII съезда РКП(б); что, наконец, неверно относить начало освобождения Закавказья к концу 1920 г., если, как известно, Азербайджан был освобожден в апреле 1920 г. «Думаю, что в следующих тиражах книги надо исправить эти неточности»[64],— писал М. С. Волин.

Однако, несмотря на это, во всех изданиях книги, включая одно из последних (1953 г.), на тех страницах, которые отметил М. С. Волин, ошибки воспроизводились по-прежнему[65]. Точность фактов, правда истории ничего не стоили по сравнению с сохранением непогрешимости Сталина и его «гениального» творения!

«Краткий курс истории ВКП(б)» на долгие годы определил содержание преподавания историко-партийной науки во всех учебных заведениях страны и в системе партийного просвещения. Каждое его слово, каждое положение воспринимались и излагались как истина в последней инстанции. Их заучивали как катехизис. Это неизбежно вело к догматизму и начетничеству как в преподавании, так и в изучении истории партии.

Не меньшим злом явилось и то, что «Краткий курс» рассматривался в качестве эталона в научной работе. Никто не имел ни права, ни возможности выйти за пределы его канонов, внести что-то новое в его «окончательные» формулировки. Такое положение оказало мертвящее влияние на историко-партийную науку, которое в полной мере не преодолено до сих пор.

И если для Ленина история (и в том числе история партии) была инструментом познания действительности, научной основой политики пролетарской партии, средством научного прогнозирования будущего, то в системе сталинской идеологии она была превращена в орудие сокрытия

---

[62] В записи П. Н. Поспеловым его беседы со Сталиным 23 декабря 1946 г. приведены следующие сталинские слова: «...Широкие слои трудящихся, простые люди, не могут начать изучение марксизма-ленинизма с Сочинений Ленина и Сталина. Начнут с биографии. Биография очень серьезное дело, она имеет громадное значение для марксистского просвещения простых людей». И после ответа на вопрос о тираже, которым издается его биография — 500 тысяч, Сталин дал указание: «1 миллион экземпляров». Это уже вместо «Краткого курса» — для «простых людей» (ЦПА ИМЛ, ф. 629, оп. 1, д. 54, л. 23, 26).

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 310, л. 10.

[64] Там же.

[65] См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1953, с. 205, 209, 232.

правды, извращения реальной картины мира и средство опутывания сознания народа сетью обмана и догматизма. Постановление ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» сыграло в этом превращении свою зловещую роль. Именно поэтому оно не может изгладиться из памяти.

Забытая в условиях господства идеологии сталинизма этика науки, подчиненной познанию истины, восстанавливается ныне в своих правах. Перестройка общественных наук решительно отвергает их политизацию, заставляющую ученых служить неправому делу, подчиняющую их или сиюминутным, конъюнктурным соображениям, или целям, вытекающим из интересов отдельных людей (а также определенных общественных сил), которые стремятся сделать науку орудием утверждения своих политических амбиций. Именно поэтому, исследуя способы и результаты фальсификации науки в годы сталинщины, мы стремимся извлечь из них необходимые уроки для наших дней.

Важнейший исторический урок, который следует из изучения постановления ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г.,— это понимание недопустимости утверждения в науке монополии какой-то одной точки зрения, даже (и тем более) официальной, недопустимости сковывания науки каноническими рамками, ибо с этого момента она перестает быть наукой.

Другой урок для тех, кто пытается фальсифицировать факты, заключается в том, что историческая правда в конце концов неминуемо торжествует. Это является основой уверенности в том, что в недалеком будущем, в условиях дальнейшего развития демократии и гласности, и «белые» и «черные» пятна истории КПСС будут ликвидированы.

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ: УТОПИИ И РЕАЛИИ

Ю. С. АКСЕНОВ,
кандидат исторических наук

Стремление разобраться в прошлом спустя десятилетия, верно оценить его живет в нашем народе. Приведем лишь одно суждение. Наждачница кузнечно-прессового цеха Уралмашзавода Е. Тачаева пишет в «Правде»: «Коварство и жестокость Сталина, двойная мораль его идеологических прислужников простым труженикам были неведомы. Они-то строили социализм, убежденные в том, что это не утопия... И непростительная вина Сталина и его прислужников не только в том, что были загублены миллионы людей, но еще и в том, что они извратили самую суть социализма...» [1].

Сложными и противоречивыми выдались первые послевоенные годы. Это было время апогея культа личности Сталина и вместе с тем все более четко обозначавшегося кризиса административно-командной системы, режима авторитарной власти, самой сталинской модели социализма. И наряду с этим — годы массового подвига советских людей, сумевших восстановить порушенное войной хозяйство, возродить села и города. Время крупных достижений отечественной науки и техники, в том числе в решении атомной проблемы для укрепления обороноспособности страны и для мирных целей. Несмотря на предпринимавшиеся меры по повышению благосостояния людей, народ все еще испытывал огромные трудности с жильем, продовольствием, промышленными товарами. Но, пожалуй, наиболее принципиальное, что характеризовало переход от войны к миру,— это нараставшее противоречие между изменившимся обществом, прошедшим проверку на стойкость и жизнеспособность в жесточайшей войне, и прежними административными, приказными методами партийно-государственного руководства. Народ, перенесший все тяготы войны на фронте и в тылу, стал иным, чем в предвоенные годы. В людях все более утверждались чувство ответственности за судьбы державы, гражданское достоинство, уверенность в своих силах. С одной стороны, народ выстрадал право быть действительным хозяином своей страны, вытекавшее из существенных основ социализма, а с другой — происходил непрерывно углублявшийся процесс отчуждения трудящихся от власти, от средств производства, сведения их значения до положения «винтиков» в бюрократической административной системе.

Созданная Сталиным еще в конце 20-х — начале 30-х годов, система эта неуклонно и в нараставшей степени воспроизводила и укрепляла его культ, деспотическое единовластие, что не могло не вести к прогрессирующим деформациям социализма во всех областях — в экономике, политике, в социальной и духовной сферах, в общественной психологии.

[1] Правда, 23 мая 1990 г.

* * *

Восстанавливать народное хозяйство — и строить коммунизм. Именно так формулировались ближайшая задача и исторически недалекая перспектива, которые были определены советскому народу руководством партии и страны после окончания Великой Отечественной войны. Возродить разрушенное войной одновременно означало и продолжить намеченный XVIII съездом партии курс на завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунистическому обществу.

Еще в конце 1945 г. в редакционной статье журнала «Большевик» утверждалось, что «после победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»[2]. В марте 1946 г., на сессии Верховного Совета СССР в докладе Председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского о четвертом пятилетнем плане, это положение было объявлено руководящей партийной установкой[3]. В том же журнале ЦК ВКП(б) в статье А. Ляпина «О постепенном переходе от социализма к коммунизму» уже после сессии Верховного Совета прямо утверждалось, что «выполнение нового пятилетнего плана будет означать крупный шаг по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»[4].

Что касается восстановления народного хозяйства, то оно, как известно, началось еще в ходе боевых действий, сразу после освобождения оккупированных земель. В августе 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Значительная часть восстановительных работ была проделана к концу войны. Переход промышленности на мирные рельсы, начатый одновременно, завершился в основном в 1946 г.

Ближайшие задачи развития экономики были определены четвертым пятилетним планом — планом восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР, который был утвержден на упомянутой выше мартовской (1946 г.) сессии Верховного Совета. Основные задачи четвертой пятилетки состояли в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, достигнуть довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем и превзойти его в значительных размерах[5].

На вопрос президента американского агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли (23 октября 1946 г.): «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России?» — И. В. Сталин ответил: «Шесть-семь лет, если не больше»[6]. Однако несколько ранее, 9 февраля того же года, в выступлении перед избирателями Сталинского района Москвы, он наметил и более отдаленные задачи развития экономики, рассчитанные на «три новых пятилетки, если не больше», успешность решения которых должна была «гарантировать нашу страну от всяких случайностей»[7]. Что это означало?

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Как и до войны

---

[2] Большевик, 1945, № 17—18, с. 3.

[3] См. Правда, 16 марта 1946 г.

[4] Большевик, 1946, № 11—12, с. 40.

[5] См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. Т. 3. М., 1968, с. 250.

[6] Правда, 30 октября 1946 г.

[7] Сталин И. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 11 декабря 1937 года и 9 февраля 1946 года. М., 1947, с. 29.

(и много-много лет после нее), уровень экономического (индустриального) потенциала страны определялся показателями производства металла и топливно-энергетических ресурсов [8].

Как известно, в ходе войны промышленная, сырьевая и научно-техническая база военной экономики позволила полностью обеспечить превосходство в вооружении Советской Армии над войсками гитлеровской Германии. При этом следует учитывать, что индустриализация в предвоенные годы не была доведена до конца. Тогда были осуществлены лишь вынужденные «прорывы» в ряде отраслей, прежде всего в тяжелой индустрии, машиностроении, оборонной промышленности. Но по достигнутому уровню производства индустриальная мощь США к концу второй мировой войны была значительно выше советской. Конечно, американский континент не испытал тяжелых последствий войны на собственной территории, не знал даже бомбежек. Но в то же время японская экономика была почти полностью разрушена, в таком же приблизительно положении была и германская.

Развитие научно-технической мысли в экстремальных условиях, связанное в первую очередь со стремлением обеспечить военное превосходство воюющих держав, прямым и непосредственным образом отразилось затем на их экономике и при переходе к мирной жизни. Технический прогресс, основанный на прямом вторжении науки в производство, на всемерной его интенсификации, уже начинал давать ощутимые результаты в решении проблемы атомной энергии, в ракетной и авиационной технике, радиолокации, в приборостроении и в химической технологии создания заменяющих металл конструкционных материалов (пластмассы, синтетические смолы и т. д.). В будущем превосходство в индустриальном развитии могло базироваться только на этой основе, на прогрессивных отраслях производства.

Между тем в нашей стране непропорционально ускоренное развитие тяжелой промышленности надолго оставалось главным принципом экономической политики. Один из ведущих в начале 50-х годов экономистов, Э. Локшин, отражая существовавшее в экономической науке направление, в комментарии к сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР» писал: «Решающее значение для обеспечения расширенного воспроизводства имеет установление правильных пропорций между производством средств производства и производством предметов потребления. Главную особенность этих пропорций, определяемую требованиями расширенного воспроизводства, составляет преимущественный рост производства средств производства» [9]. Для всего восстановительного периода характерен сверхскоростной рост темпов в промышленности, строительстве, на транспорте (продолжение «индустриальной гонки» конца 30-х годов). Крупный американский советолог, экономист Н. Ясный, признавал, что, «несмотря на трудности огромных военных расходов, восстановление было быстрым и ежегодные темпы роста оставались очень высокими вплоть до 1951 года» [10]. Однако, пишет он, «негодная колхозная система, огромная дезорганизация и непроизводительность во всех областях, затраты колоссальных ресурсов на пропаганду и сталинский план изменения климата России, в частности, зеленые насаждения на миллионах гектаров (имеется в виду так называемый «сталинский план преобразования природы».— *Ю. А.*),— все это были факторы, ведущие к дальнейшему ухудшению

---

[8] Напомним, что в 1946 г. в стране производилось: чугуна — 9,9 млн. т, стали — 13,3 млн. т, угля — 164,1 млн. т, нефти — 21,7 млн. т (см. Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1956, с. 62, 63, 67, 69).

[9] Коммунист, 1952, № 20, с. 76.

[10] Jasny N. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1961, p. 21.

конечных результатов»[11]. И с такой оценкой в ретроспективном плане нельзя не согласиться.

Что же намечал Сталин в своей долгосрочной программе, выступая перед избирателями, а следовательно, перед всем советским народом? Главное — абсолютный, осуществляемый опережающими темпами прирост показателей по производству металла и продукции сырьевых отраслей. В течение ближайших пятилеток, считал он, необходимо было добиться увеличения производства: чугуна — до 50 млн. т, стали — до 60 млн., угля — до 500 млн., нефти — до 60 млн. т. В этом Сталин видел и гарантию от «всяких случайностей»[12]. Предполагалось, что решение данной задачи создаст и материальную базу мощного подъема народного хозяйства, а также, как подчеркивалось в пропагандистских выступлениях, успешного осуществления курса XVIII съезда «на постепенный переход к коммунизму».

Конечно, здесь учитывались первоочередные, ближайшие цели. Для восстановления промышленности и транспорта, городов и сел, для укрепления обороноспособности СССР, наконец, для оказания помощи странам народной демократии необходимо было много металла, топлива, промышленного сырья. Здесь сказывался прагматический реализм сталинской экономической политики, именно так трактовавшей жизненные потребности существования и развития советской экономики в тот период. Поэтому национальный доход ориентировался в первую очередь на выполнение этой политической задачи. Удовлетворение материальных потребностей людей, как и в довоенные годы, отодвигалось на второй план.

Но в послевоенных наметках долгосрочной перспективы был сделан и явно утопичный вывод о возможности ускоренного создания материально-технической базы коммунистического общества. Положение о построении коммунизма в нашей стране как задаче, выполнимой в исторически обозримом времени, было обозначено в проекте новой (третьей) Программы ВКП(б), подготовленном в июле 1947 г. в связи с намечавшимся тогда созывом XIX съезда партии.

Здесь необходима небольшая историческая справка. Еще на XVIII съезде партии была избрана комиссия по изменению Программы ВКП(б)[13]. Развернуть эту работу помешала фашистская агрессия. Разработка новой Программы ВКП(б) возобновилась по решению мартовского (1946 г.) Пленума ЦК. Рабочую группу комиссии по переработке Программы и Устава партии возглавил член Политбюро ЦК ВКП(б) секретарь ЦК А. А. Жданов. В нее вошли виднейшие представители общественных наук, работники аппарата ЦК. Направление и содержание их деятельности были в главном предопределены упомянутым выше выступлением Сталина перед избирателями. Все участники подготовки проекта новой Программы являлись адептами сталинской модели социализма.

Предстояло определить пути «построения коммунизма» в ближайшие десятилетия — именно такая задача была поставлена перед программной группой. В нее входили разбитые по парам: М. Б. Митин и П. Ф. Юдин; П. Н. Поспелов, Д. Т. Шепилов и М. Т. Иовчук (здесь

[11] Ibid., p. 16—17.

[12] См. Сталин И. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 11 декабря 1937 года и 9 февраля 1946 года, с. 29.

Следует отметить, что эти контрольные показатели все же были достигнуты в намеченный срок. В 1960 г. выплавка чугуна составила 46,8 млн. т, стали — 65,3 млн. т, добыча угля — 510 млн. т, нефти — 148 млн. т (!).— См. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. ежегодник. М., 1987, с. 163—164. Действительно, планы выполнялись и перевыполнялись, однако никакого перехода к коммунизму не происходило.

[13] См. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10—21 марта 1939 г. Стенограф. отчет. М., 1939, с. 687.

«тройка»), П. Н. Федосеев и К. В. Островитянов; Л. А. Леонтьев и О. В. Куусинен. Авторские «коллективы» представили на рассмотрение рабочей группы краткие тезисы проектов Программы. Все они исходили из общепринятых тогда принципов развития советского общества. Однако в отдельных проектах, в частности Л. А. Леонтьева и О. В. Куусинена, выдвигались предложения, способные дать толчок выходу на путь известной демократизации партийной и общественной жизни: о необходимости ограничения срока пребывания в партийных и советских выборных органах (городского, областного, краевого, республиканского уровней), о выдвижении нескольких кандидатов на выборах депутатов в Советы всех ступеней, включая Верховный Совет СССР.

Случайны ли были по тем временам подобные предложения? Следует признать, что они, конечно, не вписывались в тогдашнюю социальную атмосферу, выпадали из официального толкования «незыблемого единства» народа — нерушимого «блока коммунистов и беспартийных», которым камуфлировались реальные противоречия сталинского социализма. Такие предложения отражали настроения части общественного мнения, но приняты они, естественно, не были. В окончательном варианте проекта новой Программы, подготовленном П. Н. Федосеевым, М. Б. Митиным, Л. А. Леонтьевым и Д. Т. Шепиловым, эти предложения игнорировались. Проект новой Программы был отпечатан типографским способом — очевидно, в связи с предполагаемым съездом он намечался к опубликованию,— но в конце 1948 г. был сдан в архив [14].

Вопрос о созыве XIX съезда ВКП(б) в 1947 — начале 1948 гг. был снят, хотя программная комиссия продолжала работу. Еще шли районные отчетно-выборные конференции, проходили областные (краевые), впереди предстояли съезды компартий союзных республик. Перед съездом партии предполагалось созвать XIX общепартийную конференцию. В марте 1948 г. было даже подготовлено Постановление ЦК ВКП(б) «О норме представительства и порядке выборов на XIX Всесоюзную конференцию ВКП(б)», переданное на рассмотрение «секретарю ЦК Сталину» [15].

Возникает вопрос: почему же так и не состоялись в то время ни конференция, ни съезд ВКП(б)? По этому поводу можно лишь высказать некоторые предположения. Не исключено, что здесь сыграли роль существенные передвижки в ближайшем окружении Сталина. Летом 1948 г. был возвращен после двухгодичной опалы Г. М. Маленков, вновь занявший ведущие посты в Секретариате и Оргбюро ЦК. Положение А. А. Жданова, второго (после Сталина) секретаря ЦК, как и опекавшихся им ленинградских «выдвиженцев» — будущих жертв «ленинградского дела» (Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова) — пошатнулось. Против них все более интриговал зловещий «тандем» Берия — Маленков. В июле 1948 г. на заседании Политбюро Жданов был раскритикован Сталиным, смещен с поста второго секретаря и заменен Маленковым. Оправиться от этого удара Жданов не смог. Буквально через месяц он скончался от инсульта в своей летней резиденции на Валдае. А именно он был главным руководителем и практическим организатором подготовки упомянутых программных документов и созыва партийных форумов.

Другое возможное объяснение: в проекте Программы не был специально выделен вклад Сталина в теоретическую разработку проблем построения коммунизма. Составители ограничились лишь ссылками на его речь перед избирателями в 1946 г. Таким образом, документ

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 121, д. 476, л. 159.
[15] Там же, оп. 121, д. 633, л. 3, 4.

не был достаточно «выдержан» в культовском духе. Организованные вскоре, но уже с участием Сталина так называемые дискуссии в области общественных наук внедряли в массовое сознание образ «корифея науки», внесшего якобы огромный вклад в разработку базисных направлений марксистско-ленинского учения о построении коммунизма.

Как же трактовался в неизвестном до сих пор проекте Программы КПСС вопрос о переходе к коммунизму? В его преамбуле читаем: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит своей целью в течение ближайших 20—30 лет построить в СССР коммунистическое общество». В качестве необходимого условия для создания материально-технической базы коммунизма были названы приведенные выше цифры-ориентиры, определенные Сталиным в 1946 г. В течение 15—20 лет намечалось решить и основную экономическую задачу СССР — превзойти по уровню производства на душу населения главные капиталистические страны, в том числе и США, что должно было создать «изобилие продуктов, необходимых для перехода к коммунизму» [16].

Одновременно с разработкой проекта Программы ВКП(б) шла подготовка генерального хозяйственного плана СССР на 1946—1965 гг., выполнение которого должно было означать вступление нашего общества в коммунизм. Этим занимался Госплан СССР. Руководил проектом, по указанию Сталина, Н. А. Вознесенский, которому была придана большая группа ведущих в те годы экономистов — работников Госплана (Г. П. Косяченко, А. Н. Лаврищев, В. Н. Старовский, Б. М. Сухаревский, Ф. Н. Шевяков и др.). Осенью 1947 г. доклад по предварительному проекту плана был передан на рассмотрение в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. Документ этот крайне важен для понимания общего содержания экономической политики партии в послевоенный период, поэтому следует остановиться на нем несколько подробнее.

Наряду с констатацией факта построения социалистического общества в СССР в преамбуле перспективного плана говорилось, что «большевистская партия ставит теперь в качестве практической задачи преобразование социализма в коммунизм...». Поэтому генеральный хозяйственный план, рассчитанный примерно на 20 лет, исходил из первейшей экономической установки — перегнать главные капиталистические страны в отношении размеров промышленного производства на душу населения, с тем чтобы построить в СССР коммунистическое общество.[17] Далее приводились подробные выкладки намечаемого громадного роста выпуска продукции по всем основным позициям (группы «А» и «Б»). В результате такого «скачка» намечалось создать «материальные предпосылки для перехода к высшей фазе коммунистического общества». При «достижении изобилия продуктов» и с «ликвидацией остатков классовых различий» предполагалось обеспечить «возможность осуществления коммунистического принципа: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Отсюда уже и конкретные обещания: к «концу генерального плана» государство сможет «одну третью часть потребляемого народного дохода распределить по потребностям» (сначала — хлеб, картофель, а затем — «почти все» продукты питания). Столь радужная перспектива ожидала, если верить составителям плана, советских людей уже к концу 60-х годов.

Заканчивался документ утверждением, что настоящий генеральный план «исходит от развитой товарищем Сталиным теории о возможности построения коммунизма в одной стране» [18]. Впрочем, проект генплана постигла та же участь, что и проект Программы партии: он был

[16] Там же, д. 476, л. 159, 190.
[17] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 5, д. 108, л. 37.
[18] Там же, л. 57.

сдан в архив. Но его положения так или иначе пытались провести в жизнь даже после Сталина.

Были ли все эти установки забеганием вперед? Жизнь убедительно доказала — да. Ибо они базировались не на научно обоснованном, а в конечном счете на чисто волевом, умозрительном подходе к социалистическому обществу, представлениях о его неограниченных возможностях, коренном и всевозрастающем «превосходстве» над капитализмом, на уверенности, что само наличие уже «построенного», как считалось, в нашей стране социализма обеспечивает ускоренное продвижение к коммунизму. Дальнейшее теоретическое обоснование такой программы было изложено Сталиным в работах «Экономические проблемы социализма в СССР» и «Марксизм и вопросы языкознания».

Это нетерпение, желание во что бы то ни стало прийти к коммунистическому обществу в кратчайшие сроки, не считаясь с ленинским пониманием постепенности и долговременности его становления, приводили в условиях сталинизма к полному отрыву от жизни, к искажениям самой сути социализма — его демократических основ, к пренебрежению ленинскими указаниями о непременном и самом активном участии трудящихся масс в строительстве новой жизни.

В этих построениях присутствовал еще один определяющий фактор — пропагандистско-нравственный. Исстрадавшийся за годы войны народ и после нее продолжал бедствовать. Работать на пределе физических возможностей — но во имя чего? Во имя какой цели? И хорошо отлаженная пропагандистская машина настойчиво «вдалбливала» в сознание людей, что светлое будущее не за горами, оно уже совсем близко; пройдет каких-нибудь 20 лет, и вы и ваши дети будете жить при коммунизме, получать по «потребностям». А сейчас необходимо трудиться и трудиться не покладая рук, не считаясь ни с какими невзгодами и лишениями [19].

Таким образом, отдаленные послевоенные планы определялись сталинскими теоретическими построениями. Народ в массе своей верил руководителям, которые говорили о реальности этих планов, и самоотверженно работал для будущего. Именно в гуще его рождались и другие подходы к решению проблем, от которых зависели судьбы страны.

* * *

Показателем пробуждавшегося в те годы самосознания народа являются различные записки и предложения, поступавшие в ЦК ВКП(б) от советских людей. В них не было места для рассуждений об

[19] Вот, к примеру, в каких условиях находились шахтеры — одни из ведущих отрядов рабочего класса в восстановлении и дальнейшем развитии энергетической базы страны. В ЦК ВКП(б) — секретарю ЦК А. А. Кузнецову — в 1947 г. поступали многочисленные свидетельства тяжелого положения горняков ряда угольных бассейнов. Приведем лишь некоторые. «По 25 шахтам комбинатов «Сталинуголь» и «Артемуголь» проверкой установлены такие ненормальные явления: 1. Многие рабочие шахт живут в неотремонтированных домах (протекают крыши, не застеклены окна, не отремонтированы печи). 2. Не выполняются договора по завозу топлива. Рабочие сами вынуждены приносить уголь домой. 3. На многих шахтах рабочим задерживается зарплата на 10—15 дней. 4. В столовых качество питания низкое. Имеются факты обвешивания и обворовывания столующихся рабочих» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 220, л. 206). Инспектор ЦК Киселев писал секретарю ЦК А. А. Кузнецову: «В Кузбассе крайне тяжелая обстановка с обеспечением жильем. Большое количество рабочих размещено в землянках, плохо приспособленных для жилья хозяйственных постройках, сараях, овощехранилищах и даже скотных дворах. Во многих общежитиях специальные двухъярусные нары, переполненные до отказа рабочими и членами их семей» (там же, л. 215). Еще один пример — по Черемховскому бассейну (шахта «Владимир»): «Многие рабочие, живущие в общежитии и землянках, по нескольку месяцев не были в бане и не стирали белье. Более тысячи человек рабочих и их семей для приготовления пищи пользуются болотной водой или берут ее из грязного ручья» (Там же, л. 142).

«ускоренном» построении коммунизма. Они думали о том, как наиболее эффективными способами вывести народное хозяйство из тяжелого положения, наладить жизнь населения города и деревни, накормить страну.

Несколько примеров. Бухгалтер ОРСа завода № 40 г. Мытищи (Московская область) С. Д. Александр, беспартийный, разработал собственные рекомендации по дальнейшему развитию социалистической экономики. Рукопись он озаглавил «Послевоенная отечественная экономика» (к сожалению, ее оригинал не сохранился) и направил в начале 1947 г. в ЦК партии на имя Г. М. Маленкова. В своей работе С. Д. Александр рассуждал следующим образом: поскольку восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства СССР будут базироваться главным образом на росте производительности труда, надо в целях стимулирования личной заинтересованности предоставить коллективам трудящихся и отдельным гражданам полную самостоятельность и ответственность за хозяйственную деятельность предприятий. Для этого он считал необходимыми следующие основные мероприятия: 1. Преобразовать государственные предприятия в акционерные или паевые товарищества. Держатели акций — рабочие, служащие, ИТР. Во главе стоит выборный совет акционеров, который обладает всей полнотой власти на предприятии; 2. Децентрализовать функции снабжения предприятий сырьем, топливом и материалами путем создания районных и областных промснабов (вместо снабсбытов при наркоматах и главках); 3. Отменить обязательные поставки, то есть систему государственных заготовок, предоставив колхозам и колхозникам возможность свободно реализовать свою продукцию по ценам, складывающимся на рынке; 4. Полностью отменить существующую денежную систему и ввести новую, основанную на золотом паритете; 5. Ликвидировать государственную торговлю, целиком передав ее функции торговым кооперативам и паевым товариществам. Каждый кооператив, по его мнению, должен являться совершенно самостоятельным и действовать «на свой собственный страх и риск». Автор ратовал за колхозный рынок, где был бы «свято сохранен принцип вольных цен» [20].

Аналогичные взгляды были высказаны инженером ремонтно-механического завода № 1 Татарской АССР членом ВКП(б) Э. Г. Ридом. В письме в ЦК партии он предложил наряду с социалистическим соревнованием ввести на наших предприятиях конкуренцию, которая, по его мнению, послужила бы могучим рычагом снижения себестоимости и повышения качества продукции.

Практическое проведение принципа конкуренции автор письма связывал с переводом предприятий на акционерные начала. Он писал: «Предприятия, имеющие основной капитал «n» рублей, выпускают акции на «m» рублей. Каждый проработавший на предприятии не менее определенного срока (предположим, полгода), получает акции на некоторую сумму, зависящую от занимаемого им положения на предприятии, стажа работы и величины его заработной платы. Если предприятие работает экономически успешно, имеет прибыль,— часть этой прибыли отчисляется на дивиденд и выдается работающему». Э. Г. Рид высказал убеждение, что выпуск акций и распределение их между рабочими и служащими усилит материальную заинтересованность работников, заставит их думать над улучшением работы предприятия, укрепит экономическую мощь нашей страны [21].

Как ни удивительно, но то, что писалось и думалось в далекие послевоенные годы, неожиданно оказывается актуальным в сегодняшних условиях. Значит, неиссякаем творческий потенциал народа. Не все,

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 125, д. 454, л. 1, 2.
[21] Там же, л. 3.

конечно, в этих предложениях бесспорно, но главная направленность их — против чрезмерной централизации хозяйственного механизма, нацеленного на реализацию планов «вождя»,— отчетливо просматривается. Важно и другое — забота рядового советского человека, «винтика», о судьбах страны, государственный подход к проблемам.

Участь этих документов такова. Они попали в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и были списаны в архив, как содержащие «неправильные и вредные взгляды о дальнейших путях экономического развития советского государства» [22]. О судьбах их авторов ничего не известно.

Сомнения в непогрешимости сложившейся системы, которая якобы была ориентирована на строительство коммунизма, начинали возникать и у некоторых партийных работников. Так, секретарь Мордовского обкома ВКП(б) И. А. Кочергин поместил в местной газете статью «Правильно распределять доходы в колхозах». Разбирая послевоенные трудности в развитии сельского хозяйства республики и учитывая их объективные причины, автор вместе с тем пришел к выводу, что во многих случаях руководители колхозов не используют всех возможностей, скрытых резервов для поднятия их хозяйств. Говоря о финансовых затруднениях отдельных колхозов, секретарь обкома писал: «Если бы руководители колхозов по-настоящему заботились об артельном хозяйстве, они бы и мед, как продукт ненормированный, могли реализовать на рынке, выручить сотни тысяч рублей и не только свободно купить семена капусты, но могли бы купить бычков, телеги, сани, сбрую, плуги, сеялки, культиваторы и т. д.». В заключение он приходит к выводу, что «забота о расширенном производстве, забота об организации новых отраслей хозяйства в колхозе — все это лежит на плечах самих колхозников». Реакция на эту статью в аппарате ЦК была, естественно, отрицательной. В докладной записке заместителя заведующего Отделом партийной информации тов. Якушева секретарю ЦК М. А. Суслову (октябрь 1947 г.) были даны такие оценки: «В статье допущены грубые ошибки... Статья т. Кочергина не вооружает, а дезорганизует... Практические советы секретаря обкома ВКП(б) т. Кочергина являются не только неправильными, но даже вредными». И вывод: «Если встать на позиции т. Кочергина, то получается, что колхозы у нас предоставлены самим себе» [23].

Секретарь обкома, работавший в глубинке, там, где положение колхозного крестьянства было особенно трудным, не мог в силу своей партийной совести не искать пусть на первый взгляд примитивных, но реальных путей улучшения сложившейся в деревне тяжелой обстановки. Подобные выступления среди партийной номенклатуры были тогда редкими, но тем более симптоматичными. И характерна в этом случае скорая и безапелляционная, с приклеиванием политических ярлыков реакция центрального партийного аппарата.

Порой свидетельства очевидцев исторических событий дают более глубокое, а главное — осязаемое представление о времени, чем статистические цифровые выкладки (которые, конечно, тоже необходимы). Такие показания способствуют пониманию многообразного и подчас неоднозначного переплетения политических установок сверху и реальных жизненных коллизий. Следует еще иметь в виду, что любые откровенные критические высказывания в первые послевоенные годы могли сразу повлечь за собой репрессивные меры, в лучшем случае — остракизм, общественное осуждение. Поэтому для нас особенно ценны свидетельства советских людей тех лет, позволяющие уяснить их гражданскую позицию.

---

[22] Там же, л. 4.

[23] Там же, оп. 122, д. 210, л. 2, 4.

Показательно в этом плане письмо слушателя Смоленского военно-политического училища пропагандистов Красной Армии, коммуниста, фронтовика Н. М. Мельникова, адресованное в апреле 1946 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. В нем сообщалось: «На протяжении 1945—1946 гг. я очень близко столкнулся, изучил жизнь ряда колхозов Брянской и Смоленской областей. То, что я увидел, заставило меня обратиться к Вам как секретарю ЦК ВКП(б). Как коммунисту мне больно выслушивать от колхозников такой вопрос: «Не знаете, скоро ль распустят колхозы?» Свой вопрос, как правило, они мотивируют тем, что «жить так нет сил дальше». И действительно, жизнь в некоторых колхозах невыносимо плохая. Так, в колхозе «Новая жизнь» (Брянской области.— *Ю. А.)* почти половина колхозников уже по 2—3 месяца не имеют хлеба, у части нет и картошки. Это присуще не только для этого района». Главные причины такого положения автор письма видел «в плохой организации труда и отсутствии правильного, умелого руководства». Он приводил и конкретные примеры порчи сельскохозяйственной продукции, хищений со стороны «руководящих товарищей». На этом фоне тягостно его свидетельство о том, что руководители колхоза «Новая жизнь» «пьют, ужасающе пьют, пропивают колхозное добро, отдают «по блату», а колхозникам на трудодни приходится шиш» [24].

Это письмо можно рассматривать как концентрированное выражение тревоги рядовых членов партии, советских людей за положение послевоенного сельского хозяйства, сочувствия тяжелой жизни его тружеников. Вместе с тем здесь ощущаются и наивная вера во «всемогущество» высших партийных руководителей, которые не «ведают», что происходит на местах, и убежденность в том, что все можно поправить, наладить нормальную жизнь в деревне, если призвать к порядку местное руководство.

Еще свидетельство. В Кляцком районе Барановичской области в сентябре 1946 г. работник Министерства заготовок Г. М. Гошин и инструктор райкома партии И. С. Корниенко потребовали выполнить план заготовок «любой ценой». В сельсовет была вызвана группа крестьян-недоимщиков. Тех, кто просил отсрочку на один-два дня ввиду отсутствия намолоченного зерна, помещали в подвал, находившийся под зданием сельсовета. Затем «для острастки» стали выводить граждан из подвала и опускать их вниз головой в колодец, «при этом они подвергались избиению» [25]. Это в Белоруссии.

Подобных писем, не попавших, естественно, на страницы тогдашних газет, но сохранившихся в партийных архивах, можно найти предостаточно. О чем они свидетельствуют? Во-первых, о несоответствии перспективных сталинских планов построения коммунистического общества в сравнительно недалеком будущем и тяжелейших реальных условий жизни советских людей, что говорит о полной утопичности таких планов; во-вторых, о непонимании и глухом, еще подспудном сопротивлении этим планам в разных слоях общества, что свидетельствовало о нарастании кризиса всей сталинской системы тоталитарно-командного социализма; в-третьих, об униженном, зависимом от прихотей власть предержащих состоянии советских людей, спасших незадолго до этого свою Родину от фашистского порабощения.

К началу 50-х годов кризис окончательно обозначился и в теоретическом обосновании перспектив дальнейшего развития социалистического общества. Незадолго до открытия XIX съезда ВКП(б) в «Прав-

[24] Там же, д. 162, л. 26, 28. Сообщенные Н. М. Мельниковым факты затем подтвердил проверкой ответственный работник Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) т. Борзов в записке на имя Секретаря ЦК Н. С. Патоличева.

[25] Там же, д. 130. л. 178

де» была опубликована работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», положения которой оказались напрочь оторванными от реальной жизни страны. Признавая действие закона стоимости при социализме в силу наличия товарного производства «особого рода», Сталин считал, что сфера его действия была крайне ограничена и затрагивала, по существу, лишь область производства и обмена предметов потребления. Поэтому деньги, цена и другие категории товарно-денежных отношений, по его мнению, могли функционировать в советской экономике лишь формально, без их экономического содержания. Обвинив ученых-экономистов А. В. Санину и В. Г. Венжера в «непонимании марксизма», Сталин утверждал, что «товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму» [26].

В работе был выдвинут тезис о том, что уже в ближайшей перспективе товарно-денежные отношения между городом и деревней должны заменяться прямым продуктообменом между государственной промышленностью и колхозами, что является одним из условий перехода к коммунизму [27]. Это положение исходило из ранее существовавших воззрений, отрицавших принципы хозрасчета в колхозах, что было напрямую связано с игнорированием возмещения общественно необходимых затрат в сельском хозяйстве. Проблема «перехода к коммунизму», таким образом, упрощалась и сводилась главным образом к административным мероприятиям в сфере распределения.

Комментируя идеи «гениального труда» Сталина, А. И. Микоян в выступлении на XIX съезде партии отмечал, что «зачатки» продуктообмена путем «отоваривания» сельхозпродукции посредством договоров с государством необходимо «развить в широкую систему». Эта система позволит, «советует товарищ Сталин, без особой торопливости, но неуклонно и без колебаний «выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозниками». Иными словами, продолжал оратор, необходимо «шаг за шагом сокращать сферу действия товарного обращения и расширять сферу действия продуктообмена... подготовить постепенный переход к коммунистическому способу распределения продуктов труда» [28].

В конце работы съезда по предложению Л. М. Кагановича, выступившего с сообщением о переработке Программы партии, была принята резолюция, в которой записано: «При переработке программы руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [29]. Таким образом, псевдонаучные, вульгаризаторские рассуждения Сталина должны были послужить теоретическим обоснованием «модели» построения коммунизма в СССР.

И каким резким диссонансом сталинским «теоретическим» построениям выступало реальное положение трудящихся масс, якобы уже «созидавших» в те годы коммунистическое общество! Материальное положение населения городов, крупных промышленных центров по сравнению с первыми послевоенными годами несколько улучшилось, но ненамного. Что же касается сельских тружеников, то их бедственное состояние в целом по стране сохранилось. В аппарат ЦК поступало много сведений о плохом снабжении колхозников промтоварами, об их полуголодном существовании, о продовольственной политике выколачи-

[26] Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 92.
[27] См. там же, с. 93.
[28] Девятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1952, Бюлл. № 8, с. 11—12.
[29] См. КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 2, 7-е изд. М., 1953, с. 1138.

вания из деревни всех «излишков», по существу являвшейся продолжением продразверстки. Усилилась миграция трудоспособного населения в города. Приведем лишь одно свидетельство того времени, выпукло отразившее жизнь «строителей коммунизма».

Известная писательница М. Н. Смирнова, лауреат Сталинской премии (1948 г.), автор сценариев фильмов «Сельская учительница», «Сельский врач» и др., летом 1952 г. побывала в 22 колхозах Калужской области. О своих впечатлениях она осмелилась написать Сталину. Вначале Смирнова пишет, что факты, о которых она считает своим долгом сообщить, «слишком многочисленны. Изменить их может только самое высокое начальство».

О каких же фактах шла речь? Только в трех из посещенных писательницей колхозов положение было более или менее сносным. «Остальные девятнадцать считаются рядовыми и отстающими, т. е. такими, где колхозники в лучшем случае получают на трудодень 200—300 граммов хлеба, а в худшем — ни грамма». Далее она пишет: «Трудно себе представить, дорогой Иосиф Виссарионович, жизнь этих людей, которые за девять лет (три года войны и шесть после войны *) работают даром. Чем они живут, что едят? Едят они картошку с приусадебного участка, картошкой же выкармливают свиней, но ни салом, ни мясом их не пользуются. Деньги, вырученные от продажи поросят, целиком идут на уплату государственного налога и на самые насущные нужды (как соль, кепка, чугунок). О мыле даже не помышляют, обходясь щелоком, отчего рубахи и платки их имеют какой-то грязно-бурый цвет. Одежда исключительно ветхая, часто домотканая, древние рваные зипуны, лапти с онучами, опорки». Молоко от своих коров не только полностью сдают государству, но «еще подкупают для сдачи. Зимой живут эти люди в одном помещении со скотиной. Хлеб едят такой, что один вид его вызывает неприятное чувство, на вкус же противен, потому что печен с конским щавелем и картошкой (это при тяжелой физической работе)». В таких условиях «люди потеряли главное: перспективу улучшения жизни». И в заключение вновь обращается к «дорогому Иосифу Виссарионовичу»: «Очень, очень необходимо помочь выйти из тяжкого прорыва тысячам честных, преданных, не щадивших живота своего в борьбе с фашистскими захватчиками, но не сумевших справиться с трудностями и потерявших перспективу людей». Факты, изложенные в письме М. Н. Смирновой, проверкой подтвердились, что нашло отражение в докладной записке на имя Маленкова [30].

Таким было положение народных масс к концу «правления Сталина». Нет сомнения, что жизнь «тружеников полей» Калужской области не являлась исключением. Столь настойчиво провозглашаемая пропагандой забота «отца народов» о нуждах трудящихся на поверку оказывалась фикцией. И это было накануне XIX съезда КПСС, который проходил под знаком построения коммунистического общества.

* * *

Послевоенные планы развития советского общества органически вписывались в сталинскую антидемократическую, тоталитарную модель социализма. Суть их состояла в том, чтобы во время разрухи, бедственного положения трудящихся, недостаточного материально-технического обеспечения всей социально-экономической системы сконструировать волюнтаристскими, приказными методами и начать «претворять в жизнь» утопическую в данных условиях модель общественной структуры. Тогда, в послевоенные годы, «гением» Сталина была создана

* Так в документе.— *Ю. А.*

[30] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 119, д. 1292, л. 14, 18, 19, 20, 22.

программа ускоренного строительства коммунизма — программа умозрительная, полностью оторванная от жизненных реалий и потому не отвечавшая насущным потребностям широких народных масс.

Но в этом и заключались основы сталинского понимания возможностей реализации марксистско-ленинского учения о создании бесклассового, коммунистического общества как вершины прогресса человеческой цивилизации. Навязывать «сверху» свои построения — и не иначе. Причем не только в собственной стране, но и в других государствах, на Западе и Востоке — где угодно — навязывать и утверждать. К этому сводилась и суть выступления Сталина на XIX съезде партии о новых «ударных бригадах» в международном коммунистическом движении [31].

Конструирование «сверху» общественно-революционных преобразований, не считаясь ни с объективными закономерностями развития общества, ни с мнением и желанием «низов», характерно для всей административно-командной системы.

Показательно, что и в 1959 г., на XXI съезде КПСС, Н. С. Хрущев провозгласил достижение полной и окончательной победы социализма и заявил о наступлении периода «развернутого строительства коммунистического общества», а в третьей Программе партии, принятой на XXII съезде, оказались все те же 20 лет, якобы необходимые и достаточные для построения коммунизма в основном [32]. Здесь мы видим тот же облегченный, вульгаризированный подход к теоретическим проблемам. Да и брежневская теория «развитого социализма», утвердившаяся в годы застоя, прогрессирующего развала авторитарной системы, также свидетельствовала о несостоятельности сталинской модели социализма. «...Многим новаторским идеям основателя Советского государства,— говорится в одобренном Политбюро ЦК КПСС документе «К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина»,— не суждено было воплотиться на практике. Подтвердились его опасения, связанные с возможным бюрократическим извращением сущности новой власти. Утверждение сталинского режима, командно-административной системы привело к насильственной унификации общественной жизни, нарастающему отчуждению народа от политики, собственности и власти, к трагической деформации партии и дискредитации социализма» [33].

Смерть Сталина явилась зримым рубежом в истории нашей Родины, партии, мирового коммунистического движения. Открывалась возможность альтернативного выхода на гуманные, сущностные позиции социализма. Но коренного, революционного слома всей системы сталинизма в теории и на практике не произошло, несмотря на разоблачение наиболее уродливых черт культа личности, выразившихся в массовых необоснованных репрессиях. Известные шаги в сторону демократизации оказались робкими и недолговечными. Общественно-психологическое сознание не было готово к резким переменам, а высшее партийно-государственное руководство страны (Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, Н. А. Булганин) не стремилось к ликвидации тоталитарной системы власти. Еще менее хотели этого Л. И. Брежнев и его окружение.

Разрушительные последствия теоретических деформаций, вызванных сталинизмом, приходится пожинать и сегодня, в бурный, порой трудно прогнозируемый период революционной перестройки общества «реального социализма». Начавшийся демонтаж всей модели сталинского авторитарного режима — настоятельное веление времени.

---

[31] См. Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г., М., 1952, с. 9.

[32] См. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенограф. отчет. Т. 1. М., 1959, с. 20, 107; КПСС в резолюциях и решениях..., т. 10. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986, с. 127—128.

[33] Правда, 7 марта 1990 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

Б. В. ЛЕВАНОВ,
доктор исторических наук, профессор;
Л. И. ОЛЬШТЫНСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор

Данная лекция разработана в соответствии с программой по курсу «История политического развития СССР в мировом сообществе (конец XIX—XX век)». Курс рассчитан на технические вузы, где он занимает ведущее место во всей гуманитарной подготовке студентов, продолжая на более высокой ступени их историческую подготовку, полученную в среднем учебном заведении.

Время властно требует объективно и критически разобраться в историческом опыте прошлого, ибо в нем люди ищут ответы на многие сложные вопросы современности. Но для того, чтобы политическая история могла реализовать эти гражданские потребности человека, она должна быть подлинной наукой, не лакействующей ни перед кем, наукой точной, позволяющей четко определить, где — истина, а где — заблуждение или фальсификация. Без этого нельзя избавиться от суррогатов исторических представлений, тех псевдознаний и заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии бытовали в прошлом и воспроизводятся нередко и сейчас.

Как всякая наука, политическая история СССР имеет свое место и задачи в системе высшего образования, свои предмет, методологию и методы изучения, социальные функции и источники собственного развития.

Для уяснения всех этих понятий предлагаем начать изучение курса с рассмотрения следующих вопросов:

1. Политическая история как важнейшая составная часть гуманитарной и мировоззренческой подготовки в техническом вузе.
2. Предмет, методология и методы изучения курса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Чтение вводной лекции по курсу можно начать с выяснения одного из главных вопросов: для чего нужно знать политическую историю своей страны? Ответить на этот вопрос мы сможем, выяснив прежде всего социальные функции знания истории советского общества. Без этого невозможны восстановление и сохранение нашего национального прошлого, уяснение его места и роли в великой драме истории. Народ без исторической памяти обречен на деградацию.

Какие функции выполняет курс политической истории? Первой из них, как и во всякой другой отрасли исторических знаний, является **познавательная, интеллектуально-развивающая.**

Часто слово «история» понимается как процесс, движение во времени и как процесс познания во времени. Содержанием истории вооб-

ще и политической истории в частности как специальной отрасли научного знания служит исторический процесс.

С позиций нового политического мышления, утверждающего приоритет общечеловеческих ценностей, следует заметить, что человеческое общежитие — такая же часть мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и его научное познание — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни природы.

Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках и источниках. Явления эти чрезвычайно разнообразны, касаются внешней и внутренней жизни страны, международных отношений, деятельности исторических личностей.

В данном случае нас будут интересовать закономерности развития исторического процесса, то есть условия зарождения, становление, функционирование политической системы нашего государства, социально-политическое развитие советского общества как части мирового сообщества, где существуют две основные социально-экономические формации: капиталистическая и социалистическая.

Таким образом, познавательная функция состоит в самом изучении исторического пути нашей страны, нашего народа-первопроходца, а также в объективно-истинном, с позиций историзма, отражении всех явлений и процессов, составляющих политическую историю Советского государства. Стремясь к объективному познанию политической истории страны, надо постоянно проверять себя, изучая цепь политических событий в их целостности, в причинной связи и результатах. Анализ ошибок вчерашнего дня даст возможность избежать ошибок сегодня и завтра[1]. Но всесторонность, тщательность изучения этих ошибок не должны перечеркивать той огромной положительной работы, которую проделали трудящиеся страны за годы Советской власти.

Один из образованнейших людей своего времени — Н. Г. Чернышевский говорил: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта...»[2] Можно не знать многих наук и быть образованным человеком, но нельзя быть образованным, не зная истории. Это полезно подчеркнуть в начале лекции.

Вторая функция — практически-политическая. Сущность ее состоит в следующем: история как наука, выявляя на основе теоретического осмысления исторических фактов закономерности, тенденции развития общества, помогает вырабатывать научно обоснованный политический курс, избегать субъективных решений. **В единстве прошлого, настоящего и будущего — корни интереса людей к своей истории.**

Следует заметить, что изучение политической истории в рамках «гражданской истории» Отечества — давняя традиция русских историков, забытая отчасти и под влиянием «Краткого курса истории ВКП(б)».

Так, выдающийся русский историк В. О. Ключевский, определяя практическое значение знаний истории, исторического сознания, говорил: «Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями»[3]. Нельзя не согласиться с ним и в том, что у каждого поколения есть свои идеалы. Но они непригодны для всех, всегда и везде. Следовательно, чтобы знать, какие из них и в какой форме могут быть осуществлены в данном обществе и в данное конкретно-

---

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 257.
[2] См. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. Т. 7, М., 1950, с. 923.
[3] Ключевский В. О. Соч. В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987, с. 61.

историческое время, надо хорошо изучить накопленный обществом опыт, тщательно взвесить и оценить его. Это тем более необходимо сегодня, ибо мы живем во время, богатое различными идеалами, зачастую борющимися друг с другом и порой глубоко враждебными. Все это затрудняет целесообразный выбор пути общественного развития.

Чтобы знать, куда и как идти обществу в своем развитии, нужно знать, откуда, из какого состояния оно вышло и каков его исторический путь.

Сегодня перестройка, сама жизнь ставят перед политической историей много вопросов. Определяя задачи и направления своей деятельности, каждый из нас должен быть в какой-то степени историком, чтобы стать гражданином. Это следует сказать студентам.

Третья функция — мировоззренческая. Изучение политической истории непосредственно влияет на формирование научного мировоззрения. История создает документально точные и одновременно взволнованные повести о выдающихся событиях прошлого, революционных битвах угнетенных против угнетателей, о революционерах, борцах за народную свободу, мыслителях и других героях истории, которым общество обязано своим развитием.

Мировоззрение — взгляд на мир, общество, законы его развития — может быть научным, если опирается на объективную реальность. В общественном развитии объективная реальность — это исторические факты. История, ее фактологическая сторона являются фундаментом, на котором зиждется наука об обществе. На исторической неграмотности спекулируют всяческие сторонники догм и «лженауки» об обществе, так как, не зная исторических фактов, люди вынуждены принимать разные идеологические построения и гипотезы на веру.

Чтобы выводы из истории были действительно научными, необходимо изучать все факты, относящиеся к данному процессу или явлению без исключения и в их совокупности, только тогда можно получить объективную, адекватную действительности картину, а следовательно, и обеспечить научность познания.

Думается, весьма актуально, как напутствие, звучит следующее ленинское пожелание: «...Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» [4].

Но история — это не бухгалтерский учет фактов, а историк — не «мешок с фактами». История, осмысливая факты, их взаимосвязь, выявляет сущностные процессы, происходящие в обществе, и закономерности их развития. Познание же существа исторического процесса, его закономерностей на примерах прошлых поколений позволяет создать подлинную картину жизни современного общества, то есть сформировать объективное представление об обществе — научное мировоззрение.

История обладает огромным воспитательным воздействием. Знание истории своего народа и всемирной истории формирует гражданские качества — патриотизм и интернационализм; показывает роль личности в истории; позволяет познать моральные и нравственные ценности человечества в их развитии; понять такие категории, как честь,

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350, 351.

долг перед обществом, человеческое счастье и добро, а также видеть пороки общества и людей, их влияние на человеческие судьбы.

Изучение политической истории позволяет понять, чьи интересы выражают те или иные партии, общественные группы, их лидеры, и соотнести классовые, социальные интересы с общечеловеческими, показать приоритет последних на конкретных примерах общественных явлений. Именно поэтому история всегда была, есть и будет острым оружием идеологической борьбы, средством влияния на политические настроения людей.

Одним из важнейших мировоззренческих аспектов изучения истории является формирование историзма мышления. Изучение истории помогает мыслить историческими категориями, видеть общество в развитии, в изменении, оценивать явления общественной жизни по отношению к прошлому и соотносить с последующим ходом развития событий.

Такой подход приучает осмысливать действительность не в статике, не метафизично, а в историческом процессе, в хронологической взаимосвязи, в диалектике развития.

Историзм мышления включает в себя также умение оценивать исторические события, действия масс и личностей в контексте с теми историческими условиями, которые реально существовали в тот период, с конкретным уровнем общественного сознания и массовой психологии. Отсюда и оценка результатов деятельности должна определяться относительно того, что̀ достигнуто в сравнении с предыдущим этапом, то есть какой путь пройден в результате этого.

Таковы в самом общем виде социальные функции изучения политической истории как важнейшей составной части и даже, можно сказать, основного звена гуманитарной подготовки в техническом вузе среди немногих дисциплин этого раздела высшего образования.

Рассмотрев значение и место исторической подготовки в системе высшего технического образования, необходимо разобраться, что же конкретно составляет предмет изучения нашего курса и каковы методы его познания.

ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

В каждой науке предмет изучения составляет определенная система объективных закономерностей. Политическая история как наука не исключение. Предметом ее изучения являются закономерности социально-экономического и политического развития общества. Следует отметить, что она является наиболее сложной областью человеческого познания.

Политическая история рассматривает общественные процессы и движения, деятельность различных политических сил и партий, развитие государственных структур и политической системы. В предмет нашего курса «История политического развития СССР в мировом сообществе» входит как основная часть изучение политической истории советского общества, ведущей силой развития которого является КПСС с ее героическими и драматическими страницами истории. Но политическое развитие советского общества нельзя правильно понять вне связи с мировыми историческими процессами, с развитием мирового сообщества. Поэтому второй составной частью предмета нашего курса является изучение мировых общественных процессов в их взаимосвязи с политической историей России и СССР.

Коротко говоря, предметом изучения курса является процесс формирования предпосылок зарождения и социально-политического развития советского общества как части мирового исторического процесса

в XX веке в диалектической взаимосвязи и противоречиях капиталистической и социалистической общественных систем.

Такой диалектический подход, на наш взгляд, в наибольшей степени способствует формированию современного политического мышления, гуманитарному общечеловеческому подходу в решении современных проблем.

В отличие от прошлых подходов к изучению истории в данном курсе будут рассматриваться многомерный исторический процесс и вариантность возможного его развития, деятельность различных политических сил с объективным анализом положительных и отрицательных сторон каждой из них в прогрессивном развитии общества, факторы, определяющие социально-политический выбор масс — главного творца истории, авангардная роль КПСС.

В основу изучения курса положен проблемно-хронологический принцип. Курс имеет четкие хронологические рамки каждого рассматриваемого периода, соответствующие определенным этапам мирового исторического процесса и политического развития советского общества в их совокупности.

Он начинается с изучения основных социально-экономических процессов и политических движений в Западной Европе и России во второй половине XIX в. На рубеже XIX—XX вв. в российском обществе зарождаются идейно-политические течения, оказавшие влияние на последующее политическое развитие России: консерватизм, либерализм, народничество, анархизм и социал-демократия.

Последующий период — с 1900 по 1914 г.— характеризуется усилением противоречий капитализма, вступившего в империалистическую стадию развития, и подготовкой к мировой войне за передел мира. В это время нарастает революционный подъем.

Центр революционного движения перемещается в Россию, где происходит первая народная революция XX в. Классовая борьба в России приобретает ярко выраженный партийный характер, формируются основные политические партии, отрабатываются их программные, стратегические и тактические установки.

Первая мировая война положила начало новому периоду в развитии мирового сообщества, завершившемуся Великой Октябрьской социалистической революцией. Империалистическая война явилась «всесильным режиссером», ускорившим революционный процесс и приведшим народные массы к революционному взрыву. Февральская революция в России, неумолимо развиваясь, привела народные массы к коренным социальным преобразованиям в октябре 1917 г. Партия большевиков во главе с В. И. Лениным шла в авангарде революционной борьбы масс. Сущность этого процесса и борьба различных политических сил и партий за альтернативные пути его развития вызывают и сейчас острый политический интерес в нашей стране и за рубежом. Это следует отметить в аудитории.

Период с октября 1917 по 1920 г. характерен тесной взаимосвязью социально-политических процессов в России и Европе, полностью подтвердивших марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы и социалистической революции как ее закономерного результата. Великая Октябрьская революция, последующий за ней выход из войны и социальные преобразования в Советской России ускорили развитие революционного процесса в Европе, а с другой стороны, вызвали организованное военное сопротивление внутренней и мировой контрреволюции. Народы России вступили в трагическую гражданскую войну, которая по времени совпала с революциями в Европе и борьбой пролетариата Финляндии, Германии, Венгрии и Словакии за власть Советов. Однако ход истории не имеет фатальной предопределенности. В силу ряда исто-

рических причин победа социалистической революции была достигнута лишь в России — разоренной стране, которая осталась одна в капиталистическом окружении.

Окончание первой мировой войны и победа Советской власти в России в 1920 г. стали началом следующего периода в жизни мирового сообщества, который условно можно назвать «межвоенным». Не разрешенные в первой мировой войне межимпериалистические противоречия наложились на стремление реакционных империалистических сил уничтожить или подчинить себе СССР. Экономический кризис в капиталистическом мире в 1929—1933 гг. подстегнул подготовку к новой мировой войне. Германский фашизм открыто вступил на путь агрессии в борьбе за мировое господство. Здесь же рассматриваются ленинская политика «гражданского мира», нэп и противоречивые процессы социально-политического развития советского общества после смерти В. И. Ленина, сталинские деформации ленинских идей социалистического строительства.

Период второй мировой войны как бы завершает полувековую полосу мировых войн и связанных с ними социальных революций XX в. Советский Союз, перенесший тяжелейшие испытания в годы войны с фашистской Германией, сумел выстоять и внес решающий вклад в спасение человеческой цивилизации от коричневой чумы. В годы войны сложилась антигитлеровская коалиция государств с различным общественным строем. Изучение в этом разделе исторических процессов позволяет понять расстановку политических сил в послевоенном мире.

Послевоенные десятилетия разделяются в курсе на три периода. В первом (1945 г.— конец 60-х годов) происходит формирование послевоенного мира по итогам войны, идет процесс образования мировой системы социализма и крушения колониализма под напором национально-освободительного движения при поддержке его странами социалистического содружества. Этот период характерен сужением сферы действия системы капитализма и ее периодическими кризисами. В то же время идет процесс поступательного развития стран, вступивших на путь социализма и национального возрождения освободившихся народов. В СССР начинается демократизация общества и делается первая попытка освобождения от культа личности.

Международные отношения характеризуются острой конфронтацией двух систем и безудержной гонкой ядерных вооружений, поставивших мир на грань ядерной войны. Достижение Советским Союзом стратегического паритета с блоком НАТО коренным образом меняет соотношение сил в мире и создает условия для разрядки международной напряженности.

Период с конца 60-х годов до 1985 г. связан с развитием новых тенденций в мировом сообществе под влиянием НТР, приспособлением империализма к новым историческим условиям и нарастанием противоречий в социально-экономическом и политическом развитии стран социалистической системы. В международных отношениях делаются попытки выйти из ядерного тупика и добиться разрядки напряженности. В СССР зарождается идеология перестройки и новое политическое мышление.

Завершается курс циклом лекций, освещающих историю и сущность перестроечных процессов в СССР, их влияние на мировое сообщество с апреля 1985 г. по настоящее время.

При изучении процессов развития советского общества в центре находится деятельность КПСС, освещаются ее героические и драматические страницы в борьбе за победу нового общественного строя.

Объективное познание общественных процессов обеспечивается научной методологией. Современная методология изучения обществен-

ного развития основывается на диалектико-материалистическом методе, получившем наиболее широкое признание в мировой научной мысли. Марксистская диалектико-материалистическая методология рассматривает общественное развитие как естественноисторический процесс, имеющий объективные законы, проявляющиеся в деятельности последовательно сменяющихся поколений людей в конкретных исторических условиях.

В. И. Ленин подчеркивал: «Марксизм всегда отличался от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [5].

Историческая наука раскрывает не один-единственный возможный путь развития, а различные, иногда противоположные пути. Признание вариантности развития определяет особую важность ответа на вопрос: почему, в силу каких причин процесс пошел именно в этом, а не в другом направлении? При этом важно изучение причин не только победы одного варианта, но и поражения другого. В таком методологическом подходе — ключ к правильному использованию исторического опыта для последующих событий, в нем основа научного подхода к анализу исторических процессов.

Признавая общий объективный закон прогрессивно-поступательного развития общества, марксизм выделяет в нем разные периоды: застоя, а иногда и движения вспять; медленного реформистского развития; развития ускоренного, революционного, приводящего к коренным преобразованиям общественных отношений.

Исходя из этих методологических позиций, общественные процессы рассматриваются не как исполнение замыслов одной партии и ее лидеров, а как результат, итоговая равнодействующая борьбы различных классов и слоев общества, отстаивающих свои интересы. При этом возможны альтернативы общественного развития, победа которых зависит от усилий ведущих социальных и политических сил в конкретно складывающейся исторической обстановке.

При таком рассмотрении истории очень важно соблюдение определенных научных принципов изучения общественных процессов. Принципы выступают в качестве субъективных установок, определяющих отношение исследователя к историческим фактам, источникам, методам и приемам их изучения, а главное — к методам извлечения из них определенных выводов. Принципы, отвечающие реальному историческому процессу, позволяют получить научные, соответствующие исторической истине результаты познания.

В современной исторической науке, базирующейся на диалектико-материалистической методологии изучения исторических процессов, принимаются следующие (основные) принципы научного исторического исследования: объективность, историзм и социальный подход (партийность).

Принцип объективности. Рассмотрение политической истории с позиций этого принципа означает прежде всего: 1) изучение объективных закономерностей, которые определяют процессы общественно-политического развития; 2) опора на факты в их истинном содержании, не искажая их и не подгоняя под заранее заданные схемы; 3) рассмотрение каждого явления в его многогранности и противоречивости, изучение всех фактов в их совокупности — положительных и отрицательных, не-

[5] Там же, т. 16, с. 23.

зависимо от того, нравятся они нам или нет, подтверждают существующее мнение или идут вразрез с ним.

Марксистско-ленинское понимание истории общества как объективного и закономерного процесса требует особенно тщательного накопления и изучения фактов. Без этого будут процветать субъективизм в оценке исторических событий, искажение правды. Подлинно научная история должна быть прежде всего правдивой, научно объективной, лишенной преувеличений, строго соответствующей реальной действительности.

Принцип историзма исходит из положений диалектической логики и предполагает рассмотрение фактов и исторических событий в соответствии с конкретно-исторической обстановкой, в их взаимной связи и обусловленности, с учетом соответствующей данному периоду времени расстановки классовых сил, партий, общественных организаций в стране и в мировом сообществе.

Каждое общественное явление, процесс, положение необходимо изучать в развитии (как оно возникло, какие главные этапы в своем развитии проходило) и с точки зрения этого развития смотреть, чем оно стало на данный момент. При этом важно видеть это явление не изолированно, а в связи с другими, тоже меняющимися во времени, и определять его место в системе общественных отношений. В целом же необходимо учитывать, выявлять взаимовлияние, взаимозависимость, взаимообусловленность исторических явлений. Что особенно важно подчеркнуть — научно-исторический подход не позволяет оценивать событие, исторический факт, личность с абстрактных, вневременных позиций, необходимо исходить только из конкретных исторических условий того времени, видеть, что это явление принесло по сравнению с прошлым и как повлияло на последующий ход событий.

Принцип историзма позволяет вжиться в историю, понять ее и оценить мотивы поступков и сами поступки исторических деятелей, увидеть то новое, что эти деятели внесли в политику, практику по сравнению с предшественниками.

Если применять принцип историзма в оценке политических партий, то следовало бы рассматривать их так: во-первых, когда и почему данная партия возникла; во-вторых, что она собой представляла в период своего развития; в-третьих, почему менялись ее программа, политические и тактические установки на разных этапах ее деятельности; в-четвертых, чем в конечном счете стала эта политическая партия или организация в каждое данное время. Это и есть конкретно-исторический подход к анализу истории политической партии. Опыт трех революций в России показал: ничто так не подвержено изменениям, как программа, политика, тактика политических партий. Это можно показать студентам на различных примерах.

Так, одна из самых многочисленных мелкобуржуазных партий социалистов-революционеров (эсеров), образовавшаяся в канун первой российской революции на платформе демократического, крестьянского социализма, отражая колебания мелкобуржуазных слоев населения России, прошла сложный и весьма противоречивый путь развития. Возникнув как революционно-демократическая партия, в годы первой мировой войны она стала соглашательской, а после победы Великой Октябрьской революции — контрреволюционной. Или возьмем пример изменения принципиальных программных требований партии кадетов. В принятой этой партией в октябре 1905 г. программе (в разделе о государственном строе) вопрос о том, какой строй должен быть в России — монархия или республика,— обходился. Говорилось лишь о том, что Россия должна иметь конституцию. Впоследствии это положение было уточнено и дополнено на II съезде партии в 1906 г.— Россия

должна быть конституционной монархией. Конечная цель партии в 1917 г. была сформулирована в программном документе кадетов следующим образом: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стать президент республики...»[6]. Все, что в программах многих либерально-буржуазных и мелкобуржуазных партий было изложено сравнительно сносно и носило демократический оттенок, сразу же терялось, как показывает опыт трех революций в России, как только партии завоевывали политическую власть или менялась ситуация. «Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества...»[7].

Тактика партии большевиков была гибкой при сохранении ими своих четких, открытых стратегических установок, изложенных в программе-минимум и программе-максимум. Именно такое разграничение давало возможность определить перспективные ориентиры партии на различных этапах развития революции в России.

С позиций принципа историзма необходимо рассматривать сегодня также и учение марксизма-ленинизма, которое не стоит на месте, а находится в постоянном движении и развитии. К этому учению, как ни к какому другому, нужен не догматический, а творческий подход. Сегодня необходим историзм и в оценке ленинизма. Теоретически мы признали, что Ленин не одинаков, что взгляды его менялись, и мы отказались от идеологического преференцизма (когда ленинская цитата — все равно из какого периода времени — представляла весь ленинизм). Ленин может быть понят только в развитии, в историческом контексте. Наибольшую ценность для нас сегодня представляют те мысли, выводы Ленина, к которым он пришел в конце своего жизненного пути.

В послеоктябрьский период партия ведет интенсивный поиск конкретных форм организации общества, о чем свидетельствуют прежде всего труды В. И. Ленина. Однако под влиянием догматических установок еще и сегодня нередко недооценивается поисковый характер послеоктябрьских работ Ленина, затушевываются его взгляды на строительство социализма, а их изменение на основе обобщения фактов порой расценивается как слабость. Утвердилось представление о том, что у Ленина якобы имелась законченная программа строительства социализма в стране. Однако это не так. Такой завершенной программы у Ленина не было. Известно, что в первые годы революции акцент делался на прямое распределение, принудительную обязательность труда, строгий учет и контроль, то есть на меры, вошедшие в историю как политика «военного коммунизма». Но после окончания гражданской войны на основе анализа сложившейся ситуации Ленин приходит к выводу, что эта политика себя исчерпала, требует ее немедленной замены, потому что подвести массы к социализму, опираясь лишь на революционный энтузиазм, невозможно. Практика показывала, что необходимо включить в действие экономические механизмы товарного производства и обращения. Отсюда Ленин приходит к выводу об изменении основных направлений в развитии хозяйственной политики. Вразрез с догматическими установками и сложившимся в партийной среде мнением Ленин обосновывает необходимость нэпа. Таким образом, Владимир Ильич разрабатывал свою программу перехода к социализму, заявляя при этом, что он ясно осознал необходимость коренного пересмотра

[6] Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917, с. 6.
[7] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 276.

«всей точки зрения нашей на социализм»[8]. Наметив основные направления концепции строительства социализма в своих последних статьях, письмах, выступлениях, он, к сожалению, не успел определить конкретные организационные меры по их реализации. Он оставил нам лишь наметки, подходы к решению этих проблем. В дальнейшем же они были либо проигнорированы, либо грубо извращены в ходе индустриализации и коллективизации. Во взглядах на социализм, выработанных, выстраданных Лениным на основе практического опыта, мы черпаем многие идеи и подходы, столь необходимые для определения стратегических ориентиров политики обновления.

Принцип социального подхода отражает современное понимание принципа партийности в изучении истории. В соответствии с этим принципом в развитии общественных процессов рассматриваются проявления определенных социальных и классовых интересов, всей суммы социально-классовых отношений: в экономической области, в политической борьбе, в противоречиях социальной психологии и традиций, в межклассовых и внеклассовых противоречиях. Такой анализ Ленин называл «классовым масштабом национального развития»[9].

Социальный анализ позволяет соотнести классовые интересы с общечеловеческими, дать оценку влияния классовых сил и партий, их представляющих, на развитие общественного прогресса, их соответствие интересам народа, Отечества и мирового сообщества в целом.

Принцип социального подхода предполагает одновременное соблюдение принципов объективности и историзма, что в совокупности определяет научность исторического исследования и идеологическую направленность оценки исторического опыта в целях политической практики. Для советской исторической науки эта направленность исторического опыта определяется гуманистическими и демократическими целями обновления социалистического общества.

Здесь уместно подчеркнуть, что социальный подход к истории особенно важен при оценке программ, реальной политической деятельности партий и их лидеров, их роли в развитии общества по тому или иному альтернативному пути развития, что позволяет делать важные практические выводы для современности.

Помимо общих методологических принципов в историческом познании применяются и конкретные методы исторического исследования, которые делятся на три категории: общенаучные, собственно исторические и специальные (приспособленные для истории).

К общенаучным относятся исторический, логический и метод классификации. Исторический метод позволяет воспроизвести процесс развития с его общими, особенными и неповторимо индивидуальными чертами. Логический — связан с историческим и обобщает весь процесс в теоретической форме закономерностей. Логическое — это то же историческое, но в обобщенном теоретическом виде, а историческое — это логическое, но воплощенное в плоть и кровь исторического факта. Классификация как метод позволяет выделить общее и особенное в явлениях, облегчает сбор материала, систематизирует знания и способствует теоретическим обобщениям, выявлению новых законов и т. д.

К собственно историческим методам исследования относятся в первую очередь группы методов, основывающихся на различных вариантах исследования процессов во времени: синхронно-хронологический, диахронный и метод периодизации.

Если первый позволяет раскрыть взаимосвязь одновременных событий, а второй — раскрывает суть событий в их генетической связи,

---

[8] Там же, т. 45, с. 376.
[9] См. там же, т. 36, с. 98.

то третий дает возможность выявить изменение качественных особенностей и установить моменты этих изменений.

Вторая группа собственно исторических методов включает приемы выявления закономерностей исторического процесса. К ним относятся сравнительно-исторический метод, ретроспективный, или метод исторического моделирования, и структурно-системный. Первый имеет целью установить общие тенденции, присущие сходным процессам, выявить пути их развития. Второй позволяет восстановить процесс по выявленным типическим свойствам и показать закономерности его развития. Третий помогает рассмотреть общество как сложную систему со множеством связей в «вертикальном разрезе» иерархически организованных групп.

Специальные методы (приспособленные для истории от других наук) включают: методы статистики, математические методы анализа, методы социологических исследований и методы социальной психологии. Особенно важны при анализе исторических ситуаций последние два, так как состояние масс оказывает главное и непосредственное влияние на ход исторических процессов.

Новые подходы к изучению политической истории расширяют и наши взгляды на использование исторических источников. Рассматривая многомерные исторические процессы, необходимо использовать не только труды классиков марксизма-ленинизма, партийные документы, но и работы представителей других идейно-политических течений и общественных движений, сопоставляя их, анализируя различные точки зрения. Важно восстановить традиции советской историографии 20-х годов, когда исторические события освещались как бы с нескольких идейно-теоретических позиций с использованием публикаций противоборствующих сторон. Это не только развивало творческое мышление, но и позволяло студенту самостоятельно выработать свою позицию.

* * *

Заканчивая вводную лекцию, надо определить, каков же ожидаемый результат работы студента по изучению курса. Мы считаем, что в первую очередь студент должен приобрести цельное представление о содержании, сущности и характере исторического процесса развития советского общества в контексте мирового общественного развития XX в. Полученные знания и практика историко-познавательной деятельности в ходе самостоятельной работы и творческих обсуждений на семинарах расширяют общий кругозор, повышают интеллектуальное развитие и формируют умение и навыки для самостоятельной оценки современной исторической художественной и политической литературы, позволяют делать научно обоснованные выводы из опыта истории для современности, истории политических партий, прежде всего КПСС.

Нельзя жить на земле, не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе и искренних заблуждениях, ошибках наших предков, не помня имен самых знаменитых и праведных, чьими мыслями мы продолжаем пользоваться как само собой разумеющимся, как извечно существующим. Человек должен иметь духовное наследство. Мы увереннее и сильнее себя чувствуем, когда получаем не только власть над ним, но и право на него. Обретая право на прошлое, мы обретаем совесть, обретаем ее не на словах, а на деле.

НОВАЯ УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА И СВЯЗЬ ВУЗОВСКИХ КАФЕДР С ЖУРНАЛОМ

В соответствии с поручением Госкомитета СССР по народному образованию ИПК при МГУ осуществляет переподготовку заведующих кафедрами политической истории вузов страны на месячных курсах. Большое значение в этой учебе придается встречам с представителями редакции журнала «Вопросы истории КПСС», являющимся хорошей формой сотрудничества ИПК при МГУ с журналом. Две последние беседы состоялись с заведующими кафедрами, обучавшимися в февральском и мартовском наборах. На них присутствовали и выступали зам. главного редактора, член редколлегии журнала, докт. философ. наук **А. Е. Крухмалев**, члены редколлегии, заведующие отделами **П. С. Кольцов**, кандидат историч. наук **В. В. Корнев**, зав. отделами, кандидаты исторических наук **А. В. Рябов**, **Р. Н. Соколов**.

Открывая встречи, зав. кафедрой политической истории ИПК при МГУ докт. историч. наук, проф. **А. И. Токарев** отмечал, что сложности и трудности перестройки преподавания истории в вузах вызваны не только требованиями и потребностями перестройки всех сторон общественной жизни, но и теми новациями, которые вводятся Гособразованием СССР. Речь идет прежде всего о замене преподавания в вузах курса истории КПСС курсом политической истории XX века. Принятие этого решения не было предварено методическим обеспечением такого перехода. Не были подготовлены ни проект программы нового курса, ни план издания учебной и методической документации и литературы по нему. В этих условиях, усугубленных сложными общественно-политическими процессами в стране и в высшей школе, задача переподготовки преподавательских кадров приобрела приоритетное значение. Огромную помощь в ее решении призваны оказать журналы исторического профиля, в частности и журнал «Вопросы истории КПСС».

Практически все выступавшие отмечали, что журнал ведет нужную, полезную работу. Заметны шаги перестройки его в свете современных требований к историко-партийной науке, что получает отражение в редакционных статьях, обзорах, публицистических и других материалах, таких, в частности, как В. П. Наумова, В. В. Рябова, Ю. И. Филиппова, Ю. А. Полякова, А. В. Бедова и др. Об этом говорили в своих выступлениях зав. кафедрой Ярославского ун-та докт. историч. наук, проф. **В. Т. Анисков**, зав. кафедрой Иркутского пединститута канд. историч. наук, доц. **М. М. Барский**, зав. кафедрой Киевского инженерно-строительного ин-та докт. историч. наук, проф. **В. Ф. Панибудьласка**, докт. историч. наук, проф. ИПК при МГУ **И. П. Прусанов** и др. Журнал оказывал в прошлом и оказывает ныне помощь вузовским историкам, которые благодарны ему за это и считают его своим надежным и верным помощником. Ст. преподаватель Латвийского ун-та канд. историч. наук **Г. П. Иванов**, проф. ИПК при МГУ докт. историч. наук **О. И. Митяева**, доц. ИПК при МГУ канд. историч. наук **Н. В. Щербань** и др. положительно оценили также статьи В. В. Шелохаева, А. С. Капто, Ф. И. Фирсова, Л. И. Проковой.

Однако, подчеркивалось в выступлениях указанных ораторов, а также зав. кафедрой Казанского сельхозинститута канд. историч. наук., доц. **В. К. Скворцова**, в современных условиях целесообразно сделать главным направлением деятельности журнала оказание методической помощи вузовским историкам, пропагандистам.

Очень остро был поставлен вопрос о необходимости возвращения к публикации методологических материалов в свете новых требований, новых подходов и оценок. Высказывалось неудовлетворение выжидательной позицией журнала, проявившейся в запоздалой реакции на многие публицистические искажения, перехлесты и извращения в прессе исторических процессов, явлений, событий. С болью и недоумением говорили **В. К. Скворцов**, зав. кафедрой Павлодарского пединститута канд. историч. наук **Б. А. Куванов**, доц. Московского института связи канд. историч. наук **Н. П. Чуркинов**, **И. П. Прусанов**, зав. кафедрой Харьковского юридического института докт. историч. наук, доц. **Г. Г. Демиденко** о нападках на В. И. Ленина и марксизм-ленинизм, о настоятельной необходимости защиты доброго имени Ленина, КПСС, историко-партийной науки.

Очень важно в современных условиях вскрывать любые попытки подмены методологии научных и преподавательских исканий иными, ненаучными, конъюнктурными технологизмами и подходами к освещению указанных проблем. **Б. А. Куванов** считает, что защита В. И. Ленина, марксизма-ленинизма, Коммунистической партии и ее истории должна осуществляться не «капельным» методом, а мощным научно-аргументированным потоком публикаций, опирающихся на бесспорный документальный фундамент. При этом следует учитывать и то, что по отноше-

нию к Ленину, его учению, как в целом к исследованию всего исторического опыта партии, утверждал **Г. П. Иванов**, историки раньше подходили узкоклассово, что и вело к перекосам, односторонности.

Много места в выступлениях **В. К. Скворцова, Б. А. Куванова, О. И. Митяевой, Г. П. Иванова, Г. Г. Демиденко, В. Ф. Панибудьласки**, зав. кафедрой Марийского университета канд. историч. наук, доц. **С. А. Сушенцовой, Н. В. Щербань** заняли предложения о настоятельной необходимости публиковать на страницах журнала в историографических обзорах или в виде фрагментов наиболее характерные места из программ непролетарских партий на всех этапах истории нашего общества, выдержки из работ Э. Бернштейна, К. Каутского, из программных документов социал-демократических партий в прошлом и ныне, неформальных организаций и движений и пр. Незаслуженно мало внимания продолжает уделяться деятельности Г. В. Плеханова, его трудам.

Положительно оценивая публикацию на страницах журнала таких материалов, как ленинские замечания и пометки на книге А. И. Деникина «Очерки русской смуты» (см. № 12 за 1989 г. и № 1, 2, за 1990 г.), вузовские историки хотели бы, отмечали в выступлениях **О. И. Митяева, Н. В. Щербань** и др., чтобы на страницах журнала и в дальнейшем появлялись такие же или подобные им публикации воспоминаний других участников исторических событий, выступавших против революции и большевиков.

Многочисленные пожелания высказаны журналу о том, чтобы он превратился в центр консолидации историков партии, координирующий их научную, педагогическую и пропагандистскую деятельность, защищающий их от предвзятостей, злопыхательства и конъюнктурщины, воспитывающий молодых историков партии, широкий круг читателей, интересующихся историей своего Отечества и Коммунистической партии. Представляется оправданным пожелание журналу поддержать идею создания Всесоюзной ассоциации вузовских обществоведов своим вступлением в нее в качестве коллективного члена.

Высказывались рекомендации расширить публикацию материалов по проблемам партийного строительства. **В. К. Скворцов** считает неправильным снижение к ним внимания в условиях пересмотра организационных основ партии и разработки нового Устава КПСС. Очень редко публикуются материалы по проблемам культуры, утверждал **Г. П. Иванов**. Совершенно недостаточно внимания уделяется освещению работы партийных и других архивов, по мнению **М. М. Барского**. Это утверждение основано на его личном опыте, когда он получил необоснованный отказ от предложенного им материала по указанной теме. Расширение таких публикаций окажет серьезную помощь и исследователям, и преподавателям истории. Недостатком, по мнению **Н. В. Щербань**, является неоправданно редкая публикация на страницах журнала материалов по социальной психологии. Как правило, в информациях о проведенных конференциях, симпозиумах, встречах с читателями приводятся рекомендации, пожелания, заметил **Г. Г. Демиденко**, но этим все и заканчивается. Желательно было бы через определенный срок возвращаться к этим рекомендациям с целью показа, как и кем они реализуются, эффективны ли на практике.

Высказывая пожелания о значительном расширении авторского коллектива и публикуемой проблематики **И. П. Прусанов, М. М. Барский**, зав. кафедрой Ленинградского химико-фармацевтического института канд. историч. наук, доц. **В. И. Хрисанфов** и др. подчеркнули, что в настоящее время в журнале преобладают публикации московских авторов, что мало используется огромный потенциал историков других регионов и вузовских центров, что по сей день наблюдается негативное отношение к публикации материалов по истории местных и первичных партийных организаций и т. д. Устранение этих недостатков позволит укрепить связи с читателями, упрочить позиции журнала, увеличить его тираж, быстрее выйти из «осадного положения».

О. И. Митяева отметила, что перемены в обществе, развитие перестройки ставят перед журналом новые вопросы. Как известно, вузы уже переходят на преподавание нового курса «Политическая история XX века». Это необходимо учитывать. «Вопросы истории КПСС» причастны к формированию исторического сознания молодежи, к разъяснению роли Коммунистической партии в политической истории Отечества и XX века в целом. Отсюда задача журнала — помочь вузовским историкам в преподавании нового курса, не отгораживаться от него. Хотелось бы иметь более систематические контакты слушателей ИПК при МГУ и сотрудников ИМЛ при ЦК КПСС при проведении научных дискуссий, «круглых столов» по актуальным проблемам исторической науки. Информация журнала, как правило, интересная и острая, публикуется, к сожалению, значительно позже и не полностью возмещает саму дискуссию. Журнал занял правильную позицию в подходе к нашей истории как многомерному, многофакторному процессу. Крайне нужны статьи о программах непролетарских партий России по национальному и аграрному вопросам.

Б. А. Куванов заявил, что, во-первых, в целях оказания помощи изучающим курс политической истории целесообразно ввести рубрику «В помощь изучающим политическую историю», где следует публиковать материалы для лекционного курса с первой до последней темы проекта программы, документы и справочные данные. Желательно эту рубри-

ку сделать постоянной хотя бы в течение одного года или полутора лет, начиная с седьмого номера текущего года. При этом журнал безусловно должен оставаться научно-теоретическим. Во-вторых, в критическом анализе исторического опыта КПСС в прессе уже допущено много нигилизма, отдельные авторы устранение «белых пятен» превратили в «черную дыру»; борьба со сталинщиной, которую нужно, безусловно, вести и впредь, перерастает подчас в антисоветизм и антисоциализм. Надо решительно устранить эту однобокость. В исторической действительности есть яркие, непреходящие ценности исторического опыта КПСС, социалистического строительства.

Н. В. Щербань отметила, что, осуществляя перестройку своей работы, журнал в связи с введением нового курса может оказать вузовским историкам большую помощь в следующих аспектах: в расширении тематического диапазона публикаций, особенно в показе вклада нашего общества в мировую цивилизацию на протяжении всей его истории; во внедрении диалектического метода в исследование конкретных проблем и периодов нашей истории. Статья Ю. А. Полякова «Исторический процесс многомерен» вывела журнал на авансцену в решении данной проблемы, и, на наш взгляд, следовало бы идти дальше в этом направлении, раскрывая воздействие основных тенденций развития через борьбу противоречий на каждом историческом этапе. Диалектический подход ныне, к сожалению, часто отсутствует в газетных и журнальных публикациях, посвященных критике исторических событий и личностей, в использовании источников. Ныне широко дискутируются такие темы, как «Ленин и насилие», «Февраль и Октябрь 1917 года», «Кооперативы до и после революции» и др. Думается, что публикация на страницах журнала аргументов и фактов по этим острым проблемам не только вооружит преподавателей, но и поднимет интерес к журналу.

В. Ф. Панибудьласка считает что работа журнала должна концентрироваться на трех основных направлениях: научном, научно-методическом и организационном. Научная сторона содержания журнала в основном всегда удовлетворяла читателей и в значительной мере помогала вузовским историкам в преподавании. Научно-методическое направление, как известно, было «узким» местом. Таким оно, к сожалению, остается и до сих пор. В силу известных причин, в частности в связи с переходом к преподаванию нового учебного курса «Политическая история», его роль и значение значительно повышаются. Потребность помощи вузовским историкам в освоении и преподавании этого курса многократно увеличивается. И журнал должен прийти им на помощь. В этих условиях организаторская работа редакции журнала также требует усилий. Редакции следует заказывать материалы не только ученым, но и методистам. Очень хотелось бы, чтобы журнал уже с начала нового учебного года приступил к систематической публикации материалов в помощь преподавателям и студентам по курсу политической истории. Это не только станет огромным подспорьем вузам, но и поможет значительно увеличить тираж журнала.

С острой критикой работы журнала выступил **В. Т. Анисков**. Редакция запаздывает с публикацией материалов по наиболее актуальным, злободневным, остро дискутируемым ныне проблемам, сказал он, боясь, вероятно, прослыть приверженцем определенного направления. При любых обстоятельствах редакция обязана иметь разработанную программу публикаций, подбирать к намеченным темам авторов, предлагать им заказ на подготовку материала и по мере готовности публиковать эти материалы на своих страницах. При этом публикации должны отражать позицию журнала. А для обороны от нападок современных ниспровергателей, думается, будет оправданным создание рубрики «Не можем пройти мимо», где и следует печатать все материалы, отражающие реакцию журнала на те или иные извращения истории партии.

М. М. Барский дал очень убедительное обоснование необходимости и возможности использования вузовских кафедр в качестве первичного звена связи внештатных корреспондентов с журналом, чем, к сожалению, редколлегия занимается мало. Кафедра может выполнять заказ редакции журнала по любым научным и особенно научно-методическим проблемам.

Г. Г. Демиденко обратил внимание на то, что новые документы по истории партии часто публикуются в других изданиях, а не в журнале «Вопросы истории КПСС». При этом они порой неточно, ошибочно трактуются. Так, журнал «Юность» опубликовал так называемую «платформу Рютина», которая оказалась фальшивкой. А где истинная платформа? Опыт свидетельствует о том, что публицистика всегда опережала историческую науку. Однако никогда разрыв между уходящей вперед публицистикой и исторической наукой не бывал так велик, как это наблюдается ныне.

Работники журнала ответили на ряд вопросов участников встреч. В заключение **А. Е. Крухмалев** высказал благодарность участникам за откровенный, доброжелательный и заинтересованный разговор о работе журнала.

А. И. ТОКАРЕВ,
доктор исторических наук, профессор

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СССР

Нынешнее состояние исторического знания и образования в нашем обществе никого не может удовлетворить. Особенно это касается отечественной истории. Перестройка поставила перед гуманитарной наукой задачу оперативно откликнуться на происшедшую резкую политизацию общественного сознания.

Требования нового политического мышления решительно ломают цеховые и отраслевые перегородки в общественно-исторических науках. Растущее многообразие точек зрения и попытки синтезировать их в более или менее законченных исторических трудах и учебных курсах можно только приветствовать. Но закономерная тенденция к интеграции исторического знания пока проявляет себя лишь в традиционном русле в соответствии со сложившимся у нас (отнюдь не закономерно с точки зрения развития науки) разделением труда историков. Отдельно пишутся очерки истории КПСС, отдельно — очерки истории советского общества, и, наконец, в вузах вводится еще и отдельная политическая история XX века.

Между тем очевидна необходимость комплексного изучения истории. Естественно, что ее никак нельзя ограничивать концом XIX в. — XX веком. Понимание процессов, происходящих в этот период, невозможно без знания исторических истоков складывания нашего многонационального государства. Разумеется, отечественная история должна изучаться как часть мирового развития. И в этом несомненное достоинство нового предмета, вводимого Государственным комитетом народного образования. Но есть в нем и существенный изъян. Просто нереально в рамках сравнительно небольшого учебного курса изучить политическую историю XX века. Очевидно, что в основу вводимой дисциплины должна быть положена политическая история своей страны.

Исторический процесс представляет собой нечто цельное и в то же время состоит из совокупности различных сфер общественной жизни. Соответственно при его изучении могут быть выделены экономическая, политическая, военная и другие истории.

Каждый из подходов к прошлому — будь то политологический или культурологический — имеет свой основной объект изучения. Так, для политической истории главное — политическая деятельность правительств и масс, классов и социальных групп, партий и общественных организаций, лидеров и других видных фигур, руководителей различных движений. Все это субъекты политической истории.

Другой задачей ее изучения являются осмысление, анализ функций государственных институтов, структур и механизмов власти, политических режимов и политической культуры масс и т. п. В сферу политической истории также входит развитие общественно-политической мысли, идеологий и менталитета, а также политического сознания масс. Содержанием политической истории являются такие ее феномены, как реформы и контрреформы, революции и контрреволюции, прогрессивные и регрессивные процессы в обществе.

Перестройка возвращает политике статус важнейшего фактора жизни общества, превращая вопрос о характере власти и ее институтов в дело миллионов людей. Анализ в этой связи именно политического аспекта исторического процесса приобретает значение важнейшего компонента нового мышления.

Следует понять, что политическая история СССР отнюдь не является механическим симбиозом истории СССР, КПСС, новой и новейшей истории. Это самостоятельная политологическая дисциплина, использующая достижения смежных наук и в то же время имеющая собственные объект и предмет исследования, свой инструментарий, круг источников и т. п. Вполне очевидно особое место, отводящееся здесь изучению истории РСДРП и КПСС.

В рамках политической истории наконец-то появляется возможность рассмотреть проблемы истории КПСС в реальном историческом контексте — сквозь парадигму всей российской социал-демократии, осмыслив ее программатику, сущность позиций различных политических направлений и течений, проследить их эволюцию, осуществив все это методом системного анализа. Показать портреты лидеров крупнейших политических организаций, вскрыть диалектику общественно-политической жизни дореволюционной России.

Что же касается советского периода, то уже начавшие возникать в ряде вузов «выяснения отношений» между историками СССР и КПСС являются, на наш взгляд, просто ненужными. Необходима интеграция усилий в интересах общего дела. То, что история КПСС будет рассматриваться в контексте истории гражданской, вовсе не означает ликвидации историко-партийной проблематики. Более того, без нее, вне анализа материалов, отложившихся в филиалах партийных архивов, преподавать политическую историю СССР невозможно.

Новый курс требует выделения постоянно действовавших в нашей политической истории факторов в их временной протяженности, что даст возможность изучить общество в его многомерной целостности.

С. В. КУЛЕШОВ,
доктор исторических наук, профессор

ОБЗОРЫ

СТАЛИНИЗМ: ОПЫТ И УРОКИ ОСМЫСЛЕНИЯ

Для большинства читающей, а нередко и пишущей публики термин «сталинизм» представляется достаточно размытым. Здесь, как правило, маячат кровавые репрессии, «кремлевский горец», казарменный социализм и т. п. Но каково научное содержание этого понятия? Этот вопрос волнует многих — и специалистов-историков, и просто интересующихся историей своей Родины. Неудивительно, что научные и научно-популярные издания, в названии которых в той или иной степени есть намек на эту проблему, становятся бестселлерами.

Среди первых книжных публикаций по этой теме хотелось бы выделить четыре [1]. Все они изданы в 1989 г. и объединены стремлением осмыслить процессы исторического развития советского общества в годы, которые более трех десятилетий назад получили название «периода культа личности Сталина». Выпущенные разными, не только московскими издательствами, эти книги представляют и разные научные жанры. Здесь и сборники статей, и монографическое исследование, и материалы дискуссии на методологическом семинаре кафедры. Во многом различны и теоретические подходы авторов к проблемам сталинизма, что нередко порождало скрытую и открытую полемику. Объединяет авторов всех публикаций глубокое неприятие сталинизма. Не претендуя на полный анализ публикаций, хотелось бы привлечь внимание читателей к некоторым проблемам, позволяющим в какой-то мере определить степень изученности советской наукой этого сложного социального явления.

Среди этих проблем особое значение приобретают следующие: определение понятия «сталинизм»; его соотношение с ленинизмом; вопрос о социальной базе сталинского режима. Выделение этих тем позволяет не только отметить достигнутый советской историографией уровень, но и проследить противоречивость процесса освобождения исторических исследований от политических штампов и догм предшествовавшего периода.

Прежде всего попытаемся с помощью авторов рассматриваемых работ разобраться с самим этим научным термином. Каково же содержание понятия «сталинизм»? Прямо скажем, не все авторы нашли в своих публикациях место для ясного ответа на этот вопрос. Среди тех, кто попытался дать ответ, разброс мнений довольно широк. Если же выделить что-то общее для многих подходов, то таковым является отнесение к сталинизму всего, что в отечественной истории советского периода оценивается авторами отрицательно. Ряд ученых, давая расширительную трактовку понятия, считает, что под этим термином скрывается извращение «хороших» потенций общественного развития.

В наиболее развернутом виде определение сталинизма было дано Д. Волкогоновым в беседе с Р. Медведевым: «...Сталинизм есть извращенная теория и практика социализма, боготворящая силу и насилие как универсальное средство реализации политических и социальных целей. Сталинизм — это одномерное видение мира, одобряющее использование любых радикальных средств для достижения выдвинутых целей, которые в конце концов оказываются деформированными.. Сталинизм породил глубокие противоречия между экономическим базисом и политической надстройкой, народом и бюрократией, подлинной культурой и ее суррогатами, социалистическими идеалами и их «реализацией». Сталинизм выражает не только процессы деформации народовластия, но и его перерождение в особую разновидность политического цезаризма. Это — историческая аномалия социализма» [2]. На этом варианте определения останавливаются и другие авторы [3].

Идея такой широкой негативной трактовки сталинизма нашла свое отражение и в подходе к его рассмотрению как сложного социального комплекса. «Помимо «культа»,— отмечают Б. Орешин и А. Рубцов,— были выработаны собственная экономика, свой стиль идеологии и пропаганды, особый тип внутренней и внешней политики, характерные конфигурации сознания, специфическое мироощущение и соответствующий ему характер межсоциальных отношений» [4]. Столь широкая постановка проблемы сталинизма идет в какой-то мере от стремления заполнить брешь в понимании процессов отечественной истории XX века, возникшую в результате переосмысления прежних догм о становлении и развитии социализма в СССР.

---

[1] См. Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-н/Д., Изд-во Ростовского ун-та, 1989; Осмыслить культ Сталина. М., Прогресс, 1989; Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., Изд-во МГУ, 1989; Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., Политиздат, 1989.

[2] Суровая драма народа, с. 278. См. также: Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989, с. 28.

[3] См. Режим личной власти Сталина, с. 99.

[4] Осмыслить культ Сталина, с. 547.

Стержнем этой системы, по мнению некоторых авторов, выступает политический режим, которым они и готовы ограничить содержание термина «сталинизм». Так, например, В. Макаренко отмечает: «Сталинизм — это политический режим, охватывающий все сферы отношений, деятельности и сознания»[5]. Г. Водолазов, рассматривая сталинизм как идеологию и общественную систему, считает, что **«зрелый, развитый сталинизм, каким он сложился к середине 30-х годов**,— это антигуманистическая, волюнтаристская идеология бюрократической элиты, абсолютизирующая и прославляющая насилие — во всех его ипостасях», а в качестве системы социально-политических отношений сталинизм представляет собой диктатуру бюрократии «в ее самых варварских, самых террористических формах»[6].

Нетрудно понять, что и эти определения отталкиваются во многом от негативного отношения к рассматриваемым явлениям. По сути дела, и здесь в термине «сталинизм» объединяется все то из нашего не столь давнего прошлого, что кажется неприемлемым и от чего необходимо избавиться обществу в процессе перестройки. Такое прагматичное наполнение термина «сталинизм», отвечающее конъюнктурным потребностям момента, ведет к тому, что по мере расширения и углубления процессов преобразования общества, приобретающих всеохватывающий революционный характер, понятие «сталинизм» также меняется, приближаясь к включению в себя всего прошлого социального развития СССР.

И первая, и вторая трактовки понятия «сталинизм» охватывают идеологические аспекты, которые у некоторых авторов становятся единственным содержанием термина. Относя употребление термина «сталинизм» к области теории, практику политического режима нередко определяют понятием «сталинщина». Так, например, И. Бестужев-Лада понимает под «сталинщиной» преступные политические авантюры, грубый произвол, вопиющее беззаконие, массовые необоснованные репрессии, то есть все преступления на почве злоупотребления властью, связанные с попытками претворить в жизнь сталинизм, под которым автор понимает «жуткую утопию казарменного социализма»[7].

Заслуживают внимания попытки авторов ряда статей дать более широкий взгляд на тенденции общественного развития нашей страны в связи с определением сталинизма. Речь идет прежде всего о рассмотрении социальных процессов в стране как одного из вариантов проявления тенденций мирового развития. Исходя из этого В. Лапкин и В. Пантин и дают определение сталинизма. «Сталинизм, таким образом, представляет собой,— пишут они,— этап развития общества, в ходе которого проводится форсированная индустриализация, осуществляемая без рынка, с помощью аппарата принуждения и чрезвычайных мер за счет выкачивания ресурсов из дотоварных укладов. Этот этап развития проходила не только наша страна, но и ряд других государств, где существовали дотоварные уклады и где правящие круги, беря курс на форсированное развитие индустрии, ориентировались на модель «реального» социализма»[8]. И хотя все же вызывает некоторое сомнение правомерность называть этап в развитии общества сталинизмом, тем не менее поставленная авторами проблема требует внимания, поскольку налицо стремление вырваться за привычные рамки рассмотрения нашего развития. К тому же здесь удается преодолеть, правда, лишь в какой-то мере, определение сталинизма через современный негатив, «опрокинутый» в прошлое.

В этой связи определенный интерес при изучении проблем истории советского общества в контексте мирового развития представляют идеи, высказанные В. Дамье и А. Рябовым[9]. Предложенная ими схема социального развития СССР, базирующаяся на начавшейся в советском обществоведении разработке проблем индустриализма как особой технико-технологической стадии общества, может послужить импульсом к изучению генезиса сталинизма в плане рассмотрения его связи с индустриалистскими экономическими и социальными структурами.

Интересной представляется попытка взглянуть на историю советского общества, не отрывая ее от предыдущей истории России. В частности, рассмотрение сталинизма как очередной попытки традиционной модернизации в развитии нашего общества дает в своей статье Ю. Левада[10]. Проводя параллель между событиями 30-х годов и модернизацией России Петром I, он отмечает, что «замысел состоял в том, чтобы взять некие плоды чужой цивилизации, не задумываясь, на каком социально-экономическом «дубе» произрастают такие «желуди»[11]. Конечно, сравнение сталинских и петровских преобразований неоригинально. В прежние времена это сравнение носило положительный смысл, а теперь знак оценки поменялся на противоположный: отмечается, что традиционалистская индустриализация в сталинском варианте не столь уж отлична «от абортивной крепостнической «индустриализации» петровских времен»[12]. Тем не менее такое осмысление позволит, возможно, избавиться от излишней одностороннести

[5] Макаренко В. П. Указ. соч., с. 135.
[6] Осмыслить культ Сталина, с. 142.
[7] Суровая драма народа, с. 299.
[8] Осмыслить культ Сталина, с. 334.
[9] См. Рабочий класс и современный мир, 1990, № 2, с. 202—209.
[10] См. Осмыслить культ Сталина, с. 453—454. Этот подход широко используется в зарубежной историографии. См., например, 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989, с. 383.
[11] Осмыслить культ Сталина, с. 454.
[12] Там же, с. 455—456.

ности в оценке преобразований как XVIII-го, так и XX веков.

Наличие широкого спектра мнений о содержании понятия «сталинизм» обусловлено двумя группами факторов. К первой группе относятся причины, непосредственно связанные с достигнутой исторической наукой ступенью развития. Начавшийся во второй половине 80-х годов процесс обновления отечественной историографии прошел путь от попыток «освежения» старых догм (при помощи передозировки «негатива» и «позитива») к необходимости их коренной ломки и создания новых научных конструкций. Одной из особенностей этого процесса и является введение в научный оборот новых категорий, к числу которых принадлежит «сталинизм». Этому этапу конструирования новых концепций и схем и соответствует наличие широкого спектра подходов, носящих зачастую публицистический характер.

Вторую группу факторов, вызвавших столь значительные разногласия в трактовке сталинизма, можно было бы назвать «генетическими». Нет сомнения в том, что термин «сталинизм» пришел в нашу историографию из западной советологии, принеся с собой сложившиеся трактовки, зачастую отягощенные пропагандистскими моментами. Профессор Свободного университета в Западном Берлине М. Рейман так охарактеризовал создавшуюся ситуацию: «Само понятие «сталинизм» не имеет устоявшегося содержания: оно употребляется для обозначения системы общества, равно как и системы политики или идеологии, для обозначения политического строя и режима, основанного на терроре и произволе, для обозначения политических и идейных течений, солидаризующихся со Сталиным, и т. д»[13].

Накопление в историографии новых концепций, являющихся в ряде случаев результатом серьезного интеллектуального прорыва в теории, вызывает необходимость в переходе к следующей ступени исторических исследований — фундаментальной проверке и обоснованию высказанных идей. Этот этап, на котором и станут возможными взвешенные научные оценки каждой концепции, представляется назревшим.

Противоречивость становления концепции сталинизма в советской историографии ярко проявляется в соотнесении тех или иных новых положений с наиболее политизированными элементами прежних построений. Примером этому служит вопрос о взаимосвязи сталинизма как идеологического явления и марксизма-ленинизма. «Методология» подобного сравнения родственна подходу, сводящему сталинизм к негативу в истории. Противопоставление марксизма и сталинизма ведется, по сути, по линии «хорошо — плохо». Естественно, первое, что приходит на ум,— «хорошо» и «плохо» несовместимы, иными словами Сталин — не марксист. Ну, а когда за основу взят такой исходный посыл, то совершенно не сложно доказать, размышляя об «отклонениях» и «совпадениях» воззрений Сталина и классиков марксизма-ленинизма, что «...«отклонения» Сталина — не отклонения, а «совпадения» — не совпадения. «Отклонения» на самом деле составляют суть его собственной социально-политической концепции, принципиально отличной от концепции Маркса и Ленина. «Совпадения» Сталина с «исходными проектами» напоминают «совпадение», случившееся у героя известной притчи, пожелание которого на похоронах «таскать вам — не перетаскать» совпадало с пожеланием, обращенным к людям, убирающим свой урожай»[14].

Поскольку понятия «хорошо» и «плохо» подвержены серьезному конъюнктурному влиянию, а современное состояние идеологии, по всеобщему признанию,— еще не «чистый» марксизм, а со значительными сталинистскими примесями, то в этих условиях задача «очищения Маркса от Сталина»[15] («зерен» от «плевел») иногда приобретает решения, далекие от исторической истины. К примеру, Г. Лисичкин, сообразуясь с современными умонастроениями, отмечает, сравнивая взгляды Маркса, Ленина и Сталина на частную собственность, что «марксизм, как известно, признает моральную несправедливость частной собственности»[16], а «Ленин относился к частной собственности с большим историческим почтением»[17], и даже, пока он был жив, «частная собственность имела своего надежного заступника в рядах большевистских вождей»[18]. Сталин занимал по этому вопросу противоположные позиции. Общий вывод его рассуждений: Сталина «нельзя считать марксистом, чтобы не унижать это великое учение»[19].

Вопрос о том, был ли Сталин марксистом, поднимается и в работе О. Лациса. С одной стороны, он считает, что «стоит вспомнить, что марксизм начертал на своем знамени как высшую цель — всестороннее развитие личности, чтобы понять: одно лишь низведение людей до функции «винтиков» (то есть превращение человека из цели в средство) уже начисто вычеркивает Сталина из рядов марксистов»[20]. С другой стороны, по его мнению, фактически верным является «утверждение о том, что Сталин был марксистом»[21]. Эти разные определения родились в процессе перехода от абстрактного спора на эту тему с А. Ципко к анализу конкретно-исторического материала. Этот анализ основывается на сравнении сталинских и ленинских документов. «Ко-

[13] Рабочий класс и современный мир. 1990. № 1. с. 121.

[14] Осмыслить культ Сталина. с. 139.
[15] Там же. с. 248.
[16] Там же. с. 255.
[17] Там же. с. 256.
[18] Там же. с. 258.
[19] Там же. с. 280.
[20] Там же. с. 219.
[21] Там же. с. 221.

нечно, в десятках томов сочинений классиков среди слов, сказанных в разное время и по разным поводам, можно найти цитаты, по крайней мере не противоречащие тем или иным суждениям Сталина,— пишет О. Лацис.— Но это либо высказывания Ленина времен «военного коммунизма», опровергнутые позднее самим Ильичем, либо общетеоретические, более или менее абстрактные суждения, обычно относящиеся к дооктябрьскому периоду или к самым первым месяцам революции»[22]. В связи с чем встают вопросы: был ли Ленин марксистом во времена «военного коммунизма»? И не является ли подобный метод установления соответствия каких-либо идей марксизму «воспоминанием» о дискуссиях 20-х годов?

Но поскольку этот конкретный анализ не дает четкого противопоставления сталинизма и ленинизма, в ход идут рассуждения о «пропагандистских масках великого иллюзиониста», «пахане бандитской шайки», захватившем власть в государстве. А когда идет речь о трагедии революции, трагедии народа, личной трагедии миллионов, «попытка свести разговор к наличию или отсутствию теоретических ошибок в сочинениях организатора преступлений лежит, на мой (О. Лациса.— **А. С.**) взгляд, не только за пределами науки, но и за пределами нравственности»[23]. Моральное ограничение научного исследования и проистекает во многом из того, что содержание научных понятий базируется нередко на заданном подходе «хорошо — плохо».

Ряд авторов рассматриваемых публикаций придерживаются в решении вопроса, является ли Сталин марксистом, противоположных по сравнению с вышеприведенными мнений. Они считают Сталина марксистом. Так, например, А. Ципко, чья статья вызвала наибольшее количество споров вокруг этой проблемы, относит Сталина к числу «самых последовательных и ортодоксальных марксистов»[24]. Но встает та же проблема критерия принадлежности каких-либо идей марксизму. Вновь возникает старый вопрос о грани между «творческим развитием» и «ревизией» марксизма. А. Ципко пишет, что «нет сомнений в том, что существуют так называемые «догмы марксизма», верность которым является непременным условием нашего духовного и политического процесса»[25]. Но кто и как определяет набор или систему этих «догм»? Не переходим ли мы и в этом случае к конъюнктурному критерию? На этот переход указывает и замечание А. Ципко о том, что речь должна идти скорее всего не о том, что Сталин отступил от первоначального проекта социализма, а «об извращении им ценностей марксизма, понимания цели и смысла социалистических общественных преобразований»[26]. Иными словами, Сталин был все же «ненастоящий», «плохой» марксист.

Тот же аспект прослеживается и в утверждениях о догматизации марксизма в годы культа личности. Д. Волкогонов отмечает, что «сталинизм родился в условиях догматизации марксизма, абсолютизации многих выводов, которые были сделаны еще в середине XIX в., отсутствия шансов для других революционных альтернатив»[27]. Б. Орешин и А. Рубцов в связи с этим считают, что «Сталин по ряду параметров был более последовательным марксистом, чем Ленин»[28]. Догматизация лишала марксизм возможности развиваться, превращала его в разновидность религиозного учения. Д. Фурман отмечает противоречия марксизма-научной теории и марксизма-веры[29]. Об этом же пишут Л. Седов, Ю. Левада и др.[30]. Все перечисленные примеры не идут дальше отмеченного выше противопоставления «плохого» и «хорошего», поскольку нет четких критериев отнесения тех или иных идей к марксистским. Расплывчатое определение марксизма соответствует и расплывчатому пониманию догматических или ревизионистских его деформаций. Да и само употребление понятия «деформация» применительно к научной теории содержит элемент морального осуждения.

Таким образом, понимание сталинизма как идеологического явления упирается, в частности, в недостаточную изученность марксизма как теории. Без преодоления политических и идеологических запретов на исследование этой проблемы не могут быть решены многие сопряженные с ней вопросы, одним из которых и является сталинизм. Таким образом и сегодня актуален процесс ликвидации «закрытых» для научного исследования зон, характерный для начального этапа перестройки исторической науки[31].

Постановка проблем сталинизма дает импульс для переосмысления целого круга смежных вопросов. Так, проблема социальной базы установившегося в нашей стране политического режима потребовала новых подходов в исследовании социальной структуры советского общества, роли различных слоев населения в историческом процессе. Вопрос о социальной базе решается в рассматриваемых изданиях неоднозначно. Прежде всего и здесь прослеживается отмеченный ранее принцип в изучении сталинизма: противопоставление «плохого» и «хорошего». Оно в данном случае приобретает вид противопоставления Стали-

[22] Там же, с. 220.
[23] Там же, с. 219.
[24] См. Суровая драма народа, с. 193; см. также, с. 181.
[25] Там же, с. 195.
[26] Там же, с. 183.
[27] Там же, с. 277; см. также: Макаренко В. П. Указ. соч., с. 236, 343 и др.
[28] Осмыслить культ Сталина, с. 565.
[29] См. там же, с. 420.
[30] См. там же, с. 441, 450.
[31] См. Крах или кризис марксизма.— Диалог, 1990, № 7, с. 86—98.

на и народа. И. Бестужев-Лада считает необходимым «категорически развести сталинщину, с одной стороны, и историю трудовых и боевых свершений советских людей — с другой. Последняя достойна признательности современников и потомков, первая — их проклятия» [32].

Данный подход разделяется и рядом других авторов, осознающих сложность его проведения в конкретных исторических исследованиях. Д. Волкогонов отмечает, что «самая трудная методологическая проблема в исследовании личности Сталина заключается в том, как «отделить» Сталина от народа» [33]. Нелегкой эту задачу считает и О. Лацис [34]. И все-таки некоторые авторы решают ее, приходя, например в отношении Великой Отечественной войны, к выводам о том, что «солдат и его Генералиссимус воевали как бы на двух разных войнах, лишь частично совпавших между собою» (Ю. Буртин) [35]. Этот «методологический» подход эклектического соединения в историческом процессе разнородных явлений является рудиментом прошлого. Не потому ли так сложно дается это разделение истории на две полярные части, что оно слишком искусственно?

Резкое противопоставление Сталина и народа неизбежно приводит авторов к необходимости объяснения культа личности. Наиболее простой выход — поставить под сомнение само его существование.

Л. Баткин считает, что Сталину сознательно верили лишь 15 — 20% населения. Эту цифру он получил, исключив те слои, которые не могли испытывать «близость» к Сталину. К ним он относит заключенных ГУЛАГа, раскулаченных, спасавшихся от деревенского голода на «стройках социализма», оставшихся в деревне, тех, кто просто боялся Сталина, воспринимая его как нового Ивана Грозного. Сюда же он относит ссыльные народы, сотни тысяч «бывших» и «спецов», все понимавших интеллигентов и даже голосовавших против Сталина делегатов XVII съезда партии и «большую часть аппарата, которая «верила» слишком своекорыстно» [36]. О том, что «представление о всеобщей любви к Сталину является одним из вариантов мифа о монолитном единстве советского общества», пишут и Л. Гозман и А. Эткинд [37].

Постановка под сомнение «догмы» о культе личности представляется необходимым шагом в изучении этого социального явления, но возникает опасность того, что будет преувеличена оппозиционность общества сталинскому режиму.

Поэтому некоторые авторы, стремясь остаться на почве реализма, считают, что противопоставление Сталина и народа должно идти на ином уровне. Г. Водолазов отмечает, что «сталинизм в каком-то смысле вырастает на народной почве, но в нем отражаются не подлинные, не действительные, не глубинные интересы народа, а лишь поверхность его сознания, его психологии в определенный конкретно-исторический период (да и то не народа в целом, а, как мы отмечали, лишь его менее развитой, менее цивилизованной части). Надо добавить еще, что эти «верхние слои» его психологии, его настроения находились в остром противоречии с его действительными интересами» [38].

Естественно, что общая постановка проблемы об отношении народа к Сталину и его политическому режиму не соответствует современным требованиям. Встает вопрос об отношении отдельных слоев населения, о социальной базе режима. Наиболее распространенной, можно даже в какой-то мере сказать — общепринятой точкой зрения является представление о том, что бюрократия является **«адекватной социальной базой сталинизма»** [39]. При этом некоторые авторы считают ее, по существу, единственной социальной опорой сталинского режима. В. П. Макаренко отмечает, что процесс укрепления диктатуры партийно-государственной бюрократии над обществом сопровождался уничтожением «всех социальных связей и классов, не освященных государством. Включая не только крестьянство, но и рабочий класс» [40]. В. Попов и Н. Шмелев видят в свертывании нэпа «революцию сверху», совершенную «узкой бюрократической прослойкой, **против** большинства населения, против непосредственных производителей — рабочих, крестьян, интеллигенции» [41]. Но такой подход не разделяют многие авторы. О. Лацис отмечает, что при анализе зарождения сталинщины «не поможет ссылка на социальный слой, сложившийся в результате ее функционирования» [42].

Такой подход требует обратить внимание на другие слои общества в поисках выявления социальной опоры сталинского режима. При этом одним из центральных становится вопрос о переоценке вывода (или его подтверждении) о наличии в нашей стране в 30-е годы диктатуры пролетариата и о роли этого класса в политической жизни государства. Ю. Щетинов, автор доклада о формировании режима личной власти Сталина, считает, что «с октября 1917 г. в нашей стране утвердилось в боях с классовым противником государство диктатуры пролетариата, т. е. система политического господства рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период» [43]. Этот вывод опирается на вы-

[32] Суровая драма народа. с. 300.
[33] Там же. с. 277.
[34] См. Осмыслить культ Сталина. с. 239.
[35] Суровая драма народа. с. 10.
[36] Осмыслить культ Сталина. с. 27—28.
[37] Там же. с. 303.
[38] Там же. с. 149.
[39] Там же. с. 150; см. также: Суровая драма народа. с. 15. 23. 35. 240 и др.
[40] Макаренко В. П. Указ. соч., с. 198.
[41] Осмыслить культ Сталина. с. 317.
[42] Там же. с. 237—238.
[43] Режим личной власти Сталина. с. 10.

сказывания Ленина, что утвердиться может либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, «ничего третьего быть не может» [44].

Но подобное соотнесение сталинского политического режима и диктатуры пролетариата разделяется далеко не всеми исследователями. «Не вполне убедительно выглядит утверждение,— замечает М. Зезина,— что режим личной власти не подменял собой диктатуры пролетариата. Действуя от имени пролетариата, прикрываясь социалистическими лозунгами, он находился в противоречии с интересами рабочего класса, как и всего народа» [45].

Другие авторы не проводят столь резкого противопоставления, считая, что сталинский режим находил поддержку лишь в отсталых слоях пролетариата. При этом «отсталость» по укоренившейся в этом случае традиции рассматривалась как синоним мелкобуржуазности. А. Бурганов, в частности, отмечает, что в нашей стране сложилась «диктатура бюрократии, осуществлявшаяся при опоре на еще незрелый в политическом смысле пролетариат, в основном состоящий из вчерашней деревенской бедноты (полупролетариев), а также избежавшей сплошной коллективизации середняцкой и кулацкой частей крестьянства» [46]. Как диктатуру подверженных мелкобуржуазному влиянию слоев рабочего класса рассматривает режим личной власти Сталина С. Байбаков [47]. О. Лацис считает, что Сталин эксплуатировал предрассудки и политическую неопытность молодых слоев рабочего класса, что Сталин обманом привлек их на свою сторону, не выражая их интересов. При этом он уподобляет эти слои неразумному ребенку, испытывающему симпатии к грабителю [48].

Принципиально иную характеристику социальных основ сталинской политики предлагает А. Ципко, утверждая, что «революционный пролетариат и социалистическая интеллигенция... явились инициаторами наших «великих» скачков» [49]. Этот подход, подрывающий традиционный пиетет в отношении рабочего класса [50], не встретил поддержки у многих авторов рассматриваемых публикаций. Вместе с тем возник вопрос об отношении интеллигенции к режиму Сталина. Но если А. Ципко ставит вопрос о главной ответственности «левой, социалистической интеллигенции за последствия ее выбора» и говорит о ней как об «основном источнике левого экстремизма» [51], то это, очевидно, не следует расценивать как результат анализа реально развернувшегося процесса.

В рассматриваемых публикациях к социальной опоре сталинского режима были отнесены и некоторые другие слои населения. Социальную базу левацкой политики Сталина видят в мелкобуржуазности общества А. Бурганов и О. Лацис [52]. Э. Баталов назвал одной из главных опор сталинщины «совмещанство» [53]. В качестве важного подхода к изучению проблемы предпосылок формирования культа личности в массовом сознании М. Зезина считает необходимость исследования вопроса о «маргинальной личности» [54]. О «люмпен-государстве» говорит в своей статье Л. Баткин [55].

В качестве перспективного направления осмысления социальной базы сталинского режима представляется попытка выделить основные этапы его развития, в соответствии с которыми и проводить изучение поддерживающих политику Сталина слоев общества. В этом плане интересна работа Г. Водолазова. Выделяемые им стадии «народного» и «бюрократического» сталинизма создают необходимый подход к исследованию многих процессов нашей политической истории.

Различия в определении социальной опоры сталинизма свидетельствуют о том, что разрешение поставленных вопросов становится возможным лишь в результате глубокого и всестороннего исследования исторических источников. Попытки разрешения споров путем новых логических конструкций, лишенных необходимого логического фундамента, сейчас вряд ли будут плодотворны.

Таким образом, переживаемый в исторической науке этап концептуального взрыва, характеризующийся появлением новых идей и подходов, нашел свое яркое выражение в рассматриваемых публикациях. На первый план в исторических исследованиях выдвигается требование подведения источникового фундамента для обоснования появившихся идей.

Наряду с выходом на новый концептуальный уровень необходимо ликвидировать «закрытые зоны» в исследовании наиболее политизированных вопросов, таких, как теория марксизма. Успешное движение вперед зачастую наталкивается на недостаточную разработанность смежных проблем, например, в социальной структуре советского общества.

А. В. СИДОРОВ,
кандидат исторических наук

---

[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 18.
[45] Режим личной власти Сталина, с. 138.
[46] Суровая драма народа, с. 35.
[47] См. Режим личной власти Сталина, с. 103.
[48] См. Осмыслить культ Сталина, с. 238.
[49] Суровая драма народа, с. 240.
[50] Хотелось бы обратить внимание читателей на интересное исследование Т. Колосковой, посвященное анализу особенностей развития самосознания рабочего класса сквозь призму форм сознания членов партии.— Вопросы истории КПСС, 1989, № 9, с. 62—70.
[51] Суровая драма народа, с. 240, 243—244.
[52] См. там же, с. 31, 169.
[53] См. там же, с. 24.
[54] См. Режим личной власти Сталина, с. 139.
[55] См. Осмыслить культ Сталина, с. 47.

ДОКУМЕНТЫ И СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛАХ, УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ, СБОРНИКАХ И ТРУДАХ*

В. И. ЛЕНИН И О В. И. ЛЕНИНЕ

НОВЫЕ документы В. И. Ленина (1920—1922 гг.): [Публ. ИМЛ при ЦК КПСС; Подгот. Ю. Ахапкин и др.] // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 4.— С. 174—197.

НОВЫЕ документы Ленинианы [раскрывающие вклад В. И. Ленина в библиотечное строительство. Публ. док. подгот. В. Теньтюковым. Комментарий К. Абрамова] // Библиотекарь.— 1990.— № 4.— С. 7—11.

БАКУМЕНКО А. Разработка концепции нэпа в трудах В. И. Ленина // Экономика Сов. Украины.— 1990.— № 4.— С. 14—22.

БЕЗИРГАНИ Г. Рядом с Лениным: (Раздумья над страницами журнала «Известия ЦК КПСС») // Коммунист Грузии.— 1990.— № 4.— С. 53—59.

ВОЛКОВА Г. С. Обращаясь к Ленину: [К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина] // Пропагандист. Информ. бюллетень.— М.— 1990.— № 4.— С. 3—8.

ГРОМОВ А. В. Роль В. И. Ленина в разработке концессионной политики Советского государства (1918—1920 гг.) // Укр. іст. журнал.— 1990.— № 4. С. 14—23. На укр. яз.

ДАНИЯРОВ С. В. И. Ленин и духовный прогресс киргизского народа // Коммунист Киргизстана.— 1990.— № 4.— С. 27—32.

ДОРОШЕНКО В. Ленин против Сталина. 1922—1923 // Звезда. — 1990.— № 4. — С. 106—136.

ЕРОХИН А. «Заслуживает признательность всей России...»: Неизвестные пометки В. И. Ленина на страницах книги «Первый Совет рабочих депутатов» // Народный депутат.— 1990.— № 5.— С. 102—108.

ЖИЛИНСКИЙ Н. С ленинской мыслью: [Об издании ленинских произведений в Белоруссии за годы сов. власти] // Коммунист Белоруссии — 1990— № 4— С. 17—21.

И ВНОВЬ о Ленине: [Интервью О. Д. Ульяновой газ. «АиФ»] // Аргументы и факты.— 1990.— № 16.— С. 1.

ИОФФЕ Г. Ленин и Мартов: друзья — враги // Аргументы и факты.— 1990.— № 17.— С. 5—6.

КАНЦЕЛЯРУК В. Об украинских переводах произведений В. И. Ленина // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 7.— С. 66—71.

КУЧА А. Распространение работ В. И. Ленина в Молдавии до революции // Коммунист Молдавии.— 1990.— № 4.— С. 78—84.

ЛИПИЦКИЙ В. С. Кооперация: ленинский замысел и воплощение // Пропагандист. Информ. бюллетень.— М.— 1990.— № 4.— С. 23—27.

МОРОЗОВА Н. Ленину нужна только правда! // Родник.— Минск.— 1990.— № 4.— С. 4—6.

МОРОЗОВА Н. Самый человечный человек: [О В. И. Ленине] // Коммунист Вооруж. Сил.— 1990.— № 8.— С. 3—8.

НАМ Ленин сегодня особенно нужен: [Сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС о подготовке нового полного собрания сочинений В. И. Ленина] // Пограничник — 1990.— № 4.— С. 5—9.

НАСЫРОВ Т. Произведения Ленина на татарском языке // Коммунист Татарии.— 1990.— № 4 — С. 59—62.

НУРУЛЛИН Р. «Ни малейшего принуждения быть не может»: (В. И. Ленин о кооперировании крестьянства) // Парт. жизнь.— Ташкент.— 1990.— № 4.— С. 77—82.

ПРАВДА истории превыше всего: [«Круглый стол», посвящ. теме: «Идейное наследие В. И. Ленина — перестройка — библиография»] // Сов. библиография.— 1990.— № 2.— С. 24—40.

РАЕВСКИЙ В. Кризис ленинизма?: Полемические заметки // Коммунист Сов. Латвии.— 1990.— № 4.— С. 35—41.

РАССЕЛ Б. Ленин, большевики, Россия // Новое время.— 1990.— № 17.— С. 40—42.

САИДКАСИМОВ С. О букве и духе ленинизма в национальном вопросе // Парт. жизнь.— М.— 1990.— № 9.— С. 16—20.

САЙДАШЕВА М. Внохроника: требуются уточнения // Коммунист Татарии.— 1990.— № 4.— С. 88—90.

САУРАМБАЕВА Р. Ленин и единство партии // Парт. жизнь Казахстана.— 1990.— № 4.— С. 30—35.

СЕМЕНОВ В. С. Ленинская концепция строительства социализма и ее судьба // Социалистическое обновление. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 1990.— С. 43—73.

СЛАНСКАЯ М. Д. К постижению подлинного ленинизма: [О науч.-практ. конф. в Горках Ленинских] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 148—151.

СТЕПАНОВА Н. П. Издание ленинского наследия: [По данным Всесоюз. кн. палаты на 1 января 1990 г.] // Сов. библиография.— 1990.— № 2.— С. 40—43.

ТАДЕВОСЯН Э. Ленин, федерализм и наше время // Коммунист. — М. — 1990.— № 6.— С. 15—22.

ТАРАНИК В. П. Мемуары о деятельности В. И. Ленина в ноябре 1917 г. // Укр. іст. журнал.— 1990.— № 4.— С. 32—42. На укр. яз.

ТОЛОГОНОВ Р. Ленин о партийном руководстве // Коммунист Киргизстана.— 1990.— № 4.— С. 18—23.

ШАТРОВ М. Ф., ЛОГИНОВ В. Т. О Ленине: правда против неправды // Диалог.— 1990.— № 6.— С. 20—27.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

О РАБОТЕ Центрального Комитета КПСС: [Информация за март 1990 г.] // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 4.— С. 3—6.

О РАБОТЕ Комитета партийного контроля при ЦК КПСС: [Информация за март 1990 г.] // Там же.— С. 11—15.

ПЛЕНУМ ЦК КПСС — 9 декабря 1989 года: Стеногр. отчет // Там же.— С. 25—112.

ПОЛОЖЕНИЕ о Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПСС: Проект, одобренный мартовским (1990 г.) Пленумом ЦК КПСС // Парт. жизнь.— М.— 1990.— № 9.— С. 10—11.

ЗА КОНСОЛИДАЦИЮ на принципиальной основе: Открытое письмо Центрального Комитета КПСС коммунистам страны // Там же.— С. 3—5.

О ГАЗЕТЕ «Правда»: Постановление ЦК КПСС // Коммунист.— М.— 1990.— № 6.— С. 3—7.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Центрального Комитета партии в документах: (События и факты) 14 октября — 1 ноября 1919 г.: [Публ. ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. Ж. Алибенова и др.] // Изв. ЦК КПСС.— 1990.— № 4.— С. 164—173.

ИЗ ИСТОРИИ Великой Отечественной войны: Накануне войны (1940—1941 гг.): [Публ. Общего отдела ЦК КПСС; Подгот. И. Курилов и др.] // Там же.— С. 198—223.

---

* В библиографический список включены материалы, полученные библиотекой ИМЛ при ЦК КПСС в мае 1990 г.

ДОКЛАДЫ, РЕЧИ, СТАТЬИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

ГОРБАЧЕВ М. С. Мир будущего и социализм: [Пер. из междунар. журн. «Социализм будущего: трибуна политических дебатов». 1990. № 1] // Рабочий класс и соврем. мир.— 1990.— № 2.— С. 3—12.

РЫЖКОВ Н. И. Трудный путь в завтра: [Ответы на вопросы полит. обозревателя журн. «Диалог»] // Диалог.— 1990.— № 7.— С. 8—15.

ЯКОВЛЕВ А. Н. О перестройке и немного о себе: 42 откровенных ответа [на встрече в Моск. высш. парт. школе] // Проблемы мира и социализма.— 1990.— № 5.— С. 10—18.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

КАШЕВАРОВ А. Н., ЮРКОВСКИЙ Н. К. «Круглый стол» с историками Ленинграда [о выработке новой концепции истории КПСС] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 155—158.

ОРЛОВ В. М. Интернациональная природа марксистско-ленинской партии // Укр. іст. журнал.— 1990.— № 4.— С. 3—14. На укр. яз.

ПЕРЕСТРОЙКА, обществознание, ленинизм: Обсуждение в Президиуме АН СССР [6 декабря 1989 г.] // Вестн. АН СССР.— 1990.— № 4.— С. 3—38.

ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ДМИТРИЕВ С. Н. Большевики и Союз союзов в первой российской революции // Вопр. истории КПСС. — 1990. — № 5. — С. 106—120.

ГРЕБЕННИКОВ В. Н. Большевики в борьбе против влияния реакционной идеологии на пролетариат (1907—1914 гг.) // Укр. іст. журнал.— 1990.— № 4.— С. 23—31. На укр. яз.

ЖУКОВА Л. А. Большевистская программа социального страхования // Сов. здравоохранение.— 1990.— № 4.— С. 65—69.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ГЕНКИНА Э. Б. Советское правительство в 1917—1922 гг.: (Опыт анализа состава Совнаркома) // Ист. записки.— М.: Наука. 1990.— Т. 118.— С. 5—71.

АВТОРХАНОВ А. X съезд и осадное положение в партии: [Глава из книги «Происхождение партократии». Франкфурт-на-Майне. 1973] // Новый мир.— 1990.— № 3.— С. 193—205.

ВОЛОБУЕВ О., КУЛЕШОВ С. Борьба за политическое лидерство в 20-е годы // Вестн. высш. школы.— 1990.— № 4.— С. 45—54.

ПАНЧУК М. И., ДИБРОВА С. С. 20—30-е: Документы, факты, свидетельства // Коммунист Украины.— 1990.— № 4.— С. 70—84.

ЯКУШЕВ С. В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 50—65.

НЕЧКИНА М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934—1938 гг. о преподавании истории и исторической науки: [К источниковедческой стороне темы] // Ист. записки. М.: Наука. 1990.— Т. 118.— С. 232—246.

КОНКВЕСТ Р. Большой террор. Пер. с англ. // Нева.— 1990.— № 4.— С. 139—152.

СТАРИНОВ И. Г. О войне в тылу врага: [Воспоминания и размышления о партизанском движении в период Великой Отечественной войны] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 76—89.

АРАВ-ОГЛЫ Э. Перестройка — наша демократическая революция // Коммунист.— М.— 1990.— № 6.— С. 8—14.

БУТЕНКО А. П. Время Горбачева, или Возвращение на естественноисторический путь развития // Коммунист Белоруссии.— 1990.— № 4.— С. 3—11.

ГУБОГЛО М. Проект — платформа — реальность: [О некоторых вопросах нац. политики КПСС в соврем. условиях] // Коммунист Молдавии.— 1990.— № 4.— С. 58—66.

ГОДЫ застоя: [Об особенностях развития партии и общества в 70-е — начале 80-х годов): [Беседа авт. коллектива книги, подгот. ИМЛ при ЦК КПСС «На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе»] / Материал подгот. к публ. Ю. С. Аксеновым // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 16—31.

КАПТО А. Идеология обновления: реализм мышления и действия // Коммунист.— М.— 1990.— № 6.— С. 37—47.

КУРСОМ обновления социализма: [Ответы В. Ф. Славина на вопросы о проекте Платформы ЦК КПСС] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 3—11.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Идеология и политика в советском обществе // Коммунист.— М.— 1990.— № 7.— С. 20—30.

ПЕТУХОВ В. В. О двух подходах к реформе партии // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 11—15.

ТРУШКОВ В. Единственный законодатель партии: [К XXVIII съезду КПСС] // Парт. жизнь.— М.— 1990.— № 9.— С. 12—16.

ШАТАЛИН С. С. Экономическая программа политической партии // Коммунист.— М.— 1990.— № 7.— С. 31—38.

ШИЛЬДЯШОВ И. М. Больше внимания проблемам научно-технического прогресса: [Об отражении в Платформе ЦК КПСС проблем НТР] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 15.

МЕСТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

МУТАЛИБОВ А. Н. Выступление первого секретаря ЦК КП **Азербайджана** на Пленуме ЦК КПСС // Коммунист Азербайджана.— 1990.— № 3.— С. 28—31.

МУТАЛИБОВ А. Н. Выступление первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана на третьей сессии Верховного Совета СССР 19 февраля 1990 г. // Там же.— С. 32—36.

КАРАПЕТЯН А. В поисках научной истины [в разработке истории Компартии **Армении**] // По ленинскому пути.— 1990.— № 1.— С. 64—71; № 2.— С. 24—32.

ГУМБАРИДЗЕ Г. Г. Общественностью нашей республики [**Грузии**] однозначно подчеркивается поддержка демократических преобразований]: Выступление на внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР 12 марта 1990 г. // Парт. слово.— Тбилиси.— 1990.— № 7.— С. 2—4.

ЗАДАЧИ партийных организаций республики по выполнению решений сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях»: Постановление XIV Пленума ЦК Компартии **Киргизии** от 13 января 1990 г. // Коммунист Киргизии. — 1990. — № 4. — С. 50—57.

СЕМЕНОВ И. Ленинский призыв в партию в Киргизии // Там же.— С. 23—27.

ВАГРИС Я. О ситуации в Компартии **Латвии**: сообщение [на XIX пленуме ЦК Компартии Латвии 6 марта 1990 г.] // Коммунист Сов. Латвии.— 1990.— № 4.— С. 5—10.

КРУМИНЬШ В. 1959 год в Латвии. Воспоминания и размышления [об июльском пленуме ЦК КП Латвии] // Латвия на грани эпох. Рига: Авотс. 1990.— Вып. 4 — С. 94—121.

1959 ГОД в Латвии: взгляд извне. // Там же.— С. 122—141.

ИНФОРМАЦИОННОЕ сообщение о третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии **Литвы** [19 февр. 1990 г.] // Коммунист.— Вильнюс.— 1990.— № 4.— С. 3.

МАСИ НИС П. Самостоятельные... самоубийцы?: Полемические мысли о будущем Компартии Литвы // Там же.— С. 4—6.

ГЕЦЯВИЧЮС К. Препятствовала «детская болезнь «левизны»: Тактика КП Литвы в отношении польско-советской войны и польско-литовского военного конфликта 1920 г. // Там же.— С. 71—77.

О СОЗЫВЕ очередного XVII съезда Компартии **Молдавии**: Постановление XVIII пленума ЦК Компартии Молдавии от 1 марта 1990 г. // Коммунист Молдавии.— 1990.— № 4.— С. 5—6.

ИНФОРМАЦИОННОЕ сообщение о пленуме Центрального Комитета Компартии **Таджикистана** // Коммунист Таджикистана.— 1990.— № 4.— С. 23—24.

КАРИМОВ И. А. Об итогах февральского и

мартовского (1990 г.) пленумов ЦК КПСС и задачах партийных организаций республики по подготовке к XXVIII съезду КПСС и XXII съезду Компартии Узбекистана: Доклад на пленуме ЦК Компартии Узбекистана 23 марта 1990 г. // Парт. жизнь.— Ташкент.— 1990.— № 4.— С. 46—54.

СОСТАВ Компартии Узбекистана и рост ее рядов [1976—1989 гг.] // Там же.— С. 69—73.

О ТЕКУЩЕМ моменте: Постановление пленума ЦК Компартии Украины [22 февраля 1990 г.] // Коммунист Украины.— 1990.— № 4.— С. 6—8.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ связей народа Украины и Вооруженных Сил СССР: Резолюция пленума ЦК Компартии Украины [22 февраля 1990 г.] // Там же.— С. 8.

ПРОТИВ нагнетания напряженности на почве межнациональных отношений: Резолюция пленума ЦК Компартии Украины [22 февраля 1990 г.] // Там же.— С. 8.

ОБ ОТЧЕТАХ и выборах в Компартии Украины: Постановление пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 8.— С. 3.

О СОЗЫВЕ XXVIII съезда Компартии Украины: Постановление пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Там же.— С. 3.

ЗА УКРЕПЛЕНИЕ единства партийных рядов: Резолюция пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Там же.— С. 4—5.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ и экономическом суверенитете Украины: Резолюция пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Там же.— С. 4.

О ПРОГРАММНЫХ принципах деятельности Компартии Украины: Постановление пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Там же.— С. 6.

ПРОГРАММНЫЕ принципы деятельности Компартии Украины: Проект [принятый на пленуме ЦК Компартии Украины 31 марта 1990 г.] // Там же.— С. 6—16.

О ПРОЕКТЕ Устава Компартии Украины: Постановление пленума ЦК Компартии Украины от 31 марта 1990 г. // Там же.— С. 5.

ИВАШКО В. А. Вступительное слово на пленуме ЦК Компартии Украины 22 февраля 1990 г. // Коммунист Украины.— 1990.— № 4.— С. 8—12.

ИВАШКО В. А. О программных документах к XXVIII съезду КПСС и XXVIII съезду Компартии Украины и о созыве XXVIII съезда Компартии Украины: Доклад на пленуме ЦК Компартии Украины 31 марта 1990 г. // Под знаменем ленинизма.— 1990.— № 8.— С. 17—25.

ГОЛОД 1932—1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы: [Вступ. статья и публ. Р. Пирога] // Там же.— С. 64—86.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КПСС

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО А. Берия: годы войны // Коммунист Татарии.— 1990.— № 4.— С. 81—87.

ВЛАДИМИРОВ В. Тандем: [О Л. И. Брежневе и К. У. Черненко] // Кодры. Молдавия литературная.— 1990.— № 4.— С. 150—193.

ГАВРИЛЮК А. Из жизни номенклатуры: Брежнев и крестьянство: Штрихи к портрету // Сельская молодежь.— 1990.— № 5.— С. 8—14.

АЛЕКСЕЕВА Г. Д. Н. И. Бухарин о роли культуры в социалистическом строительстве // Обществ. мысль: Исследования и публикации. М.: Наука. 1989.—Вып. 1.—С. 210—216.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Красный маршал Ворошилов // Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат. 1990.— С. 221—274.

ВАКСБЕРГ А. Страницы одной жизни: (Штрихи к политическому портрету Вышинского) // Знамя.— 1990.— № 5.— С. 152—177.

ГРОМЫКО А. А. Кое-что о периоде застоя: [Воспоминания] // Коммунист Белоруссии.— 1990.— № 4.— С. 46—51.

ИОФФЕ Э. «Товарищи я не враг...»: [О К. А. Домбровском] // Человек и экономика.— 1990.— № 4.— С. 41—42.

ДОКУМЕНТ по истории Великого Октября: [Заявление Г. Е. Зиновьева в ЦК РСДРП(б) от 20 октября 1917 г. о непричастности и заявлению Каменева в газете «Новая жизнь» о восстании в октябре 1917 г. Публ. подгот. Г. Г. Касаров] // Вопр. истории КПСС.— 1990.—№ 5.—С. 48—49.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Судьба сталинского наркома Лазаря Кагановича // Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат. 1990.— С. 89—166.

ПАРФЕНОВ С. «Железный Лазарь»: конец карьеры: [О Л. М. Кагановиче] // Родина.— 1990.— № 2.— С. 71—74.

КАМЕНЕВ Л. Б. Письмо Н. С. Чхеидзе (7 июля 1917 г.) [Публ. подгот. Г. И. Злоказов] // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 44—47.

ЗЕЙНАЛОВ Р., ХОМЕНКО С. Правда без ретуши: [О Ю. И. Касимове] // Коммунист Азербайджана.— 1990.— № 3.— С. 88—93.

КРАСНОЩЕКОВА Л. Из воспоминаний об отце и семье: [Об А. М. Краснощекове. Вступ. статья и публ. В. Мухачева] // Дальний Восток.— 1990.— № 4.— С. 136—149.

СВИДНИЦКИЙ А. И. Запомним их живыми: [О С. Г. Лазоверте] // Коммунист Украины.— 1990.— № 4.— С. 84—86.

БАЯЛИНОВ К. Стул для Егора Лигачева // Лит. Киргизстан.— 1990.— № 4.— С. 98—106.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Несостоявшийся «наследник» Сталина: [О Г. М. Маленкове] // Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат. 1990.— С. 275—312.

МЕДВЕДЕВ Р. А. От Ильича до Ильича: [О А. И. Микояне] // Там же.— С. 167—220.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Об одном московском долгожителе: [О В. М. Молотове] // Там же.— С. 11—88.

ПАРЧУКОВ Д. Политический портрет Абдыкадыра Орозбекова: [К 100-летию со дня рождения видного деятеля революц. движения Средней Азии] // Коммунист Киргизии.—1990.— № 4.— С. 73—80.

КУНИЦЫН Г. Утаенное письмо: [О Г. В. Плеханове и письме К. Маркса В. И. Засулич] // Диалог.— 1990.— № 7.— С. 80—85.

ПЛЕШАКОВ Л. И стыла кровь при имени его...: [Беседа с П. К. Пономаренко] // Совершенно секретно.— 1990.— № 3.— С. 12—13.

УБИЙСТВО Л. Пятакова: [Документы. 1917—1918 гг.] // Укр. іст. журнал.— 1990.— № 4.— С. 95—99. На укр. яз.

ПРИСЛУШАЕМСЯ к голосу Рютина: Отрывки из рукописи, так и не ставшей книгой. [С предисл. А. Борщаговского] // Моск. новости — 1990.— № 21.— С. 16

СПУНДЭ А. «Найти смелый, честный ответ...»: Злободневное письмо полувековой давности: [Публ. подгот. И. Врайнин] // Коммунист.— М.— 1990.—№ 7.—С. 5—7.

СТАЛИН И. В. Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в кинеповести Довженко «Украина в огне» [Публ. и вступ. статья А. Латышева] // Искусство кино.— 1990.— № 4.— С. 84—96.

АДЫРХАЕВ Н. Б. Встреча Сталина с японскими коммунистами [1951 г. Послесловие А. И. Сенаторова] // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 2.— С. 140—147

СПИРИН Л. М. Сталин и война // Вопр. истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 90—105.

ДРИБИН Л. П. Стучка о национальном вопросе в Латвии // Латвия на грани эпох. Рига: Авотс. 1990.— Вып. 4.— С. 34—62.

МЕДВЕДЕВ Р. А. Штрихи из жизни Михаила Суслова // Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М.: Политиздат. 1990.— С. 313—350.

В. И. ЛЕНИН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ЭПОХИ

Этой проблеме были посвящены традиционные Ленинские чтения в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, состоявшиеся 19 апреля, в канун 120-летия со дня рождения В. И. Ленина.

В кратком вступительном слове директор ИМЛ академик **Г. Л. Смирнов** отметил, что в план исследований Института на 1990 г. включена комплексная научная программа «Актуальные вопросы истории мировой социалистической мысли». Без такой работы трудно воссоздать исторически верные представления о процессе выработки ленинских взглядов на построение социалистического общества, преемственность революционных традиций в отечественном и мировом освободительном движении.

Мы длительное время с упорством, достойным лучшего применения, закрывали глаза на бурный подъем общественно-политических движений в конце XIX — начале XX в. как в нашей стране, так и за рубежом. А ведь именно этот благодатный общественный фон во многом способствовал становлению теоретического гения молодого В. И. Ульянова, помог ему стать не просто одним из талантливейших учеников К. Маркса и Ф. Энгельса, но развить их учение применительно к исторической реальности своего времени.

Оратор подчеркнул значение углубленного исследования идейно-теоретического наследия Ленина, новаторского подхода, позволяющего преодолеть как догматизацию, канонизацию его положений, так и точку зрения, согласно которой у Ленина якобы вообще не было системы представлений о социализме и планов его построения. В научных сообщениях, представленных на чтениях, сказал Г. Л. Смирнов, предпринята попытка показать зарождение ленинских воззрений в неразрывной связи с эпохой, в которой он жил и формировался как выдающийся мыслитель и революционер, как создатель нашей партии и Советского государства.

С докладом «К вопросу о формировании ленинской концепции партии в конце 90-х — начале 900-х годов» выступила ведущий сотрудник отдела В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС канд. историч. наук **Г. С. Волкова**. Своеобразие формирования партии российского пролетариата, по ее мнению, состояло в том, что в отличие от стран Западной Европы, где социал-демократия складывалась постепенно, по мере развития борьбы рабочего класса, в России за короткий исторический срок им был пройден путь практически от политической атомизированности сразу к высшей форме организации. Другое отличие, связанное с первым, заключалось в том, что если в западноевропейских странах рабочий класс в ходе создания своих партий выступал одновременно и как субъект, и как объект исторического процесса, то в России он являлся в значительной мере объектом революционного воздействия со стороны интеллигенции.

Эта специфика не могла не отразиться и на деятельности самой РСДРП, и на ленинских взглядах на партию. Ленин сыграл значительную роль как в практической реализации идеи образования партии «сверху» (создание «Искры», участие в подготовке II съезда РСДРП, в выработке Программы и Устава партии), так и в ее теоретическом обосновании. В книге «Что делать?» он рассматривал интеллигенцию как субъект, вырабатывающий социалистическую идеологию и вносящий ее извне в рабочее движение, как силу, без которой пролетариат не может осознать свои классовые интересы, прийти к социализму.

Вместе с тем выступавшая обратила внимание на то, что во многих письмах, опубликованных в тогдашней социал-демократической прессе, в брошюрах и других документах, говорилось о фактическом отстранении рабочих — членов РСДРП от участия в общепартийных делах и пассивности в их рядах, о том, что руководящее положение в партии заняли интеллигенты.

Нашей партии, считает докладчик, с самого начала была присуща тенденция отрицания буржуазных порядков, буржуазной культуры. Характерно, что, выдвигая в качестве первоочередной задачи борьбу за демократические права и свободы, российские революционные социал-демократы тем не менее отрицали самоценное их значение. Показательно в этом

смысле выступление Г. В. Плеханова на II съезде РСДРП, в котором он говорил об относительности демократических принципов, о том, что высшим законом для социал-демократии является успех революции [1]. В этом проявились и антибуржуазность российской интеллигенции, и сравнительно низкий уровень развития правосознания общества. И не случайно в отличие от западноевропейской мысли общественное сознание России не выдвигало идеала правовой личности.

Для партии с первых лет было характерно построение «сверху вниз», ее развитие осуществлялось на основе централизации власти и децентрализации ответственности. Уже тогда в ней происходило формирование слоя функционеров, неподконтрольных низовой партийной массе и ответственных лишь перед центральными органами, что создавало почву для возникновения бюрократических тенденций. Стремление к излишней регламентации, унификации, к достижению монолитного единообразия, известная фетишизация уставов и правил — эти черты, во многом объяснимые нелегальными условиями деятельности партии, не исчезли, а даже получили свое развитие и после Октября, когда они все более вступали в противоречие с задачами социалистического строительства.

В 1920 г. в письмах и обращениях в ЦК коммунисты неоднократно указывали на факты неблагополучия в рядах партии, обращали внимание на возникновение необоснованных привилегий для партийных руководителей, рост бюрократизма, разделение партии на «верхи» и «низы», репрессии против инакомыслящих. Несмотря на отдельные документы ЦК, осуждавшие эти явления, искоренить их не удалось.

В дискуссиях 20-х годов обсуждалась идея реформы партии, развития в ней демократических начал. Однако она осталась нереализованной, а модель партии, сложившаяся еще до революции, сохранилась и в последующем.

Г. С. Волкова подчеркнула, что с помощью такой модели, которая была создана в специфических условиях России, оказалось возможным решить важные проблемы: предотвратить сползание страны к хаосу и развалу, сохранить ее как единое государственное целое, эффективно и результативно действовать в условиях экстремальных ситуаций, решить определенные экономические и социальные проблемы.

Вместе с тем данная модель партии, не обеспечивая раскрытия творческого потенциала всех коммунистов, не отвечает задаче построения экономически процветающего общества, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Вот почему так остро стоит на данном этапе задача демократизации партии, выхода ее на качественно новую ступень развития.

[1] См. Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 года. Протоколы. М., 1959. с. 182.

Тема доклада главного научного сотрудника отдела истории КПСС ИМЛ докт. историч. наук, проф. **Р. В. Филиппова** — «В. И. Ленин и народничество: противоречия и проблемы». Ленину, сказал он, принадлежит стройная концепция народничества, в котором он видел идеологию (систему взглядов) крестьянской демократии в России.

К революционному мелкобуржуазному демократизму, составляющему ядро народнической доктрины, добавлялись, по мысли Ленина, еще два идейно-политических течения, образующих народничество в специфическом значении этого понятия: социалистические мечты, надежда миновать путь капитализма, предупредить его; проповедь радикальной аграрной реформы, смысл которой заключался в идее права на землю, «трудового начала», «уравнительности». В этой «добавке» Ленин видел лишь словесное облачение реального содержания народничества, якобы социалистическую фразу, на деле представлявшую отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм. Говоря о социалистическом учении Герцена, он подчеркивал, что в этом учении, «как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет *ни грана* социализма» [2].

Этот императив Ленина, продолжал докладчик, наши историки, игнорируя эволюцию его взглядов (особенно развитие их в послеоктябрьский период), возвели в методологический абсолют, преломление которого в конкретно-историческких исследованиях обозначало безраздельное господство узкоклассового подхода к рассмотрению каких бы то ни было связанных с крестьянством идеологических и общественно-политических явлений. Народничество (в самом широком смысле этого понятия, как, впрочем, и в своих различных течениях) принадлежит именно к таким явлениям, заведомо исключающим жесткую одномерность в трактовке их социального и духовного наполнения.

Коснувшись ленинских взглядов на процесс перерождения революционного народничества в либерально-буржуазное направление, эволюцию «радикальной буржуазной демократии», Р. В. Филиппов отметил, что основным ориентиром для Ленина в данном случае являлось убеждение в том, что «не может быть... революционной теории вне марксизма» [3] (т. е. теории, которая воплощала бы в себе подлинный социализм и последовательный демократизм).

Но в самом начале XX в., отметил далее оратор, страна оказалась перед лицом подъема несомненно революционного движения крестьянства, и Ленин признал, что это вызвало «некоторое оживление старчески дряхлого народничества» [4].

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257—258.
[3] Там же, т. 1, с. 342.
[4] Там же, т. 12, с. 40.

Оставалась, следовательно, социальная почва для возрождения народнических идей, создания политических партий, претендовавших (и не без оснований) на выражение общественных идеалов крестьянства.

В 1901 г. возникла партия социалистов-революционеров (эсеров). Позицию социал-демократии по отношению к этой партии Ленин выразил в бескомпромиссной формуле: решительная и беспощадная война. Ленинское обоснование этой позиции, относящееся к кануну революции 1905—1907 гг.[5], наши историки также приняли за аксиому, не учитывая, что общая оценка идеологии и программных построений эсеров была проведена Лениным через призму указанных выводов и признания классовой борьбы в качестве единственного действительно революционного принципа. С этой по-своему последовательной точки зрения Ленин с самого начала отказал эсерам в революционности, социалистичности и даже в «социальном базисе».

Кратко рассмотрев программные установки, принятые эсерами в то время, Р. В. Филиппов отметил наличие в них таких моментов, реальный смысл и значение которых Ленин вскрыл лишь после Октябрьской революции (социализация земли, кооперирование как один из путей перехода к коллективному земледельческому производству и т. д.). Между тем наши историки вели критику эсеровской аграрной программы, опираясь на его дооктябрьские работы. При этом не принимались во внимание ни признанная Лениным сдержанность социал-демократов при выработке собственной аграрной программы («сочинять» таковую для буржуазного общества не дело пролетариата), ни тот факт, что до революции они вообще не могли «выставить правильной аграрной программы»[6]. Создалась парадоксальная историографическая ситуация: критика «утопизма» эсеровской аграрной программы велась с позиций ошибочной программы революционной социал-демократии.

Но самое существенное в этой ситуации, по мнению докладчика, состоит в том, что и по сей день наша наука не сумела с исторических позиций рассмотреть реальное соотношение воззрений революционной социал-демократии и неонародничества. Мы молчаливо оставляем в тени специфику дооктябрьских взглядов Ленина на социализм (в частности, его представления о характере экономических взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, о несовместимости социализма с товарным хозяйством и обменом и т. д.) и никак не можем (или не хотим) осознать, что ленинский анализ «социализаторских» неонароднических идей не мог до определенного времени претендовать на всеобъемлющее раскрытие содержащихся в них возможностей, не говоря уже о выдвигавшихся в тот или иной момент прогнозах относительно судеб народнического «квазисоциализма».

Достаточно сказать, что для Ленина результат изучения поведения крестьянства в революции 1905—1907 гг. явился лишь дополнительным подтверждением его мелкобуржуазности[7]. И это позволило утверждать, что в крестьянской демократии нет ничего социалистического, что революция похоронила народнический социализм в России[8].

Этот вывод, относящийся к 1913 г., оказался поспешным. Стремительный вектор жизни и революции вывел аграрную программу эсеров в область кардинальных вопросов политики: с ее принятием большевиками Ленин позднее прямо связал победу Октябрьской революции[9]. Здесь важно подчеркнуть, что еще в канун этой революции вождь большевистской партии начал пересмотр своих прежних взглядов на реальное содержание идеологии народничества. Первым и важнейшим итогом этого пересмотра и явилась мысль, высказанная им в январе 1919 г.: «...Стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира»[10].

В основе этой мысли, методологическое значение которой мы не сумели вполне оценить и по сей день, лежит тот общепризнанный факт, что в октябре 1917 г. пролетариат брал власть вместе с крестьянством в целом. И если Ленин признал тогда, что «партия, выражающая истинные стремления и интересы крестьянства,— есть партия левых эсеров»[11], что реализацией «Декрета о земле» крестьяне начали уже переход к социализму, что задача сводится к тому, чтобы «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю»[12], то вряд ли можно усомниться в сущностной стороне корректив, которые он вносил в свои прежние представления.

Процитированное выше положение Ленина о наличии «социалистического зерна» в учении идеологов крестьянской демократии представляет собой важнейшее звено в его концепции народничества. В теоретическом отношении оно стоит в прямой связи с его напряженным поиском путей и способов перевода многомиллионного крестьянства на социалистический путь развития. Этот поиск в конечном счете привел Ленина к признанию коренной перемены «всей точки зрения нашей на социализм»[13].

Все это выдвигает перед исторической наукой, сказал в заключение докладчик,

[5] См. там же. т. 6. с. 372—398.
[6] Там же. т. 16. с. 233. 409.

[7] См. там же. т. 17. с. 341.
[8] См. там же. т. 22. с. 366.
[9] См. там же. т. 44. с. 30.
[10] Там же. т. 35. с. 263.
[11] Там же.
[12] Там же. т. 38. с. 201.
[13] Там же. т. 45. с. 376.

ряд сложных методологических и теоретических проблем. Среди них на первом месте — пересмотр основанных на узкоклассовом подходе традиционных представлений о соотношении марксизма с различными социалистическими учениями, так или иначе отражавшими мировоззрение трудящегося крестьянства. Результатом такой переоценки станет, вероятно, новое концептуальное видение этого соотношения.

Зав. сектором истории марксизма-ленинизма ИМЛ докт. философ. наук **А. Л. Андреев** вместе с научным сотрудником отдела В. И. Ленина **Ю. Г. Коргунюком** представили доклад «В. И. Ленин и А. А. Богданов. Философия. Политика. Культура». В нем отмечалось, что, несмотря на совпадение на определенном этапе взглядов Ленина и Богданова на стратегию и тактику партии в революции, за этим скрывалось принципиальное различие двух мировоззрений, которые могли «пересечься» лишь в специфических условиях и притом на весьма ограниченный срок.

Богданов и его сторонники (В. А. Базаров, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и др.) представляли ту часть леворадикальной интеллигенции, которая, разделяя основные принципы стратегии и тактики большевиков в период нарастания революционного движения накануне 1905 г., не имела тем не менее прочной связи с революционными процессами, происходившими внутри рабочего движения.

Для Богданова-теоретика, по мнению авторов доклада, характерна эклектичность, попытки соединить принципиально разные точки зрения, развить марксизм, находясь одновременно и вне марксизма. По своей сути он маргинальный теоретик — тип в то время редкий, но во второй половине XX в. сделавшийся достаточно обычным и проявивший себя в различных сочетаниях: марксизм и экзистенциализм, марксизм и структурализм и др. Признавая учение Маркса революционным переворотом во взглядах на общество, культуру и историю, он в то же время игнорировал его целостность, выделяя прежде всего методологические функции.

В докладе подчеркивается, что, хотя Богданов, как и Ленин, видел объективно необходимую смену общественно-экономических формаций, а на историю смотрел как на бескомпромиссную борьбу классов, у него эти положения исторического материализма приобретали совершенно новую, позитивистскую окраску. Если Ленин указывал на специфически социальный характер развития человеческой истории, то Богданов пытался определить этот процесс как частный случай процесса биологического, связанного с приспособлением человечества к внешним условиям борьбы с природой. Определяющим признаком «класса» в его концепции было наличие у данной социальной группы собственной идеологии, в то время как для Ленина классовая структура общества складывалась независимо от воли людей.

Богдановские представления о методах строительства «общества будущего» обрели свое воплощение в формировании идеологии социального технократизма. На почве революционного нетерпения «левых», получивших вместе с доступом к государственной власти возможность проводить тотальные социальные эксперименты, он перерастал в экзальтированное поклонение Великим Планам, которые требовалось претворить в жизнь во что бы то ни стало, не считаясь с сопротивлением «социальной материи».

Идеи Богданова о создании пролетарской культуры получили свое воплощение после Великого Октября, еще при Ленине, когда был создан Пролеткульт. Несмотря на некоторую позитивную роль в просвещении трудящихся масс и приобщении их к творческой деятельности, организация эта, программа которой была направлена на то, чтобы строить новую культуру где-то в стороне от потока общественной жизни, перечеркивая достижения прошлого, отвергая целиком старую, буржуазную культуру, принесла и немалый вред.

Ведущий научный сотрудник сектора истории марксизма-ленинизма ИМЛ канд. философ. наук **Е. Л. Петренко** выступила с докладом «В. И. Ленин и К. Каутский: смысл и содержание полемики». Ленин и Каутский, считает докладчик,— ключевые фигуры для понимания тенденций развития теории и практики марксистского социализма в XX в. В советской научной литературе утвердились традиционно негативные оценки творчества Каутского, почерпнутые из широко известных ленинских работ «Крах II Интернационала», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др. Эти оценки заслонили более ранние высказывания Ленина о Каутском как крупном теоретике, умеющем «не только обосновать и разъяснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьезным разбором фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции».[14]

Необходимо научное исследование общности и различий в теоретических взглядах Ленина и Каутского. Такой анализ немыслим без преодоления явно несостоятельного представления об антимарксистской, антисоциалистической ориентации Каутского, без признания того факта, что его творчество развивалось в русле марксистской традиции. В канун первой мировой войны Ленина и Каутского сближало совпадение взглядов по многим важнейшим вопросам: об объективной тенденции развития капитализма, которой является движение к социализ-

[14] Там же, т. 14, с. 221.

му; о характере социализма; о необходимости политической революции, осуществляемой пролетариатом; о социализме как реальном гуманизме и др.

Осветив далее социально-философские, политические позиции Ленина и Каутского, докладчик показала, что в то же время их подходы к толкованию основополагающих категорий диалектического и исторического материализма противоположны.

Главное, что разделяет позиции Ленина и Каутского в оценке российской революции, подчеркнула далее Е. Л. Петренко,— это отношение к крестьянскому вопросу. Если Ленин стремился уйти от традиционных для классического марксизма схем, отмечавших реакционную, мелкобуржуазную сущность крестьянства, и видел возрастание его роли в социалистической революции в эпоху империализма, рассматривая его как союзника пролетариата, то Каутский резко отрицательно относился к мелкой буржуазии и крестьянству, считая эти социальные слои виновниками всех неудач социалистических революций XX в.

Пролетарская демократия, которую Каутский противопоставлял ленинской концепции диктатуры, так и осталась утопией, не реализовавшейся на практике. Вместе с тем положительную роль играла его критика тех авторитарных, диктаторских форм, которые, зародившись в системе Советской власти в первые годы ее существования, стали впоследствии, в эпоху сталинизма, господствующими. Полемика Ленина и Каутского сохраняет свое значение для создания теоретической модели социалистического переустройства нашего общества, имея в виду его движение к гуманному, демократическому социализму.

Старший научный сотрудник отдела истории КПСС ИМЛ канд. историч. наук **А. И. Осадчая** выступила с докладом на тему «В. И. Ленин и Г. В. Плеханов об особенностях формационного процесса в России в начале XX в.». Основываясь на сформулированных им принципах диалектико-материалистического анализа общественных систем, сказала она, Ленин рассмотрел источники и тенденции развития капитализма в России через проблему разнообразных форм и уровней обобществления в различных сферах экономики. При этом общественную систему в России он анализировал как органическую часть мирового капитализма и мирового хозяйства: участие России в формировании мирового рынка; усвоение ею передовых форм промышленного производства и форм производственных отношений.

Охарактеризовав раскрытые Лениным противоречия, особенности формирования российского капитализма, докладчик отметила, что на этой основе ему удалось показать, что Россия двигалась в общем русле европейского формационного процесса, хотя ей были свойственны особенности, обусловленные историческим наследием и средой развития.

Основной отличительной чертой концепции исторического процесса, разработанной Г. В. Плехановым, явилось представление о двух типах развития — «европейском» и «азиатском», а также идея о сосуществовании этих типов в одной общественной системе[15]. По мнению оратора, эта идея была порождена тем, что первый российский марксист вышел из народничества. Восприняв в целом марксову теорию общественно-экономических формаций как пригодную для объяснения исторического пути России, он вместе с тем искал обоснование «азиатчины» в ее общественном строе, используя данные, накопленные народнической и буржуазно-либеральной историографией, не поставив их на базу диалектического системного анализа.

Крестьянское требование национализации земли Плеханов считал реакционной мечтой о возвращении дореформенной старины, а истоки этого требования усматривал в самом складе крестьянской мысли, недооценивая его революционное и гуманистическое содержание. Отсюда расхождения Плеханова с Лениным, считавшим крестьянство союзником пролетариата в революционной борьбе.

В начале переходного периода, сказала в заключение А. И. Осадчая, концепция Ленина позволила ему выделить тот системообразующий фактор, который давал возможность восстановить разрушенную экономику с обеспечением социалистической перспективы ее развития. Этим фактором, по ее мнению, стали кооперация, госкапитализм в многообразии его форм, создававшие экономические предпосылки перехода к социализму.

Завершая чтения, заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС докт. философ. наук, проф. **М. П. Мчедлов** подчеркнул, что наступил новый этап исследования ленинизма, когда мы отходим от узкого взгляда на ленинское учение, рассматриваем его в контексте всей общественно-политической мысли, всех марксистских и социалистических течений. Необходим тонкий, филигранный анализ при рассмотрении новых аспектов проблем, например, подходов по отношению к крестьянству.

Наша задача — показать место ленинизма в развитии социалистической мысли. Э. Бернштейн, К. Каутский — это тенденция ее эволюционного развития, свойственного странам с более высокой ступенью капитализма. Идеи Ленина произросли там, где общество «беременно революцией», где развитие возможно путем революционного скачка.

Необходимо преодолевать односторонность, овладевать ленинской методологией, избегая догматического подхода,

---

[15] См. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. Т. 3. М., 1957, с. 165.

фетишизации тех или иных положений его учения, сказал в заключение оратор.

Многие положения докладов были спорными, неоднозначными. Однако если не считать двух-трех реплик, дискуссии не возникло. Видимо, присутствовавших сдерживала привычная форма «чтений», когда обсуждение регламентом не предусмотрено. Может быть, стоит изменить эту традицию — ведь сегодня учеными-ленинноведами выдвигается все больше новаторских, дискуссионных положений, которые нуждаются в научной апробации, и ее первым актом могло бы стать обсуждение докладов и сообщений на Ленинских чтениях.

А. В. БЕДОВ

ЛЕНИН — СОЦИАЛИЗМ — ПЕРЕСТРОЙКА

Этой проблеме была посвящена Всесоюзная научно-практическая конференция, состоявшаяся в ознаменование 120-летия со дня рождения В. И. Ленина в Красноярске 27—28 апреля. В ее работе приняли участие ученые-обществоведы из ряда городов страны, партийные работники края, ветераны КПСС.

Вступительным словом пленарное заседание конференции открыл первый секретарь Красноярского крайкома КПСС **О. С. Шенин**. Обстановка, в которой отмечается 120-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина, отметил он, в значительной мере характеризуется явным стремлением определенных общественных сил разрушить, демонтировать идейные устои КПСС, подорвать веру коммунистов, советских людей в теорию и идеологию партии. В этих целях ленинское идейное наследие, ленинизм в целом подвергаются резкой, порой агрессивной критике. Широко распространяются, комментируются и интерпретируются различные «факты» в целях дискредитации Великой Октябрьской социалистической революции, фальсифицируются многие аспекты этого величайшего события, ставится под сомнение его мировое значение. Октябрь представляется трагической ошибкой, прервавшей естественный ход развития нашей страны. С другой стороны, не перевелись еще у нас, в том числе и в партии, догматики, стремящиеся, как и в прежние годы, все объяснять и подтверждать ленинскими цитатами, независимо от того, к какому периоду времени они относятся. При этом не учитывается историческая обстановка, обусловившая те или иные ленинские оценки, не обращается внимание на то, что взгляды Ленина менялись в зависимости от изменений в жизни и деятельности партии, исторической обстановки в целом. Поэтому от всех коммунистов, подчеркнул О. С. Шенин, требуются исключительно внимательное отношение к ленинскому идейному наследию его глубокий и всесторонний анализ. Необходимо тщательно разбираться в том, чем Ленин может помочь нам сегодня, чему мы должны и впредь у него учиться.

Далее оратор остановился на основных событиях, связанных с пребыванием Ленина в ссылке в Енисейской губернии, охарактеризовал его влияние на развитие социал-демократического движения в Сибири, подчеркнул, что Владимир Ильич стоит у истоков Красноярской партийной организации.

«Ленинскому теоретическому наследию — творческое осмысление и развитие» — тема доклада ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС чл.-корр. АН СССР **Р. Г. Яновского**. После того как Ленин ушел из жизни, сказал оратор, Бернард Шоу писал: «Вы не должны думать, что значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего, а значение его для будущего таково, что если опыт, который Ленин предпринял, опыт социализма — не удастся, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизаций погибло в прошлом»[1].

Ленин рассматривал социализм как строй трудящихся и для трудящихся, при котором создаются все необходимые условия для всемерного развития производства, демократии, реализации способностей людей, удовлетворения их материальных и духовных интересов. Осуществление социалистической идеи он органически связывал с высокой производительностью труда, уровнем культуры, современной организацией и управлением производства, научно-техническим прогрессом, личной заинтересованностью каждого труженика. Вывод же о необходимости коренного пересмотра прежней точки зрения на социализм, к которому Ленин пришел в последние годы своей жизни, означал признание им невозможности идти к социализму, минуя столбовую дорогу мировой цивилизации. К сожалению, правомерность этого вывода, объективная потребность в его практической реализации были осознаны нами в полной мере лишь после апреля 1985 г.

Докладчик полностью согласился с мнением О. С. Шенина о том, что в нашем обществе есть силы, подвергающие критике не только конкретные практические шаги в осуществлении политических и экономических реформ, но и такие непреходящие ценности, как Великий Октябрь, идейно-теоретическое наследие Ленина. Критика эта приобретает все бо-

[1] Народы мира о Ленине. М., 1970. с. 59—60.

лее воинствующий, порой озлобленный характер.

Одни отвергают революционность перестройки, видя в ней «либерально-буржуазное перерождение» советского общества и КПСС, другие, смыкаясь с антисоциалистическими силами, призывают к реставрации капитализма в нашей стране. Серьезную опасность представляют националистические и шовинистические настроения, сепаратистские устремления некоторых народных фронтов, других общественных движений, что находит определенное отражение и в партии.

Схема подходов критиков как «справа», так и «слева» примерно одинакова: основные положения марксизма-ленинизма устарели, они отражают в лучшем случае реалии прошлого или начала нашего века, и вообще необходимо отказаться от этого учения, ибо оно «догматическое», «утопическое». Нападая на Ленина с позиций массового обыденного сознания, «здравого смысла» и «плюрализма мнений», полностью игнорируя диалектику познания общественных процессов, эти люди называют Владимира Ильича «хирургом истории», облыжно представляют его фанатичным поборником «военного коммунизма» и всеобщей казарменной уравниловки, посредством тенденциозной подборки ленинских цитат изображают Ленина предшественником сталинщины, противником демократии, сторонником политики геноцида и насилия, даже уничтожения генофонда русского народа. Ему ставят в вину также «неправомерный» раскол в социал-демократии, размежевание большевиков с меньшевиками.

Отчетливо прослеживается переход от критики сталинизма к критике Ленина и его учения. Все яснее становится далеко идущее стремление — разрушить авторитет Ленина и ленинизма, демонтировать идейные устои КПСС, лишить ее научных основ.

Наша партия, подчеркнул докладчик, не уклоняется от открытого соревнования идей, она учитывает все современные тенденции развития советского общества, на деле утверждает демократию и гласность, приоритетное внимание к интересам и нуждам человека. КПСС твердо и бесповоротно отказалась от всех и всяких постулатов сталинизма, честно и открыто вскрыла и осудила ошибки и упущения в своей политике и практической деятельности в годы застоя.

Ленинское учение, его идеи остаются для КПСС могучим источником теоретической мысли. Р. Г. Яновский обратил внимание на использование Сталиным термина «ленинизм». Сталин сделал из Ленина икону и заставил народ ей поклоняться, догматизировал ленинское учение. Подмена этого учения его сталинской интерпретацией, даже прямой фальсификацией, несоответствие ленинских теоретических положений построенному в нашей стране обществу привели к тупиковой ситуации. Сегодня решается задача освобождения ленинизма от сталинских извращений.

Можно только приветствовать желание ученых, публицистов, литераторов объективно изучать сложнейшие проблемы истории КПСС и Советского государства, вскрыть истоки и процесс укрепления авторитарности и командно-административной системы, понять суть и причины допущенных ошибок, деформации теории и практики социализма. Но нельзя при этом допускать отрыва исследований от объективных исторических условий и обстоятельств, выносить субъективные оценки, фальсифицировать события и факты.

Сейчас, продолжал докладчик, мы справедливо говорим о новом прочтении Ленина. Это не конъюнктурная интерпретация его учения, его идей, а их постижение с учетом наших обогащенных жизнью представлений о социализме, выход на более высокий качественный уровень теории и практики.

В ленинских положениях о социалистической демократии, гласности, о строе культурных кооператоров, об общечеловеческих ценностях сегодня раскрываются новые и новые грани, требующие критического анализа и дальнейшего развития.

Ленин не пытался предвосхитить все детали перехода к новому обществу. Он стремился наметить основные этапы движения к социализму, его конкретные пути при строжайшем учете объективных исторических условий, готовности человеческого фактора к решению реальных практических задач.

Нельзя рассчитывать найти у Маркса, Энгельса, Ленина готовые ответы на возникающие в наши дни теоретические и практические вопросы. Лишь от нас самих зависит, насколько успешно и в нужные сроки мы решим возникшие проблемы, опираясь, безусловно, на мировую общественную мысль, все достижения человеческой цивилизации в областях науки и техники, образования и культуры.

Социологические исследования, проведенные учеными АОН при ЦК КПСС, отметил Р. Г. Яновский, свидетельствуют о стабильно высоком интересе трудящихся к личности и деятельности Ленина, к его учению. При этом теоретическое наследие Ленина подавляющим большинством респондентов рассматривается как методологическая основа анализа современных процессов и явлений общественной жизни, а для каждого пятого опрошенного оно остается руководством в решении задач перестройки.

Жизненность любой теории, продолжал докладчик,— в ее открытости для критики, в возможности аккумулировать все ценное для дальнейшего развития и обогащения. Поэтому КПСС всегда ищет и находит в критике рациональные зерна, учитывает конструктивные предложения, что способствует повышению качественного уровня теоретического осмысления социализма, тенденций общественного развития. В этом партия также учится у

Ленина, который всегда утверждал, что истинность учения проверяется только практикой, только жизнь вносит в него необходимые коррективы.

Каждому из нас, сказал в заключение докладчик, при изучении ленинского идейного наследия следует осваивать метод его мышления, соотносить его идеи с действительностью, с динамикой общественной жизни. Только тогда можно понять диалектику ленинской мысли, глубину и практическую неисчерпаемость многих его теоретических положений, их значение для современности. Творческое осмысление и развитие ленинских идей, широкое изучение и привлечение трудов других виднейших теоретиков мирового социалистического движения XX в.— важнейший источник развития общественной мысли, одна из главных задач идейно-политической деятельности КПСС, ее внутрипартийной жизни. Ленинизм как теория, как метод познания и преобразования действительности был, есть и останется основой нашего мировоззрения, надежным фундаментом КПСС.

На важных вопросах, связанных как с пониманием роли Ленина в тех исторических условиях, в которых он жил и работал, так и с возможностью проецировать его идеи на современность, использовать их в качестве теоретического импульса в нынешней обстановке, остановился в своем докладе зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС докт. философ. наук, проф. **М. П. Мчедлов.**

Анализируя теоретическое наследие Ленина — крупнейшего мыслителя, социальные и идейные функции этого наследия, подчеркнул докладчик, очень важно впредь не допускать тех ошибок, которые, к сожалению, совершались при осмыслении и использовании ленинских трудов. Следует предельно объективно определять вклад Ленина в мировую цивилизацию и культуру, в развитие общественной мысли.

Наши суждения и оценки в этом плане должны опираться прежде всего на документальную базу Ленинианы, которая постоянно расширяется. Кратко охарактеризовав важнейшие издания отдела В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, М. П. Мчедлов отметил, что есть ряд ленинских документов, которые до сих пор не печатались. И о них следует говорить, ибо факт их замалчивания используется нашими идеологическими противниками в различных спекулятивных целях.

Разумеется, речь здесь не идет о каких-то крупных работах Ленина — все они опубликованы. Но в Центральном партийном архиве ИМЛ хранятся материалы, до сих пор не увидевшие свет, хотя любой документ Владимира Ильича, касающийся его политической или теоретической деятельности, бесценен и представляет большой интерес для советских людей. Долгое время считалось, что не следует печатать, например, те материалы, где можно встретить фамилии таких деятелей, как Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин. При утверждении состава документов 40-го Ленинского сборника было рекомендовано исключить ряд записок Владимира Ильича, адресованных Молотову, который с 1921 г. являлся секретарем ЦК РКП(б). Лишь недавно опубликованы пометки В. И. Ленина на книге генерала А. И. Деникина «Очерки русской смуты» [2], ибо признавалось нецелесообразным «пропагандировать» белогвардейцев. И уж совсем курьезный случай произошел при подготовке последнего Ленинского сборника. Из его состава была изъята записка, в которой Владимир Ильич предлагал выдать больному Сталину в лечебных целях четыре бутылки портвейна. Причина изъятия — развернувшаяся в недалеком прошлом антиалкогольная кампания.

Некоторые исследователи, да и просто любители точных цифр не раз и в печати, и устно высказывали недоумение: известно, что в ЦПА ИМЛ хранится 34 тыс. документов В. И. Ленина, а в различных изданиях указано значительно меньшее их общее число. М. П. Мчедлов разъяснил, что 34 тыс.— это результат внутриархивного учета всех, причем самых разнообразных ленинских документов. Среди них сотни подлинных протоколов СНК, Малого Совнаркома, Совета Труда и Обороны, подписанных Лениным. В них содержится много пунктов, представляющих собой постановления о выделении тем или иным наркоматам, различным ведомствам, предприятиям определенных денежных сумм. На этом основании секретариат Совнаркома готовил так называемые ассигновки, адресованные Госбанку и соответствующим получателям этих сумм, причем все эти документы подписывал Ленин. Каждая такая ассигновка является самостоятельной «единицей хранения» и учтена в числе 34 тыс. И если протоколы СНК будут когда-нибудь опубликованы, то какой же смысл сейчас печатать эти документы, которые являются производными от протоколов? Так что вряд ли и в будущем число опубликованных ленинских документов будет соответствовать общему количеству хранящихся в ЦПА материалов.

Следует отметить и то обстоятельство, продолжал М. П. Мчедлов, что многие документы Владимира Ильича, о которых известно, что они существовали, до сих пор не разысканы. Значительное их число относится к периоду эмиграции. Перечни таких материалов опубликованы в приложениях к томам 5-го издания Сочинений Ленина, и Центральный партийный архив, ИМЛ в целом ведут кропотливую, зачастую результативную работу по их розыску. В этом нам помогают советские и зарубежные исследователи, архивисты.

Далее докладчик кратко охарактеризовал ближайшие задачи и планы ИМЛ в

[2] См. Вопросы истории КПСС. 1989. № 12; 1990. № 1, 2.

деле публикации ленинского литературного наследия, обратил внимание на трудности, которые придется преодолевать, учитывая новые задачи и подходы.

М. П. Мчедлов коснулся научной диалектико-материалистической, историко-критической интерпретации имеющейся документальной базы. Ведь можно располагать документами, но делать из них различные, в том числе и неправильные выводы. Раньше частенько этим грешили мы сами, а сейчас это нередко делают наши оппоненты.

Анализ публикаций последнего времени, как научных, так и популярных, устных выступлений о Владимире Ильиче свидетельствует, что наши наука и пропаганда в основном преодолели его чисто внешнее, помпезное почитание. Отказ от иконографии, столь характерной для прошлых лет,— преобладающая ныне тенденция, открывающая возможность для объективного раскрытия подлинного исторического значения политической и теоретической деятельности Ленина. Это большое достижение, результат обновления нашего общества.

Вместе с тем не изжита еще застарелая и негативная привычка выборочно, а потому конъюнктурно относится к ленинскому идейному наследию. В практике прошлых лет было обычным для обоснования той или иной задачи подбирать соответствующую ленинскую цитату. С подобным положением особенно часто приходилось сталкиваться Институту марксизма-ленинизма. Готовится какое-то постановление, независимо от содержания,— и от института требуют нужную цитату, иначе-де постановление не будет теоретически обосновано. В известной мере такое положение сохраняется. Цитаты выхватываются из контекста без учета исторических условий, духа и общего смысла той или иной ленинской работы. Прав был Л. Фейербах, который в свое время заметил, что каждая эпоха читает Библию по-своему. Добавим к этим словам, что даже Библию посредством выдергивания цитат можно представить атеистическим изданием.

Своеобразное «цитатничество» коснулось и фотографий Ленина, сделанных при его жизни. Имеется в виду практика, когда при публикации фотографий отсекались все «неугодные» лица, окружающие Ленина, а в результате искажался и запечатленный на фотографии исторический факт, событие. Сейчас подобное отношение к истории преодолевается.

Перейдя затем к проблеме, касающейся проецирования ленинских идей на современность, М. П. Мчедлов отметил неправомерность стремления искать у Ленина готовые рецепты для решения задач наших дней, вместо того чтобы использовать прежде всего ленинскую методологию. Так, утверждая сейчас примат общечеловеческого над классовым, обычно ссылаются на известное ленинское положение из его работы «Проект программы нашей партии». Там говорится, что с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития не могут не иметь приоритета над классовыми интересами пролетариата [3].

Такая прямая проекция на день сегодняшний исторически не оправдана. Если брать не отдельную цитату, а обратиться ко всему контексту, то будет видно, что речь идет о другом — о том, что сначала надо решить задачи борьбы с царизмом, что, не решив общедемократических задач, нельзя перейти к конкретным задачам социалистической революции. Поэтому прямая ссылка на Ленина в этом случае неправомерна, хотя здесь важна и поучительна ленинская методология — его не только сугубо классовый подход, но и учет интересов других слоев населения, основных для того периода проблем общественного развития. В наши дни приоритет общечеловеческого над классовым обусловлен, кроме того, и такими нехарактерными для ленинских времен проблемами, как термоядерная и экологическая опасность, грозящая людям Земли. Для ее ликвидации требуются усилия всего человечества.

В заключение М. П. Мчедлов отметил, что при подготовке новых публикаций ленинских трудов, в том числе и 6-го издания Собрания сочинений, необходимо преодолеть узко понимаемый прежде «партийный» подход, отказаться от однозначно апологетической оценки ленинского теоретического наследия. Правильно понять и оценить Ленина можно только в неразрывной связи с исторической эпохой, со всеми аспектами общественного развития, мировой цивилизации.

«Духовность как коренная черта социализма» — тема доклада докт. филос. наук, проф. **Б. Н. Бессонова** (АОН при ЦК КПСС). Революционное обновление советского общества, сказал он, в огромной степени зависит сегодня от возрождения духовной культуры. Без хорошо поставленного образования, восстановления авторитета науки, без высоких нравственных принципов, расцвета литературы и искусства нельзя создать общество подлинного гуманизма и свободы, общество счастливых и духовно богатых людей. Нельзя забывать ленинское положение о том, что неграмотный человек стоит вне политики.

Далее докладчик подробно остановился на роли научно-технической революции в современных условиях, осветив ее воздействие на все сферы человеческой жизни, в том числе и на духовное развитие людей. Однако необходимо своевременно выявлять социальный смысл и социальные последствия научно-технических открытий, оценивать, в какой мере они служат благу, а в какой являются потенциальной или даже реальной угрозой человеку.

[3] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220.

Наукоемкое, основанное на достижениях НТР производство не может существовать без роста объема знаний, высокой культуры труда, без совершенствования образа жизни людей. Общество будущего не станет конгломератом людей, лишь нажимающих кнопки; оно должно быть обществом хорошо организованных, высококвалифицированных тружеников. Человек всегда был и будет единственным субъектом творческой деятельности.

Мы утверждали и продолжаем утверждать, что социализм — это первый в истории общественный строй, который формируется и развивается на научной основе, но сами же не уделяем должного внимания своевременному теоретическому осмыслению ведущих тенденций общественного развития. Мы полагали, что поскольку социализм обоснован в марксистко-ленинском учении, то все идет «по Марксу и Ленину», и значит, не следует волноваться и искать какие-то новые теоретические подходы к социальной проблематике социализма. А между тем опыт показал, что социализм не может успешно реализовать свои преимущества, обеспечить необходимые темпы экономического и социального прогресса, если недооценивается теория, не анализируются возможные альтернативы поступательного исторического развития. Именно поэтому следует решительно отказаться от благодушия в области теоретической деятельности. Только когда мы станем по-настоящему уважительно относиться к теории, то научимся за частным видеть общее, за повседневностью — перспективу, глубже поймем общество, в котором живем.

А чтобы превратить науку, теорию в духовный катализатор перестройки, революционного обновления социализма, подчеркнул Б. Н. Бессонов, необходимо прежде всего перестроить наше сознание, психологию. Нужно решительно отказаться от догм, от сложившихся стереотипов мышления, которые представляют собой элементы механизма торможения не только прогресса советского общества, но и теоретической деятельности. Они очень живучи, а главное, нередко выдаются и принимаются за общие положения марксизма-ленинизма, за незыблемые выводы марксистско-ленинской теории социалистического строительства. Поэтому всякая попытка критически взглянуть на эти стереотипы зачастую воспринимается как посягательство на марксизм-ленинизм. В действительности же, как правило, речь идет об одностороннем и потому уже неверном толковании тех или иных положений марксистско-ленинской теории.

Наука, ученые должны всегда противостоять узкому практицизму, тем более эгоизму, карьеризму и т. п. Наука строго объективна и не может подчиняться каким-либо вненаучным проектам. Вместе с тем ученые должны быть достаточно уверены в себе, чтобы намечать ориентиры, прокладывать путь в будущее, и в то же время достаточно смелы, чтобы прогнозировать общественное развитие, предвидеть нарастание в общественной практике негативных, застойных явлений и тем самым способствовать их недопущению или возможно быстрому устранению. Задачи науки, ученых — указывать путь практике, политике, отвечать на вопросы, которые ставит общественное развитие.

Сегодня обществу, его политическим руководителям необходимо решительно изменить свое отношение к теории, к научной деятельности в целом. Несмотря ни на какие негативные явления в реальной жизни, общественные науки, если они хотят быть подлинной духовной квинтэссенцией времени, обязаны противостоять попыткам всецело подчинить их текущим, сиюминутным запросам практики и тем более тенденции относиться к ней апологетически.

На особенностях современной национально-политической ситуации в нашей стране остановился в своем докладе зам. директора Института этнографии АН СССР, докт. историч. наук **М. Н. Губогло.** Он охарактеризовал состояние национальных отношений на современном этапе, положение в ряде союзных республик и автономных образований, раскрыл позиции национальных и интернациональных движений, образовавшихся и активно действующих во многих регионах страны. Докладчик отметил, что на данном этапе социализм не смог полностью решить проблему национальных меньшинств. Сложными, обострившимися в последнее время являются также вопросы свободного развития граждан, проживающих за пределами соответствующих национально-территориальных образований или не имеющих их на территории СССР. Многие трудности в национально-политической ситуации в стране вызвали к жизни проблемы, связанные со статусами русского и других языков. В докладе была подчеркнута важная роль народных депутатов СССР, союзных республик, автономных образований, всех местных Советов в совершенствовании национальных отношений в нашей стране, в развитии взаимодействия всех населяющих ее наций и народностей.

Проблеме «Ленин и Сибирь» посвятил свой доклад канд. историч. наук, профессор Сибирского технологического института **П. Н. Мешалкин.**

28 апреля участники конференции продолжили работу в двух секциях. На одной из них под руководством докт. экономич. наук, проф. **В. А. Медведева,** докт. историч. наук, проф. **Н. С. Шилова** и канд. историч. наук **В. Н. Бородина** обсуждались современные социально-экономические проблемы, на другой, руководимой докт. историч. наук, проф. **В. В. Гришаевым** и проф. **П. Н. Мешалкиным,** — проблемы истории революци-

онного процесса и социалистического строительства.

В Красноярском филиале Центрального музея В. И. Ленина и в Красноярском госуниверситете состоялись заседания «круглого стола», в которых участвовали ученые из Москвы, партийные работники города и края, студенты и преподаватели КрГУ.

К. Л. ГРАДОВ

КПСС В УСЛОВИЯХ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Бурные политические процессы, идущие в обществе, достигли той стадии, когда исторически сложившаяся однопартийная система в нашей стране оказалась в состоянии глубокого кризиса, подвергаясь массированной и трудно опровергаемой критике. Партия отказалась от своего монопольного положения, признав право иных политических сил на организацию и официальное участие в общественно-политической жизни.

Связанные с этим вопросы стали предметом заинтересованной и острой дискуссии, состоявшейся в канун XXVIII съезда КПСС в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Открывая заседание за «круглым столом», зам. директора ИМЛ докт. историч. наук, проф. **В. В. Журавлев** подчеркнул, что время диктует необходимость обсудить проблему «КПСС в условиях многопартийности» в трех аспектах: на уровне исторического опыта, который необходим для решения сегодняшних проблем, на уровне социологического анализа и на уровне прогностическом. Иными словами, думая о прошлом, настоящем и будущем многопартийности в нашей стране, надо попытаться ответить на целую гамму вопросов, где прошлое, настоящее и будущее предстанут слитыми воедино.

Естественным для дискуссии в научном учреждении было выделение важнейшей задачи, стоящей перед исследователями: выход на методологию постижения развивающихся в обществе процессов, на наиболее эффективные пути изучения новых явлений.

Однако выступавший выделил и некоторые конкретные проблемы, требующие, с его точки зрения, приоритетного внимания. Прежде всего необходимо противостоять имеющим место попыткам трактовать историю таким образом, чтобы создавать на основе якобы ее опыта какие-то политические утопии сегодняшнего дня. Одна из таких альтернативных утопий — проблема Учредительного собрания как упущенный шанс демократии в нашей стране. Другая, тесно связанная с ней,— это проблема однородного социалистического правительства. Имеется в виду эпизод с Викжелем, который также трактуется как упущенный шанс утверждения социалистической демократии, демократии левых сил.

Не отрицая необходимости дальнейшего исследования этих проблем, В. В. Журавлев привел тем не менее веские аргументы в защиту позиции, согласно которой реальная послеоктябрьская действительность давала более определенную альтернативу: или военная диктатура, диктатура контрреволюции, или диктатура передовых слоев пролетариата, воплощенная в Советской власти. Многие историки, в том числе и на Западе, сегодня приходят к выводу, что большевики пришли к власти не как заговорщическая партия, а на волне народного движения, четче всех других партий выразив историческое нетерпение масс, разуверившихся и ожесточившихся. В этих условиях действия Временного правительства, особенно в его коалиционном составе, когда туда входили эсеры, меньшевики, показали массам, что на путях «упорядоченной» демократии решить животрепещущие проблемы выхода из кризиса невозможно.

В этом была и сила большевиков, и, возможно, их слабость. Учредительное собрание ни по объективным, ни по субъективным моментам не могло пустить в тех конкретных условиях России достаточно прочные корни, не отвечало интересам ни одного ведущего социального слоя. Отсюда весьма определенный вывод: если роспуск Учредительного собрания и был упущенным шансом широкой демократии, то шанс этот существовал лишь теоретически, не имел под собой твердой реальной почвы.

Вступив в дискуссию, канд. историч. наук **А. И. Осадчая** выдвинула тезис о том, что переход к нэпу, к «смычке» с крестьянством на основе госкапитализма, по-видимому, создавал условия для развития демократического процесса в стране, которые не были использованы в силу не только объективных, но и субъективных причин.

Экономика России в этот период характеризовалась распадом. Пролетариат был деклассирован, в обнищавшем крестьянстве начинались противоречивые процессы социальной дифференциации. Большевики в значительной степени утратили свою социальную базу, но утратили ее и меньшевики. Однако, имея экономическую программу, в которой госкапитализм понимался как простое возвращение к классическому капитализму, меньшевики с помощью политической программы демократизации стремились сформировать свою социальную базу, учитывая психологию, порожденную недовольством масс. Большевики же избрали тактику прямого обращения к массам через голову партий как на меж-

дународной арене (призыв к единому фронту), так и внутри страны.

Мысль об исторических путях становления однопартийной системы в СССР, о соотношении российского, пусть небольшого, дореволюционного и послереволюционного опыта многопартийности с мировым опытом, и прежде всего восточноевропейским, развила канд. историч. наук **Т. В. Порфирьева.**

По ее мнению, созданная в стране крайне формализованная однопартийная система нарушила естественный ход политического процесса (аналогична ситуация и в странах Восточной Европы), и наказанием за это насильственное вмешательство стало парадоксальное для демократизации общественной жизни появление на современной политической сцене, казалось бы, исторически изживших себя партий (от конституционно-монархических до анархо-синдикалистских), идеология и политика которых обращены скорее в прошлое, чем в будущее, но которые тем не менее получают известную поддержку в некоторых слоях общества.

Впрочем, автор данного тезиса исходила из того, что многопартийность — не негативное явление общественной жизни, которое надо преодолевать всеми силами. Это показатель, с одной стороны, состояния политического сознания, а с другой — политической организации общества. Современный политический процесс и в странах Восточной Европы, и в СССР лишь в стадии становления. Очевидно стремление всех слоев и общественных групп осознать и выразить себя политически: в отношении к государству, видам собственности, отдельным общественным проблемам и т. д.

Коснувшись в этой связи тактики КПСС в условиях новой общественно-политической ситуации, Т. В. Порфирьева подчеркнула, что КПСС, будучи заинтересованной в сохранении своей авангардной роли, могла бы выступить инициатором создания партий (например, крестьянской), тем более что сама она, являясь многомиллионной партией, удовлетворяет как бы главный политический интерес, но не может претендовать на выражение и защиту специфических интересов.

Большинство обществоведов пока избегают говорить о системе многопартийности в нашей стране, предпочитая констатировать лишь факт нарождающейся многопартийности.

Однако выступивший на заседании за «круглым столом» докт. философ. наук. **В. П. Давыдов** сделал вывод о том, что сегодня мы имеем уже вполне сложившуюся в обществе систему многопартийности. И не только на региональном уровне (например, Прибалтика, созданное в Литве правительство на коалиционной основе), но и во всесоюзном масштабе.

В обществе присутствует фактически весь спектр политизированных организаций, и правых, и левых, хотя подобное деление при нынешней нечеткости в определении целей и фундаментальных социальных ценностей весьма условно. Формируются силы и откровенно реакционного характера, ставящие задачу устранения существующего правительства. В этой ситуации, считает выступавший, особенно важна линия на консолидацию внутри КПСС, сплочение в ней всех демократических, прогрессивных сил. Причем это необходимо делать безотлагательно.

Несмотря на широкий круг обсуждавшихся проблем, в центре дискуссии вполне обоснованно оказались коренные вопросы жизнестойкости КПСС в условиях многоукладной экономики и многопартийности, а именно — вопросы, связанные с ее социальной базой, с возможностью или невозможностью выражения и защиты ею интересов всего народа, всех трудящихся.

Докт. философ. наук **В. С. Липицкий** в ряду многих затронутых им вопросов подробно рассмотрел, пожалуй, один из главнейших — о социальной базе КПСС, о том, интересы каких именно слоев она выражает и может выражать.

Представляется естественным, что партия подлинно социалистического выбора должна ориентироваться на те общественные группы, чьи интересы объективно прогрессивны. В настоящий момент — это заинтересованность в модернизации общества, в том числе всей общественной жизни на принципах гуманизма и демократии; экономического механизма на основе рынка, регулируемого в целях социальной защиты трудящихся; производства на основе постиндустриальных технологий и новейших достижений научно-технической революции; социоприродных взаимодействий в направлении их гармонизации.

В этом плане особого внимания заслуживает сейчас так называемый **новый рабочий класс** (НРК), о выходе которого на социальную арену зарубежные социологи заявили уже давно. Это работники постиндустриальных технологий, а также те, кто производит и распространяет научные знания, духовные и культурные ценности, кто движет вперед научно-технический прогресс. В состав НРК входит как часть традиционного рабочего класса, так и научно-техническая и творческая интеллигенция. Состав данной категории в количественном отношении быстро растет; он будет и далее пополняться и расширяться в ходе научно-технической перестройки производства. Объективно это сила, которая в наибольшей степени заинтересована в модернизации нашего общества, его производственной базы, экономических и политических отношений. Это сила, за которой будущее. И политическое будущее за такой партией, которая сумеет повести за собой новый рабочий класс, стать выразителем и защитником его интересов.

Можно заметить, что сейчас именно из состава НРК рекрутируются сторон-

ники партий антисоциалистических, провозглашающих своей целью изменение общественного строя: либерал-демократов, Демократической партии, Демократического союза и т. д. Их социальная база — это в основном научная, творческая, инженерно-техническая интеллигенция. Каковы причины такого положения?

Первая причина — это степень осознания НРК своих собственных социальных интересов. Анализ показывает, что в условиях существующих форм капиталистического производства такие интересы не могут быть полностью реализованы. Их адекватное воплощение достигается в рамках гуманного демократического общества с социалистическим выбором.

Вторая причина — сами представления о социализме, которые до сих пор предлагались НРК и всему нашему обществу, не отвечают их запросам и идеалам. Сейчас, в процессе видоизменения наших представлений о социализме, о модели советского общества, должно наблюдаться сближение целей нового рабочего класса с целями социалистического выбора.

Третья причина состоит в том, что КПСС традиционно уделяла незначительное внимание данной категории, не рассматривая ее как базу своего комплектования. При формировании политики интересы нового рабочего класса не раз были ущемлены. При перемене ситуации отношение НРК к компартии может существенным образом измениться.

Говоря о перспективах взаимоотношений коммунистов с традиционным рабочим классом (работники так называемого индустриального и доиндустриального типа, немеханизированного, ручного труда, причем не только промышленные рабочие, но и трудящиеся села), который представляет на сегодняшний день самую многочисленную группу населения, В. С. Липицкий отметил его стратегическую заинтересованность в модернизации общества, однако подчеркнул, что с точки зрения текущих интересов, охватывающих ближайшие годы, обновление для этой социальной группы чревато серьезными испытаниями: проблема безработицы, снижение уровня жизни и т. п. Отсюда предположение, что традиционный рабочий класс в ближайшее время выступит как тормоз модернизации, поскольку степень осознания им своих отдаленных интересов не так велика, чтобы он согласился на сегодняшние лишения.

В. С. Липицкий проанализировал интересы и положение в современном обществе различных социальных групп.

Его главный вывод: процесс дифференциации интересов в обществе находится на подъеме, и, чтобы ответить на вопрос, может ли КПСС иметь будущее как партия «всего народа» или ей придется бороться за влияние в каких-то определенных социальных группах, необходимо прежде всего детальное, подробное изучение структуры интересов наиболее крупных и представительных из этих групп, сопоставление выявленных интересов с целями и задачами коммунистической партии, отражение именно прогрессивных интересов в ее программных документах.

Высказанные соображения вызвали оживленную реакцию участников дискуссии. Последовали возражения со стороны канд. философ. наук **Н. Е. Тихоновой**, по мнению которой будущее, безусловно, за новым рабочим классом, но сегодняшний день страны определяет все-таки рабочий класс старых отраслей. И это, считает она, партии следует учитывать при определении стратегии и тактики своей политики. Готовность традиционного рабочего класса поддержать введение рыночных механизмов в экономике, по ее мнению, будет зависеть от реформы цен на продукцию базовых отраслей промышленности и тарифов на транспортные услуги.

Участница дискуссии отметила, что Объединенный фронт трудящихся и резко активизировавшиеся профсоюзы тяготеют к выражению интересов рабочего класса старых отраслей промышленности. Народные фронты, социал-демократические организации отражают интересы представителей новых социальных групп, интеллигенции с нефиксированными доходами, работников новых отраслей промышленности. Возникают самостоятельные политические организации у кооператоров, фермеров. И если в этой ситуации партия будет занимать прежнюю позицию консолидации интересов всех сил, не учитывая, что конфликт между социальными группами обостряется, то это, по мнению выступающей, приведет к потере ею всякой социальной базы, включая и рабочий класс старых отраслей.

Вступая в дискуссию по проблеме социальной базы КПСС, канд. историч. наук **А. В. Рябов** подчеркнул, что та модель модернизации общества, которая осуществлялась у нас в течение 5 лет перестройки, носила ярко выраженный бюрократический характер и была выгодна лишь аппаратным структурам и тесно связанным с ними верхушечным группам кооператоров. Ни новые, ни традиционные рабочие, ни нарождающиеся широкие слои предпринимателей выгод от такой модернизации не получили. Отсюда узость ее социальной базы, а следовательно, и социальной базы КПСС. Выход — в четкой ориентации на человека труда, на всех тех, кто своим трудом зарабатывает на жизнь, в опоре прежде всего на традиционные слои рабочего класса, на его новые, недавно возникшие организации. Именно эти отряды продолжают играть ведущую роль в народном хозяйстве страны. От их поведения в конечном счете зависит судьба перестройки.

Канд. историч. наук **В. А. Горлов** развил некоторые уже прозвучавшие суждения относительно дифференциации интересов не столько по классовому, сколько

по внутриклассовому признаку. Дело не в том, считает он, кто является основной социальной базой КПСС на нынешнем этапе перестройки — традиционный рабочий класс или новый рабочий класс. Изучая этот вопрос, следует отойти от «горизонтального» деления общества, согласно которому основу последнего составляет рабочий класс. Более предпочтителен «вертикальный» подход, то есть вычленение из всех социальных слоев тех групп людей, которые ориентированы социалистически, заинтересованы в успехе перестройки.

Науч. сотр. Института **А. Д. Котыхов**, возвращаясь к тезису о КПСС как партии «всего народа», рассмотрел проблему с точки зрения негативного влияния требований непременного пропорционального представительства в партии всех социальных слоев общества на качественный состав ее рядов, ибо подобная практика вела к снижению требовательности при приеме одних, ограничению доступа в партию других, часто как раз социально более активных людей.

Следование вышеназванному тезису оборачивалось в сфере политики отсутствием дифференцированного подхода к интересам тех или иных социальных групп. Все это ослабляло боеспособность партийных организаций, партии в целом.

На проблеме выбора союзников и обеспечения резервов остановилась канд. историч. наук **Д. И. Полякова**. Вопрос о резерве из молодежной среды, отметила она, настолько очевиден, что многие политические образования заботятся об этом уже с первых своих шагов на общественной арене. В частности, при только что родившейся Православной конституционно-монархической партии России создан Комитет молодежи, Российское христианское демократическое движение имеет рядом с собой аналогичного молодежного спутника и т. д. А стремление КПСС продвигаться в сторону консолидации с прогрессивными силами молодежи пока просматривается весьма слабо. Даже ВЛКСМ не попал по-настоящему в орбиту партийного внимания. Между тем и в комсомоле, и в неформальных юношеских структурах, родственных партии по духу, следует искать опору и поддержку проводимой ею политики.

Интересные мысли были высказаны **В. А. Горловым** об организации деятельности депутатов-коммунистов в Советах, о неизбежности утверждения института партийных (не путать с внутрипартийными) фракций в Советах с вытекающей отсюда необходимостью закрепления в уставном или ином порядке обязательных для депутатов, представляющих КПСС в том или ином Совете, норм парламентской дисциплины в ее демократической интерпретации.

Канд. историч. наук **В. И. Глотов** обратил внимание на такую особенность складывающейся в стране многопартийности, как возникновение партий, действующих в масштабе всей страны, и партий, функционирующих в пределах той или иной республики. При этом политическая ситуация в каждой из республик отличается достаточным своеобразием.

Данное обстоятельство, по мнению выступавшего, в ряду других обусловливает необходимость предоставления компартиям союзных республик более широкой самостоятельности.

В своем выступлении канд. философ. наук **В. М. Лавричев** центральное место отвел вопросу о типе партии. Он подчеркнул, что тип партии определяется не формами ее организации и не методами работы, а целями и задачами партии, ее идейными основами. С этой точки зрения, считает он, представляется непонятной позиция тех, кто выступает за то, чтобы в корне изменить тип КПСС, перейти от так называемого «старого типа» к парламентскому типу партии. С научных позиций не ясно, что собой может выражать парламентский тип партии. Ведь он говорит о партии, борющейся за места в парламенте и только потом проводящей в нем свою политику. Но тогда все буржуазные партии будут относиться к этому типу, если они представлены в парламенте. Ну а что же получается, если парламентских мест партия не получит? Каков будет ее тип? Как считает выступавший, тут много неопределенного, расплывчатого. Его позиция в том, что речь сейчас может идти не об изменении типа, а об отказе от той модели партии, которая сложилась как главное звено административно-командной системы, о возрождении той по-ленински диалектической модели, которая первоначально отражала интересы, социалистический выбор передовой части рабочего класса, интеллигенции и крестьянства.

Докт. философ. наук **А. А. Павленко** остановился на причинах возникновения многопартийности, которое он связывает с изменениями базисного характера в советском обществе. Идущие в нашей стране экономические и политические процессы, возникший плюрализм он расценивает как присущие буржуазному обществу или «переходному периоду от социализма к капитализму». В соответствии с этим возникли не только самостоятельные партии разной политической ориентации, но и фракции или течения в рамках КПСС. Возможность сохранения партии как ведущей организованной силы общества выступавший связал с необходимостью перестройки на путях подлинного социалистического выбора.

Как видно из сказанного, дискуссия носила характер столкновения различных, порой диаметрально противоположных точек зрения. Не все выводы бесспорны, некоторые откровенно ошибочны, не все позиции конструктивны. Однако общее направление начавшегося поиска представляется верным.

В. П. БОКАРЕВ,
кандидат экономических наук;
Л. Н. ДОБРОХОТОВ,
кандидат философских наук

CONTENTS

SOMMAIRE

INHALT

SUMARIO

内　容

НОВЫЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО ИСТОРИИ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(Начало см. на 2-й стр. обложки)

РАДЖАБОВ Р. А. **В авангарде революционного обновления общества** [КПСС].— Баку: Азернешр, 1989.— 248 с.

МЕСТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Материалы XVII пленума Центрального Комитета Компартии Белоруссии, 27 марта 1990 г.— Минск: Беларусь, 1990.—62 с. На белорус. и рус. яз.

НТП: трудный путь к ускорению: [На материалах Компартии Белоруссии] / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии — фил. ИМЛ при ЦК КПСС.— Минск: Беларусь, 1990.— 144 с.

ЕНИКЕЕВ Э. А. **Большевики и учащаяся молодежь Казани (1905—февраль 1917 гг.).** — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990.—87 с.

БАКУЛИН А. С. **Сергей Прокофьев: Из истории Московского «Рабочего союза».**—М.: Моск. рабочий, 1990.—104 с.

Коммунистическое воспитание трудящихся Туркменистана в современных условиях: опыт и проблемы. Т. 1 / АН Туркм. ССР. Ин-т истории партии при ЦК КП Туркменистана — фил. ИМЛ при ЦК КПСС.— Ашхабад: Ылым, 1989.— 294 с. Репрогр.

Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по развитию хлопководства в Узбекистане (1925—1937 гг.) (Документы и материалы) / Ин-т истории партии при ЦК Компартии Узбекистана — фил. ИМЛ при ЦК КПСС. Гл. арх. упр. при СМ Уз. ССР. Центр. гос. архив УзССР.— Ташкент: Узбекистан, 1990.—318 с.

Материалы Пленума Центрального Комитета Компартии Украины, 31 марта 1990 г.— Киев: Политиздат Украины, 1990.—59 с.

БЕСОВ Л. М. **Научно-технический прогресс в промышленности Украины: опыт и проблемы партийного влияния.**—Харьков: Изд-во «Основа» при Харьк. ун-те, 1990.—134 с.

Від Жовтня до Вересня: [Збірник біогр. нарисів про активних учасників революційного руху на Прикарпатті].— Ужгород: Карпати, 1989.—662 с.

КРУПСКИЙ И. В., ЦЬОХ И. Т. **Флагман советской печати Украины** [газета «Коммунист»].—Львов: Свит, 1990.— 176 с.

Развитие школы: опыт партийного руководства, проблемы, задачи. Сб. науч. трудов: [На материалах Урала] / Свердловский пед. ин-т.—Свердловск, 1989.— 124 с.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КПСС

ГРОМЫКО А. А. **Памятное.** Кн. 1.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1990.— 512 с.

НИКИН В. В. **Платон Керженцев: Начало революционной и журналистской деятельности.**— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990.—143 с. (Нижегородцы-революционеры).

НАДЖАФОВ Г. **Весь пламень преданного сердца: Об А. П. Серебровском.**—М.: Политиздат, 1990.—238 с.

Вождь. Хозяин. Диктатор. Сборник / Сост. А. М. Разумихин.— М.: Патриот, 1990.—575 с.

ЛИПИЛИН В. Г. **Абсолют: Документальный рассказ о Е. Д. Стасовой.**— Л.: Лениздат, 1990.— 270 с.

МЕДВЕДЕВ Р. А. **Н. С. Хрущев: Политическая биография.**— М.: Книга, 1990.—303 с.

ТАУРИН Ф. **Верность: Повесть о Роберте Эйхе.**— М.: Политиздат, 1990.— 284 с. — (Пламенные революционеры).

ГАЛЬПЕРИН С. **Революцией призванные:** Очерки [о выдающихся командирах Красной Армии и советских военачальниках, стоявших у истоков рождения Советского государства].— Киев: Молодь, 1990.—239 с.

МЕДВЕДЕВ Р. А. **Они окружали Сталина.**— М.: Политиздат, 1990.—351 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

МАТЮНИН Э. Н. **Переболевшие «левизной»: В. И. Ленин и англо-американские «левые» на II конгрессе Коминтерна.**—Л.: Лениздат, 1990.— 286 с.

XVIII съезд Итальянской коммунистической партии. Рим, 18—22 марта 1989 г.— М.: Политиздат, 1990.—64 с. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий).

70 коп.

Индекс 70146

ISSN 0320-8907. Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. 1—160.